

МИР, МОЛОДЕЖЬ,
ФЕСТИВАЛЬ.

ШИРЕ ШАГ,
ЭВМ.

Арктическими
маршрутами.

№ 15 (1397) АВГУСТ 1985

СМЕНА

ISSN 0131-6656

МИЛЛИАРД НА ПЛАТА ВЫЖИТЬ

Ф

естивальная история превращает свою двенадцатую страницу. За тридцать восемь лет десять городов становились столицами фестивалей — Прага и Будапешт, Берлин и Бухарест, Варшава и Москва, Вена и Хельсинки, София и снова Берлин, Гавана — и снова Москва...

Фестивали вносили и вносят в диалектику послевоенного мира мощные позитивные импульсы.

Несколько суждений разных лет... Назым Хикмет: «...Фестиваль — победная песня мира и жизни. Эта песня поется миллионами молодых людей различных стран».

Бертран Рассел: «Я горячо поддерживаю фестивали и форумы молодежи, ибо вижу в них один из важнейших путей к созданию обстановки, столь необходимой миру: взаимного доверия людей разных рас, вероисповеданий и политических убеждений».

Фредерик Жюлио-Кюри: «Когда вы будете обмениваться идеями и опытом, когда ваши спортивные и культурные коллективы будут встречаться в соревнованиях, вы дадите человечеству больше, чем простые надежды, дадите ему великий пример братства и дружбы между народами...»

Турецкий поэт, знавший, что такое лавры и что такое тюремные застенки; английский философ, в знаменитом Манчестере, носящем имя его и Эйнштейна, призвавший человечество «научиться мыслить по-новому»; французский физик, стоявший у колыбели Всемирного движения сторонников мира, люди непохожих биографий и разных взглядов приветствуют фестивали. Великий Пабло Пикассо делает рисунок для фестивального плаката VI Всемирного. «Властитель дум» наших дней, озорной мудрец Габриэль Гарсиа Маркес становится президентом Национального подготовительного комитета колумбийской молодежи к XI Всемирному. О неизменной поддержке идеалов фестивального движения заявляли Томас Манн и Пабло Неруда, Альберт Швейцер и Ренато Гуттузо — люди, чей вклад в человеческую цивилизацию, в сотворение ценностей, являющихся ориентирами подлинного гуманизма, многообразен и велик.

Гуманизму в этом мире всегда противостояла бесчеловечность. Изгнать ее из жизни, из межгосударственных и межчеловеческих отношений — задача задач, проблема проблем. И сколь же значительна заслуга фестивального движения, неизменно утверждавшего в умах молодежи разных поколений мысль о том, что необходимо вооружиться терпением и оптимизмом, вступая на путь борьбы за освобождение нашего общего дома — планеты Земля — от нищеты и голода, от милитаризма и войны.

Да, каждый фестиваль — это радостный праздник узнавания друг друга, это грандиозная манифестация доброжелательства и симпатий, фейерверк зрелищ. Но это всегда и прямая, открытый диалог о времени и о себе.

У добра и зла есть имя и адрес. Как могло произойти, что в 80-е годы XX века человечество пришло к рубежу, за которым самоуничтожение? Кто ви-

новат? И что нужно сделать, чтобы остановить безумный процесс сползания в пропасть ядерной войны?

Чтобы строить будущее, надо разбираться в настоящем и осмыслить прошлое.

5 лет 8 месяцев и 7 дней продолжалась вторая мировая война. 1418 дней — Великая Отечественная. «Мы глубоко ценим великолепный вклад, внесенный Советским Союзом в дело цивилизации и свободы. Вы продемонстрировали способность свободолюбивого и в высшей степени храброго народа задушить злые силы варварства, как бы мощны они ни были» — это слова президента США Гарри Трумэна. Май 1945-го...

Пройдет совсем немного времени, и он отдаст приказ об атомной бомбардировке японских городов. 6 августа бомба, названная «Малыш», взорвется над Хиросимой. 9 августа другая бомба, «Толстяк», поразит Нагасаки.

Известны высказывания авторитетнейших военных экспертов Запада, в которых сформулирован однозначный вывод: к моменту, когда было принято решение об атомной атаке, Япония была уже практически на грани военной катастрофы. В США знали о предстоящем вступлении Советского Союза в войну на Дальнем Востоке: Еще в феврале 1945 года на Крымской конференции руководителей трех союзных держав антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании — было достигнуто соглашение, уточнившее существовавшую ранее договоренность: через два-три месяца после окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну с Японией. Не на Японию была нацелена мощь атомного оружия...

В исследовании о президентстве Гарри Трумэна говорится: «Трумэн и его ближайшие советники думали использовать бомбу как средство дипломатического устрашения русских».

Объединенный комитет начальников штабов США провел специальное заседание с участием видных физиков, работавших над проблемами атомной энергии. Цель — дать прогноз в отношении возможностей создания атомной бомбы в СССР. Вывод специалистов: для этого потребуется минимум пять лет, максимум двадцать, а скорее всего — десять лет.

Атомный шантаж становился фундаментом стратегических доктрин Соединенных Штатов.

Начальник штаба ВВС США в документе от 21 декабря 1948 года, представленном комитету начальников штабов, сообщал: «К 1 февраля 1949 года будут розданы по частям планы целей и навигационные карты для действий против первых семидесяти городов. Имеющиеся карты... достаточно точны, чтобы обеспечить достижение любой желательной цели в пределах Советского Союза».

25 сентября 1949 года было опубликовано сообщение ТАСС об испытании

атомной бомбы в СССР. С атомной монополией США было покончено...

Чтобы строить будущее, надо понять настоящее. Но надо знать и прошлое. Политическая трибуна фестивалей молодежи — не симпозиум ученых, но память и знание взаимосвязи исторических событий необходимы в наше тревожное время каждому.

Согласно классификации ООН, к молодежи относят тех, чей возраст от 15 до 25 лет. Численность этой возрастной категории населения планеты возросла с 1950 года по 1980 год на 86 процентов, что в абсолютных цифрах выразилось в ее увеличении с 450 до 850 миллионов человек. По подсчетам экспертов ООН, к 1991 году молодежь составит 1 миллиард человек.

Объявив 1985 год Международным годом молодежи, Организация Объединенных Наций преследовала важную и благородную цель — привлечь внимание мировой общественности, парламентов и правительств к проблемам молодежи. Их множество, они неодинаковы в разных странах, но есть основная, главная для всех — как обеспечить молодому поколению высшее из прав человека: право на жизнь.

Участники Московского фестиваля — люди, родившиеся после войны. Они знают о войне и первых послевоенных годах лишь по книгам, фильмам и воспоминаниям старших. И тем более важно, что в предфестивальной подготовке и в программу XII Всемирного были включены дискуссии по вопросам, ответы на которые дают ключ к познанию нынешней мировой ситуации, к выводам, имеющим определяющее значение для сегодняшнего дня и для дня завтрашнего.

Пожалуй, один из феноменов нашего времени — возросший интерес людей к явлениям и событиям, происходящим повсюду, на всех параллелях и меридианах земного шара, к тому, что по формальному счету их вроде бы не очень-то касается. Безвозвратно канули в прошлое нормы эпохи талейранов и меттернихов, когда мировая политика делалась в салонах и когда расчеты и просчеты монархов и дипломатов оплачивались на полях сражений кровью простолудино, не знавших, собственно говоря, почему и ради чего их послали в бой.

Вторая половина XX века принесла с собой неслыханный взрыв информации: люди в разных странах почувствовали, что они гораздо больше связаны друг с другом, чем разьединены. Проблемы одного народа — и это предельно отчетливо усматривается на множестве примеров — стали, как никогда прежде, проблемами других. Рельефнее, острее проступают связи между нефтяной скважиной на Аравийском полуострове и бензokolонкой в Детройте, между

одетыми в мундиры цвета хаки палачами чилийской хунты и господами в безукоризненно сшитых костюмах — директорами мультинациональных концернов, между забастовкой горняков в Англии и демонстрацией солидарности в Бельгии...

Фестивальный 1985 год выделил в своем календаре дату, памятную в самом высоком и благородном смысле: десятилетие подписания Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Помнится, кто-то из коллег-журналистов в Хельсинки бросил фразу: если бы политические руководители 35 государств собрались вместе даже для того, чтобы подписаться под простой таблицей умножения, то и это было бы фактом выдающегося значения. Но ведь их свела в Хельсинки не элементарная арифметика, а «высшая математика» мировой политики, они поставили подписи под документом, который, если бы он добросовестно соблюдался всеми, мог стать Хартией международных отношений современности.

На тот же июль 1975 года, которым помечено открытие совещания в Хельсинки, пришлось и другое историческое событие, утвердившее позитивную символику и обнадеживающую конкретику 70-х годов. — совместный полет «Союза» и «Аполлона».

Каждому понятно: ракеты, которые вывели на орбиту советский и американский космические корабли, сродни тем, что способны доставить до любой точки «шарика» ядерный груз. Командир советского экипажа — военный летчик. Командир американского экипажа — военный летчик. И когда там, в космосе, американец сказал по-русски: «Алексей, иди сюда!», а с советского корабля прозвучало: «О'кей!», и когда потом они потрясли друг другу руки и даже попытались обняться, что габаритами переходного модуля не вполне предусмотрено, думалось о многом. О жестокой и трудной войне против нацизма, когда были вместе. О незабытом рукопожатии на Эльбе, когда встретились солдаты Советской Армии и армии США.

За тем рукопожатием — и это тоже не вычеркнешь из памяти — последовали годы «холодной войны». И так хотелось верить, что за рукопожатием полковника Леонова и бригадного генерала Стаффорда могут и должны последовать годы и десятилетия добрососедства, сотрудничества народов, которые они представляют. И не только их. Человек в космосе — это в каком-то смысле представитель всех земель, и

вряд ли бывают ситуации, когда в разных странах, на разных континентах глубже и предметнее, чем в дни «Большого космоса», ощущалась общность, принадлежность к единому экипажу того космического корабля, который именуются «планета Земля»...

Начало восьмидесятых годов, увя, не оправдало добрых надежд. Конфронтация оттеснила разрядку. Человечество оказалось в самом критическом положении за всю свою историю.

ТЕ

Утверждают: для того, чтобы общественному мнению стали ясны ошибки, допущенные во внешней политике, требуется период, равный человеческой жизни. Но разве не ускорило нынешнее время с его апокалиптической угрозой ядерного самоуничтожения человечества процесс понимания все большим числом людей необходимости попытаться нейтрализовать уже совершенные ошибки и не допустить новых, непоправимых?

Политики, ученые, дипломаты, военные, постигшие степень опасности, уже не на келейных семинарах и конференциях за закрытыми дверями делятся своими соображениями, они выходят на миллионные аудитории, анализируя обстановку, трезво оценивая сложившиеся реалии, предлагая альтернативы.

На проходившей в Москве Всесоюзной конференции ученых «За избавление человечества от угрозы ядерной войны, за разоружение и мир» выступил с докладом вице-президент Академии наук СССР академик Евгений Велихов. Он сказал: «К сожалению, приходится признать, что современная наука впервые в истории создала материальную возможность для того, чтобы человечество прекратило свое существование. Ее плоды позволяют уничтожить не только все достижения человеческой цивилизации, но и саму жизнь на Земле. Причем такое самоуничтожение человечества может быть осуществлено за сравнительно короткий промежуток времени. А в масштабах истории — практически мгновенно. Сегодня крайне необходимо, чтобы все люди осознали суть оружия массового уничтожения как особого оружия, как оружия самоуничтожения, а не просто как более эффективного средства ведения военных действий...»

Правда может быть суровой и жестокой, но закрывать глаза на нее было бы не просто легкомысленно — это было бы преступно.

Из статистики ООН...

Во время второй мировой войны наиболее мощными бомбами были бомбы 10-тонные.

Бомба, взорванная над Хиросимой, обладала мощностью около 20 кило тонн. Иными словами, ее взрыв был эквивалентен взрыву 20 тысяч тонн обычного взрывчатого вещества, например, тринитротолуола.

Ныне мощность ядерных зарядов исчисляется в мегатоннах, то есть в миллионах тонн обычной взрывчатки. В арсеналах ядерных стран имеются бомбы мощностью в 10, 20 и более мегатонн. Сегодня возможно создать бомбу любой мощности — предела не существует.

Военные расходы в мире приближаются к чудовищной цифре: **2 миллиона долларов в минуту!** Программа «звездных войн», на которую делает ставку администрация Рональда Рейгана, не только до предела снизила бы так называемый «ядерный порог», создав массу новых, непредсказуемых факторов риска, она взвалила бы на плечи человечества бремя гигантских, неви-

данных в прежние десятилетия военных расходов.

Допустимо ли такое расточительство? Готовясь к XII Всемирному, молодежь мира дала решительный ответ на этот вопрос: «НЕТ!»

Что означало бы прекращение гонки вооружений, этого бессмысленного и безумного процесса, навязанного человечеству империализмом?

Для ликвидации к концу XX столетия неграмотности взрослых во всех странах Земли требуется 1,2 миллиарда долларов. Это значительно меньше, чем военные расходы в мире за один день.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), израсходовав за десять лет 83 миллиона долларов, ликвидировала на земном шаре оспу — этих денег стоил бы один современный стратегический бомбардировщик. Программа ВОЗ по ликвидации малярии, от которой сегодня страдают более миллиарда людей в 66 странах мира, потребует 450 миллионов долларов — и задерживается из-за отсутствия необходимых средств. Все расходы на нее — третья часть стоимости подлодки «Трайдент».

Не слишком ли дорого обходится навязанная человечеству подготовка к ядерному самоубийству?

Радушно и сердечно принимая в Москве участников и гостей XII Всемирного, мы имеем право доказательно и аргументированно заявить: Советская страна была и будет за решение всех спорных вопросов за столом переговоров, мы выступали и выступаем за полную ликвидацию всех видов оружия массового уничтожения, за то, чтобы слово «война» навсегда было вычеркнуто из человеческого лексикона.

Вспомним: уже в первый послевоенный год в комиссию по контролю над атомной энергией Советским Союзом был внесен «Проект международной конвенции о запрещении производства и применения оружия, основанного на использовании атомной энергии в целях массового уничтожения».

Это было 19 июня 1946 года.

В 1982 году, на второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению Советский Союз выступил с эпохальной инициативой: заявил об обязательстве НЕ ПРИМЕНЯТЬ ПЕРВЫМ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ.

Между двумя этими заявлениями лежат три с половиной десятилетия послевоенной истории, тридцать шесть лет, многие из которых были годами тревоги, неуверенности, опасности.

Не по нашей вине.

В 1946 году Советский Союз не располагал ядерным оружием и был готов отказаться от его создания.

В 1982 году, располагая мощным ядерным потенциалом, наша страна приняла торжественное обязательство о его неприменении первым. Если бы к этому обязательству присоединились другие ядерные державы, путь к миру без атомной и водородной бомбы был бы открыт.

Во все эпохи человеческой истории были войны и были противники войн. Они были против, но войны продолжались. Однако известны ли годы, когда антивоенное движение, особенно молодежное, принимало столь беспрецедентный по масштабам и географии характер?

Молодежь 80-х годов XX столетия учится мыслить по-новому. Учится понимать, что спорные вопросы не могут быть решены на полях ядерных сражений, что цивилизация, кто бы и как бы ее ни представлял себе, не может уцелеть на радиоактивных руинах планеты.

...Отшумит XII Всемирный, разъедутся из Москвы его участники, посланцы подавляющего большинства государств планеты. Пусть унесут они с собой глубокое убеждение: советские люди считают войну проклятием для народов, и они сделают все, что в их силах, чтобы войну не допустить.

Для этого надо действовать. Всем вместе, сообща.

Действовать сегодня, сейчас!

Завтра уже может быть поздно...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 15 (1397) АВГУСТ 1985

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
новый
Дворец торжеств
в Тбилиси.

Фото
Сергея ВЕТРОВА.

1 «МИРУ НА ПЛАНЕТЕ — БЫТЬ».

2 МОЛОДЕЖЬ В ТРУДОВОМ КОЛЛЕКТИВЕ.
Эдуард САМОЙЛОВ. «ПО-РАБОЧЕМУ!»

4 НАДО ОБСУДИТЬ.
Борис МИРОНОВ. «ОБИДА».

6 ЛИТЕРАТУРНЫЕ УРОКИ.
Римма КОВАЛЕНКО. «АНАТОЛИЙ АНАНЬЕВ:
«ШЛИ В БОЙ, ЧТОБЫ ЖИТЬ ВЕЧНО...».

8 Станислав ТОКАРЕВ. «СЫН ЭФИРА».
Исторический рассказ.

11 Стихи Юрия ПОРОЙКОВА.

12 «МЗЕОБА», «ЭРДГУЛЕБА» И ДРУГИЕ».
Фотоочерк Сергея ВЕТРОВА.

14 Павел ЕМЕЛИН. «СТРОГИЙ СПРОС».
Репортаж с открытого комсомольского собрания.

16 НАВСТРЕЧУ XXVII СЪЕЗДУ КПСС.
Александр ФИН. «ПАРОЛЬ ПРОГРЕССА — ЗВМ».

18 ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ДИСКУССИЯ «УСТАРЕЛА ЛИ ВЕРНОСТЬ?».
«ВОПРОС ДЛЯ ВСЕХ».

19 «ПЯТЕРО В НЕБЕ».
Фоторепортаж Алексея НИКОЛАЕВА и Альберта ЛЕХМУСА.

24 ТВОЙ СОБЕСЕДНИК — ЧЕМПИОН.
Ольга ВОЛКОВА. «ВЕРИТЬ В СВОЙ ПРЫЖОК».

26 МИР КАПИТАЛА: СОВЕСТЬ НА РАСПРОДАЖУ.
Александр САБОВ. «ДЕКАДАНС ПРОТИВ МОРАЛИ».

29 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНЫ».
Уильям КОТЦВИНКЛ. «ИП».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. П. КУЛШОВ, И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантрусев. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена». 1985 г.

*Решительное ускорение
нашего развития
должно опираться
на живое творчество трудящихся,
на поиск новых резервов
повышения
производительности труда,
умелое использование
рабочих кадров,
на инициативу
трудовых коллективов.*

Эдуард САМОЙЛОВ

Помню, когда я впервые услышал о бригаде, в которой заработанные ею деньги делятся поровну между всеми, подумал: уж не вылезла ли здесь пресловутая уравниловка?

Подозрения насчет уравниловки пришлось отбросить. Ведь уравниловка всегда принуждение. А здесь бригада Виктора Ивановича Баранова с турбинного завода сама написала заявление в бухгалтерию: «Просим сделать зарплату бригады рассчитывать всем поровну согласно фактически отработанному времени». И ниже — подписи рабочих. Подчеркну: речь идет не о равном коэффициенте трудового участия, а о равном общем заработке.

Это было тем более интересно и тем более непонятно, что известно ведь: люди нередко опасаются столкнуться в бригаде именно с уравниловкой, и до сих пор такие настроения — одно из главных препятствий на пути внедрения бригадного метода. Работать все абсолютно одинаково не могут, деньги же пойдут в общий котел. А вдруг мой вклад недооценят? Или конечный результат окажется плохим не по моей вине и придется расплачиваться за чужую лень, нерасторопность?

Значит, люди в бригадах, где деньги делят поровну, приходят вроде бы именно к тому, чего сначала опасались? Любопытная получается карусель. Но чем больше я вникал в суть отношений между людьми, работающими в таких коллективах, тем удивительнее открывалась картина. Но начнем по порядку.

На Калужском турбинном рабочий, допустим, имеет третий разряд, но фактически работает уже по пятому, и совет бригады принимает решение платить ему по его труду. Или: рабочий на заготовительных операциях получает значительно меньше, чем высококвалифицированный станочник на заключительных, потому что расценки здесь не всегда объективно отражают вклад

Фото Сергея ВЕТРОВА

ПО-РАДОВОЧ

каждого из них в конечный результат. Совет бригады и в таких случаях восстанавливает справедливость с помощью коэффициента трудового участия: уменьшает разрыв в зарплате таких рабочих. А теперь вот многие бригады пошли еще дальше — ликвидировали этот разрыв вообще.

Бригада Виктора Ивановича Баранова другого принципа не признает. Отчасти это объясняется совмещением профессий. Одиннадцать человек собирают корпус турбины, для чего требуется труд рабочих шести специальностей: сварщик, слесарь-сборщик, обрубщик, сверловщик, газорезчик, разметчик. Каждый в бригаде — ас в одной-двух специальностях, но владеет еще одной-двумя. Без дела никто никогда не сидит. Сейчас рабочий сверлит, затем обрубает, над сваркой заняться — и это делает. Как определить, сколько он каждый раз заработал, если расценки везде разные? Занятие явно неблагоприятное.

Мы с Барановым долго говорили, при каких условиях возможна его система оплаты труда.

Условие первое: добросовестность.

Что заставляет человека работать добросовестно? Профессиональная гордость; желание быть не хуже других; материальный интерес... Стимулов много. И что интересно: в бригаде, где заработок равный, стимулы усиливаются и появляется новый мощнейший фактор, побуждающий трудиться с полной отдачей.

Дело в том, что если заработанные деньги делаются поровну, а кто-то недобросовестен, то он просто-напросто присваивает себе часть зарплаты своих товарищей. И в бригаде на него смотрят соответствующе — как на халтурника. Для человека с нормальной совестью, с нормальным самолюбием такое положение в коллективе непереносимо, а способ изменить его только один: вкладываться полностью.

Справедливости ради надо сказать, что не все выдерживают этот жесткий, строжайший экзамен на нравственную и профессиональную зрелость.

Года три назад в бригаду Баранова пришел рабочий, сварщик пятого разряда. Довольно быстро выяснилось, что на свой разряд он «не тянет» — варит плохо. Причем, пользуясь тем, что бригада работает в две смены и сварщиков здесь несколько, пытался пару раз свалить свою вину на других. Ему доказывали, что брак допущен именно им, заставляли переделывать работу. Несколько раз бригада, что называется, ставила его «на ковер», требовала изменить отношение к труду. Обещал, но слова не сдержал. В конце концов пришлось с ним расстаться.

— А может быть так, — спросил я, — что к вам попал человек, который искренне хочет работать добросовестно, старается, но просто каких-то данных у него нет, не получается? Как тут быть?

— Такого быть не может, — твердо сказал Анатолий Орешкин, заместитель бригадира. — Если старается, то получится: научим всему, чему надо. По-другому не бывает.

Условие второе: каждый ас в своем деле.

Ну, если каждый ас — тогда все понятно. А если в такую бригаду пришел зеленый новичок?

Юрий Дунец поступил в бригаду Баранова сварщиком второго разряда. Получал хотя и меньше, чем все, но все-таки на 30 рублей больше, чем полагалось бы по реальному вкладу. То есть бригада как бы «дарила» ему 30 рублей, и все это прекрасно знали.

В этом «довеске» — целая программа, на которую ориентируют новичка. Вовлеченных, бригада дает почувствовать ему характер отношений, царящих здесь: деньги в этом коллективе не самое главное, иначе они не переходили бы из зарплаты десяти человек в карман одиннадцатого. Во-вторых, это стимул как можно быстрее подтянуться до общбригадного уровня: новичку хочется не получать подарки, а самому зарабатывать. Здесь уже вступает в действие фактор самолюбия.

Результат: Юрий вышел на уровень пятого разряда через восемь месяцев. Можете поверить, «судьи» в бригаде строгие, завышать оценку не станут. Обычно же на этот путь уходит не менее двух лет.

Саша Денисов пришел в бригаду тоже новичком второго разряда, но платить ему стали сразу поровну со всеми: на сотню рублей больше, чем фактически зарабатывал. Спрашиваю, почему такая разница? Объясняют с оттенком снисходительности (не понимаю таких простых вещей!):

— У Юры материальное положение было получше и жилищные условия тоже. А Саша, как пришел из армии — одеться, обуться надо? Жил с женой у тещи, потом комнату дали — обстановку надо купить?

Действительно, что ж тут непонятного... Только вот когда мы все будем так рассуждать? Наверное, не надо добавлять, как старается, как безотказен в работе Саша.

Квалификация, профессиональный рост — и нравственность, коллективизм. Все здесь «завязано», одно работает на другое. Система оплаты труда поровну помогает иной раз человеку найти в себе такие силы, такие резервы, которые в других условиях могли бы вообще не проявиться. И во всех таких бригадах новички повышают квалификацию просто стремительно.

Все это относится не только к новичкам. Я знаю случай в другой бригаде, когда одна из работниц никак не могла регулярно выполнять норму, хотя старалась искренне. И бригада смирилась с этим. Выполнила, не выполнила — относятся к ней хорошо, зарплату получают, как все. Рассуждали так: ну, не может человек, что ж теперь подделывать...

Сказалось, видимо, доброжелательное отношение к ней со стороны коллектива. И не давали покоя незаработанные рубли. Работница все-таки догнала подруг в мастерстве. Смогла бы она найти в себе силы, чтобы взять, казалось, недостижимую высоту, если, б ей каждый раз снижали КТУ? Не уверен...

Нет более мощного стимула, чем равенство людей, до которого ты еще не

дотянулся, но которое так близко и зримо — надо только, опираясь на твердые и надежные руки товарищей, сделать последнее, решающее усилие — и ты рядом с ними.

Условие третье: и работа поровну.

Раз деньги делим поровну, значит, и работу тоже. В таких бригадах, как у Виктора Ивановича Баранова, уже не бывает, чтобы один все время выполнял какие-то однообразные, скучные или физически тяжелые операции, а другие — те, что полегче (или посложнее). Все тяжелое и скучное распределяется равномерно. Из-за этого приходится подтягиваться, стати, и тем, что раньше преимущественно специализировались именно на простых операциях: теперь такие рабочие должны повышать свою квалификацию — ради все той же справедливости.

Конечно, в любой бригаде всегда найдется ас, который работает лучше всех. И здесь уже встает вопрос о психологической совместимости людей в таких коллективах.

Условие четвертое: дружба (или «рвачей не держим»).

Что ни говори, а одинаково люди работать не могут — не по добросовестности, а по результатам своего труда. Даже два совершенно одинаковых автоматических станка не равно производительны: на один, может, солнце не с того боку светит, и в машине уже что-то неуловимо меняется. А тут люди, двух одинаковых не найти. А как чувствуют себя лидеры, которые могли получать зарплату более высокую, если б скрупулезно, согласно действующим нормам, подсчитывался вклад каждого рабочего в конечный результат? Не обидно ли им?

В бригаде Баранова выделяется Анатолий Орешкин. Признанный мастер самых сложных операций. Но не гнушается и физической работы. Наверняка при обычной системе зарабатывал бы больше. Человек с прямым, открытым характером.

Видел бы кто, как он разгорячился, когда я спросил его: не жалко ли деньги терять? У Анатолия аж глаза потемнели: он воспринял вопрос как унижающий его и бригады достоинство.

— Конечно, — обрушился он на меня, — я стою с карандашом и блокнотиком, шевелю мозгами, рассчитываю, как корпус турбины собирать. А вот он, — кивок в сторону товарища, — молотком и зубилом шурует — обрубает металл. Я изволинами работаю, а у него спина мокрая и голова уже от стука гудит. По-вашему, справедливо платить ему меньше?

Анатолий обрубает разговор, как зубилом с корпуса турбины корявый металлический нарост.

— Ерунда все это. Говорить не о чем. Рвачей не держим. У нас такие если и приходят, то долго не задерживаются.

Баранов слушал нас насупившись, а потом выдал мне еще:

— Я раньше, до бригад, по восемьсот рублей зарабатывал. Так что ж мне теперь, только о деньгах и думать?

Не сдаюсь, говорю, что все-таки эта система спорная, не везде ее можно применить, чтоб справедливость в оплате труда соблюсти.

— Не верю, — горячится Виктор Иванович, — что нельзя обучить, расставить и перемещать людей так, чтобы они работали примерно одинаково и по квалификации, и по нагрузкам, и по другим характеристикам. Все от нас зависит, захотим это сделать — сделаем. И «рвачей» перевоспитаем, и «асов» заставим понять, что они вовсе не так незаменимы, как им кажется, и слабого подтянем. Надо только, чтобы люди в себя поверили и про совесть не забывали.

Подобные вопросы я потом задавал во многих бригадах, и везде реакция была одинакова: отношения взаимоподдержки, доверия, равно добросовестного отношения к труду, духовная связь, которая при этом возникает между людьми. — Этот капитал гораздо дороже

для них, чем несколько десятков рублей, которые им пришлось бы делить, если до копейки подсчитывать вклад каждого рабочего.

Еще характерный момент. В бригадах, где в ходу КТУ, на провинности или оплошности рабочих смотрят по-разному, вплоть до того, что кое-кто этому радуется: ведь если кому-то КТУ срезали, то у другого за счет этого заработок прирастет на десятку, а то и две.

В бригадах барановского типа случаи наказания рублем редкость. Не только потому, что все, как правило, работают одинаково добросовестно, но еще по той причине, что и прощают здесь друг другу многое. Если человек не может день-другой работать, как обычно, бригада верит, что на то есть серьезные причины. Мало ли что в жизни бывает: может, новомодный грипп прихватил — температуры нет, а голова как чугунная. Или дома неладят какие...

В таких случаях бригада без лишних вопросов принимает на себя дополнительную нагрузку. Тот, у кого сегодня почему-то работа «из рук валится», не увидит ни одного косога взгляда, не услышит недоброе слово, даже интонации неодобрительной... Каждый знает, что и с ним такое может быть, что бригада и его точно так же поддержит своим могучим плечом. Это создает атмосферу психологической раскрепощенности в коллективе.

И еще стрих. В такой бригаде, если это коллектив сложившийся и система равной оплаты освоена прочно, вы напрасно будете добиваться сведений о лучших и слабых. Вам упорно будут твердить, что «у нас все работают одинаково». Если ты выложишься, сделал все, что мог, пусть даже несколько меньше, чем твой товарищ, — значит, работаешь, как он, и деньги вы поделите поровну. И про новичка вам тоже скажут, что он работает, как все, — делают упор не на его вклад в дело, а на старательность.

В бригаде Баранова я долго допытывался, есть ли здесь двое-трое, которые выделялись бы в коллективе более тесными отношениями. Ребята морщили лбы, вспоминали тех, кто во вторую смену, глядели друг на друга, но так и не нашли, кого бы назвать. Им самим было интересно поразмышлять, раньше-то об этом не задумывались.

— В общем, — заключил Орешкин, — если не мерить «на граммы», то все друг к другу относимся одинаково хорошо.

К слову, бывать в таких бригадах одно удовольствие. Приходишь, знакомишься, разговариваешь. Перед тобой несколько человек — разных возрастов, характеров, национальностей, и такой от них веет духовной общностью, такой несокрушимой человеческой солидарностью... Сам уходишь в приподнятом настроении.

На Калужском турбинном бригад, делающих заработок поровну, уже десятки. Такие бригады есть практически на всех крупных предприятиях города и области.

Пользуясь тем, что на турбинный чуть ли не ежедневно прибывает делегация со всего Союза, я расспрашивал о бригадах нового типа многих гостей. И оказалось, что явление, зародившееся на «турбинке», распространяется повсеместно. К примеру, начальник бюро бригадных форм организации труда Поменского завода «Электрон» Г. В. Филин, приехавший в Калугу четвертый раз, сообщил, что у них в основном производстве уже половина бригад делит деньги поровну.

Интересно, что такая система оплаты дает совершенно новый стимул к соревнованию внутри бригад на любом заводе. Обычно стимул выйти в передовики — кроме морального — лишняя десятка или двадцатка. Кого-то это волнует больше, кого-то меньше — соответственно и отношение к работе разное. А тут на лидеров смотрят иначе. Если кто-то вырвался вперед, делает больше, чем я, — значит, он работает уже и

ЕМУ!

за меня. Выходит, я в долгу... А кому нравится чувствовать себя должником? И начинается форменная «гонка за лидером». Люба Макаркина с Калужского завода электрооборудования рассказывала:

— Как-то я отставала на одной операции из-за того, что долго проболела, потеряла навык. Пришлось догонять, и в результате получилось, что заметно опередила других. Девчонки стали ворчать: куда, мол, тебя понесло. А я смеюсь: что вы беспокоитесь, я же не прошу себе КТУ повисить. Делать нечего — пришлось и им поднажать, постепенно меня догнали.

Новый нравственный стимул оказывается порой куда более мощным, чем материальный, потому что затрагивает самые глубокие пласты самосознания человека: чувство собственного достоинства, полноценности, способности быть наравне с лучшими.

Чтоб все было честно, должен рассказать и о неудачах, конфликтах.

Из бригады Саши Кузнецова с Калужского машиностроительного завода по не зависящим от коллектива причинам уволились двое рабочих. Набрали новых людей. Для них система равной оплаты труда была в диковинку, они в нее «не вписались». И все вернулось на круги своя.

— Скатиться вниз с той высоты, на которой бригада была, легко, — с грустью говорил мне Саша, — а вот подняться труднее. Пока не получается.

В бригаде Юрия Камышева из того же цеха машзавода система оплаты труда поровну сломалась по другой причине. У станочников ее ввести вообще труднее, чем у сборщиков. Станочники работают, бывает, каждый на «своем» станке, иной раз в разных концах цеха. Продукцию порой делают совершенно разную. Разница в квалификации здесь наиболее заметна: один «сотки ловит», другой гайки нарезает — какая уж тут зарплата поровну. С другой стороны, не век же кто-то должен гайки нарезать?

В общем, попробовали и в этой бригаде ввести такую систему. Сначала все шло отлично, и доказательство тому — резко возросшая производительность труда всех без исключения в бригаде.

А через полгода один из тех, что раньше выполнял преимущественно «выгодные» работы, получал больше других и привык к этому, заявив, что больше свою зарплату в «общий котел» отдавать не будет...

Конечно, возможности применения системы оплаты труда поровну действительно небезграничны. Есть профессии, например, инструментальщиков, где путь от низшего разряда к высшему преодолевается многие годы.

На конвейере завода электрооборудования есть участки производства, где подмены рабочих на различных операциях практически не нужны. Например, четыре специфические операции выполняют специализированные группы работниц — членов одной бригады, и делить между группами зарплату поровну нет оснований.

Но внутри этих групп опять-таки делят поровну! Значит, тенденция все-таки сохраняется.

Многие руководители цехов говорили мне, что теперь при создании бригад стремятся объединить в них людей так, чтобы и в чисто технологическом плане иметь как можно больше условий для применения системы оплаты труда поровну. Остальное, добавляли они, зависит от воспитательной работы.

Не может быть никаких сомнений: в нашей экономике по мере развития вширь и вглубь «калужского варианта» мощно действуют закономерности, результатом которых — и для многих неожиданным, непредвиденным результатом — стало появление и все более широкое распространение бригад, в которых зарплата делится поровну. Причем это инициатива самих рабочих. Здесь есть над чем подумать.

Надо обсудить

Борис МИРОНОВ

Вечером Люся уговорила Алексея завтра с утра пораньше, чтоб до обеда обернуться (после обеда Алексею на смену), съездить в пригородный поселок Силикатный, где появились чешские сарафаны. В другой бы раз Алексей ни за что не согласился — в городе ей мало тряпок! — сослался бы на занятость. Дел действительно хватало. Но Люся взяла хитростью. Она появилась в обнове — красивом, ярком сарафане — в дверях кухни, когда Алексей кормил дочку, встала в дверях нога за ногу, правой рукой оперлась о косяк, левую лихо положила на бедро.

— Ну как? — весело спросила.
— Во! — Алексей выставил большой палец.

— Так ты считаешь, надо брать?
— Спрашиваешь! — воскликнул Алексей.

— Тогда завтра едем в Силикатный. Настена там сегодня купила, дала померить, — довольная, что так ловко и быстро сговорила Алексея, засмеялась Люся.

Через минуту Люся снова заглянула на кухню:

— Я к Настене, отнесу сарафан. Кстати, ты Борцова позвал?

— Другей на день рождения не зовут, они сами приходят.

— Тоже мне друг! — пожала плечами Люся. — Небось, забыл уже, как у нас двери открываются.

Алексей удивленно взглянул на жену:

— Ты чего это?
— Знаешь, грустно как-то: изменился Сашка, не узнать. Встретила его на днях, щеголь, да и только: куртка финская на нем — «аляска», сапожки на высоком каблучке, еле узнала. И чужой какой-то, высокомерный, завбазой, не меньше. Сказала ему, он смеется: поднимаю престиж рабочего класса.

— Язык у него подвешен, это точно, — рассмеялся Алексей. — Но и работает он не хуже других.
— Только откуда в нем страсть к шикку завелась?

— Не знаю, — вдруг рассердился Алексей. — какая его муха укусила, что он стал так за рублем гоняться.

— Не знаешь, а еще говоришь: друг.

Длинный двухэтажный универмаг из серого кирпича, запыленных громадных стекол стоял прямо у въезда на большую круглую площадь поселка, но подъехать напрямую к нему было нельзя: висел запретный знак. Алексей повел машину вокруг огромного красного транспаранта: «Силикатчане! Все силы, знания и опыт — на досрочное выполнение ударных социалистических обязательств года!» — и остановился в тенечке неподалеку от универмага.

Люся осторожно переложив заснувшую в дороге дочку с коленей на сиденье.

— Открой все дверцы, а то ей жарко будет, — наказала она Алексею и заторопилась к магазину, около которого уже выстроилась длинная очередь.

Алексей раскрыл все дверцы, развязал длинные белые тесемки шапочки, врезавшиеся дочке в подбородок, и стал караулить ее сон, думая о вчерашнем с Люсей разговоре. Права Люся, уже нет у них с Сашкой прежней нужды друг в друге. «Привет!» — «Привет!» — и

все отношения. Отчего так, Алексей прежде не думал, хотя и побаливала душа от возникшей между ними отчужденности. Сашка пришел в цех после училища, когда Алексей уже в славе был, но поняли они друг друга с полуслова, быстро сдружились. И с Галкой Сашка у них дома познакомился. Пожалуй, как никто другой, Сашка быстро, очень быстро встал вровень с мастерами, асами, получил премию комсомола, орден. При этом голову не потерял, не зазнался. Только позже стали подмечать, что Сашка берется за сложный заказ не потому, что мастерством блеснуть хочет, себя утвердить, как считали прежде, а потому, что платят за заказ больше. А иногда задание намного интереснее, но по расценкам ниже — не берется Сашка. Все силы приложит, чтобы отказать...

Вернулась Люся. Уже по тому, как вяло она шла, понял Алексей: не досталась ей сарафана.

— Спит? — спросила Люся.

— Не досталось?

— Да ну их всех! — шмыгнула она носом. — Настя брала вчера вечером перед самым закрытием, только завезли, а сегодня с утра уже нету, не ночью же они их распродали?

— Ничего, может, еще где выкинут.

— Выкинут, как же, жди! — рассердилась Люся.

— Тише, ребенка разбудишь.

— Слушай, — перешла на шепот Люся, — а может, ты сходишь, а? Мужик ведь, мужику дадут! Только не будь там буквой, улыбнись, намекни, что отблагодаришь, бог с ней, с десяткой...

Возле большого зеркала стояла пожилая женщина в синем форменном халате.

— У вас сарафаны вчера были, — подошел к ней Алексей, — ничего не осталось?

— А вы вон к той, в сером парике, подойдите, ее секция. Они есть, только попросите получше.

Женщина, на которую указали Алексею, сидела за маленьким столиком, читала.

— Добрый день.

Женщина продолжала с интересом читать.

— У вас были сарафаны...

— Проданы, — оборвала заведующая.

— Но, может, найдется один. — Алексею хотелось развернуться и уйти, но он просительно добавил: — Я ведь это, ну, доплачу.

— А у нас все платят, бесплатно никому не даем, — нарочно громко и все так же не поднимая парика сказала заведующая.

— Вы бы хоть на человека-то взглянули, — не стерпел Алексей.

— Тоже мне Ален Делон, — усмехнулась заведующая, мельком глянув на него.

Алексей растерялся и выпалил первое, что пришло в голову. Пришло почему-то слышанное где-то:

— Вот от таких мужья в Китай сбегают.

Тут он увидел, наконец, лицо заведующей, оно оказалось намного моложе ее голоса:

— Ну-ка пошел отсюда! Нажрался с утра! Я ты сейчас быстро спроважу куда следует. Там те покажут Китай!

«Как с цепи сорвалась... А я-то! Вот дурень, нашел, с кем связываться!» — ругал себя Алексей, усаживаясь в машину.

— Не вышло? — спросила Люся.
— Проживешь без сарафана, не голая ходишь, — огрызнулся Алексей.

Люся обиделась. Долго ехали молча.

— Извини, конечно, — покаялся Алексей. — Но ведь как оплеванный теперь, они же на нас даже смотреть не хотят.

— Да ладно, чего уж там, — успокоила мужа Люся, — это для тебя внове, потому что по магазинам не ходишь, а походи-ка, так еще не то увидишь.

В конторке мастера — стеклянной комнатухе, вжавшейся в угол цеха, — слышался громкий разговор.

— Что за шум, а драки нет? — спросил с порога Алексей.

— Здравствуй, Алексей, — ответил хозяин комнатухи, высокий и болезненно худой Иван Алексеевич Боровской. Поздоровались и другие кузнецы, собравшиеся здесь перед сменой.

— Вот, — раздраженно сказал Боровской, — опять, понимаешь, Борщов нам цирк бесплатный устраивает. Расценки, видите ли, ему не те. Да я, что ли, их

придумываю! Мне какие заказы дают, я те и распределяю.

Борщов, рослый, красивый, светловолосый, прищурив левый глаз, что-то высматривал в своей брезентовой рукавице. Хлопнув ею о колено, он поднял на Боровского большие светлые глаза.

— Ну, почему, Лексеич, я должен сшибать несчастные троица на каких-то там, черт бы их побрал, рессорах, если могу сковать те же подвески. Могу или нет?

— Да можешь, можешь, кто спорит, — вздохнул Боровской.

— Ну вот, а это уже не трояк. Я что, в карман кому лезу, вы меня тут стыдите, я честно хочу заработать побольше. А то сразу: «Крохобо-ор!» — передразнил он кого-то.

— Ну, а рессоры кто будет делать? — всплеснул длинными, тонкими руками Боровской.

— Давай наряд мне, — подошел к столу Алексей, — а то, чувствую, это долгая песня.

— Да ты ж позавчера их ковал, вчера — Жеребцов, третьего дня — Погодаев, до него — Бирюков, — стал загибать пальцы Боровской, — теперь его очередь, все по-честному.

— Что он, маленький, сидит тут, ковыряется, как у мамы за столом: это хочу, это не хочу, — вспыхнул Погодаев.

— Привык, что с ним цацкаются, вот и распустился, — поддержал Погодаева простуженным голосом Бирюков.

— Ничего, Иван Алексеевич, не обеднеем, давай наряд, — протянул руку Алексей.

— Да ладно, тоже мне донкихот, — поднялся Борщов, сгреб со стола бумагу, — как-нибудь без подачи проживем. — И, первым выйдя из конторки, бухнул дверью.

— Вот распустился пацан, — ругнулся Бирюков.

— Все, мужики, все, давайте по местам, потом поговорим, — распорядился Боровской.

Молот Алексея самый дальний в цеху. В узком проходе между нагревательными печами Алексей нагнал Борщова, придержал его за плечо:

— Постой, Саша.

Борщов выдернул плечо из-под его руки:

— Что ты лезешь куда не просят, во все дырки затычка. Больше всех надо, да?

— Не мне, а тебе, получается, больше

всех надо, если каждый раз дерешь горло за выгодный наряд.

— А ну вас всех, — махнул рукой Борщов, — корячьтесь тут сами за спасибо! Алексей подошел к молоту, когда бригада была уже вся на местах, поздравился:

— Все живы-здоровы? Самоотводов нет? Тогда поехали.

И пошла работа. Сережа Кириличев знает подает огненные поковки, на бригадира ему смотреть некогда, да и не многое прочтает на его лице. Сосредоточен, все внимание штампу. Левая нога привычно топает педаль, и тогда тяжелый молот срывается вниз. Коренастый Сережа Михайлов быстро снимает со щита выкованную подвеску, отточенным броском мечет ее в поддон.

Алексею же было не по себе. Задел не тон Борщова, не его обидные слова, давило то, что это уже не первая размова перед сменой. «Не буду делать!» — и все, хоть ты тресни! Проворонили где-то парня, упустили. Вон как

— Никак нет, — отчеканил он по-армейски. — Прошу принять в кузнецы. Директор училища Шируков внимательно пригляделся к паренюку, стоящему перед комиссией. Невысок, худощав, но кость, по всему видно, широкая. «Мясо нарастет, крепкий мужик получится», — подумал Шируков. Пробежал глазами по армейской характеристике: «Рязанов Алексей Васильевич, гвардии сержант... Кантемировская танковая дивизия... секретарь комитета комсомола батальона...»

— Трудно, небось, в именитых войсках служить, а, сержант, начальство рядом, спрос строже? — улыбнулся директор.

— Если грехов нет, так чего же начальства бояться, — разувлибался Алексей: понял, что возьмут его в кузнецы.

— Ладно, пойдешь в кузнецы, но с условием, во-первых, гвардейцем оставаться, во-вторых, подумать, как комсомольскую работу среди ребят наладить.

— А почему ж непременно в кузне-

— Слушай, Павел Федорович, — вдруг загорелся Алексей, — вот ты меня поздравляешь, а никогда не думал, куда я эти премии деваю? Может, я только для того и придумываю, чтобы у меня денег побольше было...

Шестаков удивленно молчал. — Да я серьезно, — рассердился Алексей. — Вот мы проценты, экономии подсчитываем, по ним человека меряем, производим в передовики, лауреаты. А приглядишься — сверху-то он мастер, ударник, а внутри труха.

— О Борщове мы тут говорили, — объяснил обстановку Хворостов.

— Действительно, тяжелый случай, — Шестаков пододвинул от соседнего столика стул, сел. — В корень, Леша, смотришь. Только ты мне скажи, пожалуйста, а как разобраться, крепкая порода внутри или труха? Борщов ведь считай, пацаном в цех пришел, после училища. Хватка, смекалка, сноровка — все при нем. Работал как — залюбуешься! Ну, думали, еще один Антонов,

больше, а живешь хуже? Никогда не задумывался? А надо бы. Тогда может, и Борщова пойдем, и воспитывать нам его будет легче. Он ведь лишней десятой небось гордость своим рабочую защитить хочет перед своими дружками. Знаю я его компанию, в одном доме живем. Пашка по вечерам в кафе барабан дубасит, Игорь макулатуру принимает, а поглядеть — купцы! Борщов по сравнению с ними — сирота. Вот ему и обидно. Не хочет он, кузнец, мастер, перед ними в грязь лицом ударить, а для этого в кармане лишняя десятка нужна. Ну, заговорились, — поднялся Шестаков. — Думайте, мужики, думайте. Не в ту сторону рабочий человек смотрит, тут надо ухо остро держать.

Ожил молот, заходил нетерпеливо, сдерживаемый невидимой мощной силой. Кириличев выложил поковку на штамп, молот, спущенный Алексеем, метнулся вниз, нанося страшной силы удар по заготовке. Еще и еще. Пошла работа.

Смотрим на человека, опять думал Алексей, с одного боку — только как работает. На заводе тому же Борщову честь и хвала: передовик, ударник, а выйдет за ворота — там другие понятия. Та же продавщица сегодняшняя может продать, а может не продать дефицитную вещь. Для тебя нет, для другого, своего, есть.

Алексей вспомнил утреннюю поездку в Силикатный и аж крякнул. Из-за тряпки унижался!

— Девятьсот, бригадир! — прокричал на ухо Кириличев. — 180 лишку.

— Хорошо, заканчиваем! — махнул рукой Рязанов.

В душевой стоял обычный после смены шум и гам.

Говорили об обнове Фонотова, который купил пиджак из кожзаменителя.

— Сорок рз, а носится несколько лет, ни стирать, ни гладить, вещь!

— Ты за сорок еще поди купи! Мне за сто предлагали, хотел купить, потом думаю: что же я вас, гадов, задарма кормить буду.

— За восемьдесят еще куда ни шло.

— Все равно у него получается рубль твоего дороже.

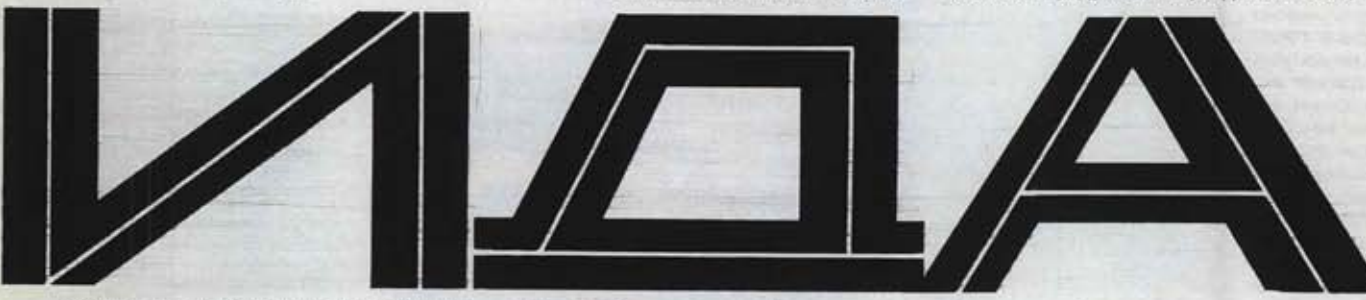
— Как это?

— А так! Ты покупаешь с переплатой да еще кучу времени ухлопаешь на поиски, а он — по госцене. Там десятку переплатишь, там — четвертной. Вот и считай. Он меньше тебя получает, а купит больше. А посему важно, не сколько получаешь, а где работаешь.

— Блат повсюду развели.

— Тут все намного серьезней...

Подошел троллейбус, редкий в поздний час, но Алексей пропустил его. Он все поглядывал на двери проходной, ждал Борщова, чтобы предложить ему пройтись пешком, подышать свежим, прохладным воздухом, поговорить не троясь. Поговорить было о чем, и откладывать этот разговор дальше Алексей не хотел.

теперь поворачивает: ищите другого дурака...

Первый подручный Миша Хворостов уловил неладное в настроении бригадира, поставил вместо себя нагревательщика, подошел.

— Давай подменю!

— Не! — мотнул головой Алексей. — Все нормально! С Борщовым сейчас сцепились!

— А... Это у него пройдет! Гордыня обуяла, вот и зазнался малость. Главное — у него руки рабочие! — перекричал Хворостов грохот молота.

Работа не мешала думать, не мешали и думы работе. Вот Кириличев начертил мелком еще один квадратик на закопченном боку печи. Похоже, за плановое задание они сегодня выйдут. Михайлов с Зубковым местами поменялись, молоты, сноровка в них уже чувствуется. Только воды уж больно много хлещут, второй чайник доканчивают, потом изойдут.

То, что сказал Хворостов (главное в человеке — тяга к работе), Алексей усвоил еще в детстве от деда. «Труд никого еще не испортил, — приговаривал дед, счищая с внука кузнечную копоть. — Главное, чтоб к работе подходил с уважением, а плотник ты или кузнец — не так важно». Последними словами дед, должно быть, себя успокаивал. Задевало его, что внук норовит забежать лишней раз не к нему в столлярку, а в кузню к глухому Кузьме. «От отца все это, — растолковывал дед дружкам, сидя вечерком на бревнышках, — отец не смотри что совсем молодым сгинул, до войны еще она как успел себя зарекомендовать. Башковитый был по металлу. Иначе кто б ему трактор доверил? И этого вот к железу тянет. Ничего, лишь бы труд любил, тогда не пропадет...»

Уповаем на труд, думал Алексей, дескать, приставь человека к делу, и все ладно пойдет. Но взять того же Борщова: рабочий человек, мастерской, и ударник, и победитель, а серьезного человека-то еще нет. Хороший работник, мастер своего дела есть, а человека крепкого, настоящего нет. «Хоть и кузнец», — с особой грустью подумал Алексей, потому что всю жизнь ревностно относился к своей профессии. После армии подал документы в профессиональное училище, и на приемной комиссии ему объявили, что записывают в слесари.

цы? — спросил худенький старичок в круглых металлических очках.

— Так работа мужская, — ответил Рязанов.

Комиссия рассмеялась, и только старичок, задавший вопрос, обиделся:

— Ишь ты, а слесарь, выходит, уже и не мужская...

Всего-то несколько лет прошло, а как все изменилось, думал Алексей. Раньше мужскую работу искали, предложи кому из ребят в баню пойти работать, принял бы за злую шутку, оскорбился, в драку полез, а сейчас вона какие бугаи простынки подают и ничего, еще как довольны собой. Им главное, что «Жигули» у подъезда, «Аидас» на ногах. Остальное не колышет. И Борщов за ними. Где это он вычитал недавно: золотым тельцом русского мужика не одолеешь, а у Борщова, выходит, дрогнули коленочки. Как это он недавно сказал: «Что ж мне теперь, всю жизнь на машину копить, если я и так могу на нее заработать?»

«Но я же вот купил», — заспорил было Алексей. «И в долги по уши залез, а всю жизнь кузнецом», — осек его Борщов.

Алексей поел быстро и теперь дожидался, когда покончит со вторым Хворостов.

— Слушай, Миша, а может, мы с тобой жить не умеем, а? Может, надо деньги делать, а не тракторы, как мы с тобой?

Хворостов поперхнулся.

— Ну, ты сегодня даешь, бригадир! Все о Борщове?

— Обидно, понимаешь, среди кузнецов — и такая пыстышка. «Только зарабатывать». Думал, в семье у него что-то не так, нет, все нормально. Ведь ты посмотрел, ему наплевать на всех нас в розницу и оптом. Кто-то и живет похуже, чем он, и детишек не одного, как у Сашки, а двоих-троих имеет. У Погодаева вон свои беспомощные старики да и родители жены такие же, а помогает и тем, и другим. Есть в цехе люди, которым деньги и понужнее, чем ему, так нет, он готов все заргести.

Сзади кто-то положил ему руку на плечо. Алексей оглянулся — рядом стоял Шестаков, парторг цеха.

— Поздравляю, новатор, только что на заседании ВОИР был. Обсчитали там твоё предложение, чтобы укоротить заготовку, получается 16 тысяч рублей экономии.

Шестаков появился. Мы ему, Леша, звания, премии, награды заслуженно давали, ты это не хуже меня знаешь. Гонор у него позже появился.

— А! — махнул рукой Хворостов. — Весь гонор у него — больше заработать.

— А ты не задумывался, почему? — быстро спросил Шестаков. — Ведь в кузницах он человек не случайный. Сейчас не так много среди молодежи желающих до кузны. Полно мест и сытнее, и теплее. А вот он пришел и стал кузнецом, и работает без дураков. Может, вся эта его страсть к деньгам, чтоб марку кузнеца не уронить?

— Как это? — опешил Алексей.

— Да я, честно сказать, только сейчас сам об этом подумал, — смутился Шестаков. — Борщов кузнец от бога, и гордость за свою профессию у него есть. Только сейчас одним именем сыт не будешь. Впрочем, раньше тоже не одним званием жили. Если ты кузнец, так тебе почет и уважение, и путевка в первую очередь, и зарплата у тебя повыше, чем у других. А коли заработок повыше, вроде и жить ты должен получше иного балбеса, что в ларьке пепси-колой торгует. Так? Но ты посмотри, сколько развелось тех, что получают не такой уж большой оклад, а у них и машины, и сами разодеты, куда тебе за ними угнаться! Вот и подумай, почему ты делаешь больше, чем они, и зарабатываешь

ОТ РЕДАКЦИИ.

Непростой разговор предстоял Алексею Рязанову. Но необходимый, из тех, что откладывать нельзя. Потому что решалось, кем быть рабочему человеку Александру Борщову в жизни. Ситуация, описанная в очерке, сложна. Да, есть у нас люди, живущие на нетрудовые доходы, научившиеся ловчить, «делать» деньги, а не зарабатывать их. С партийной прямотой и ясностью о них сказано: недопустимо такое в нашем обществе. И не только потому, что эти люди приобрели то, на что не имеют ни морального, ни законного права. Но и потому, что «процветание» подобных дельцов развращает молодежь, отворачивает ее от истинных ценностей нашей жизни. Вот еще о чем стоит подумать. Может, эти проблемы приобрели подобную остроту из-за того, что некоторые выбирают для себя роль стороннего наблюдателя, не только не дают открытый отпор этому явлению, но и начинают подражать «умельцам жить»?

Надеемся, читатели выскажут свое мнение по поднятым проблемам. Ждем ваших писем!

Думал ли девятнадцатилетний лейтенант Анатолий Ананьев, побывавший не раз в самом пекле боев, в двух шагах от смерти, что придет такой день, когда сорок лет отделят его жизнь от конца войны? Наверняка не думал. Молодость не умеет заглядывать далеко вперед, туда, где она кончается и наступает иная, зрелая пора. Молодость знает, что она проходит, кончается, что есть ей предел, и все равно верит в то, что она вечна. Но годы идут, и уже не твоя, а чья-то другая молодость живет в этих заблуждениях.

Прошло четыре десятилетия после войны, бывший воин стал известным, любимым в народе писателем. Казалось бы, теперь-то уж молодость в прошлом, в воспоминаниях. Спасибо ей, что была до безоглядности отважна в войну, что помогла потом поверить в свой талант, взяться за перо и рассказать людям... нет, не рассказать, не поведать, а распахнуть широко двери в чужие вроде бы, а на самом деле в такие родные и близкие человеческие жизни. Я не преувеличу, если скажу, что и сейчас молодость движет его пером, до сих пор она главный заряд его жизни. Не случайно на одной из встреч с читателями ему был задан такой необычный вопрос: «Вы были тяжело ранены на фронте, и у вас столько серьезных дел, особенно творческих. Скажите, как вам удается поддерживать свою физическую форму? Может быть, спортом?» И он чистосердечно ответил: нет, не спортом — работой, хотя спорт, конечно, замечательное занятие. Но спорт приносит физическую радость, а работа — счастье. И это счастье не только осознание того, что ты властен над собой, приносишь пользу обществу, но и особое состояние души. «Только счастливое состояние души дает человеку здоровье и долголетие», — сказал он тогда своим слушателям. Этот афоризм, на мой взгляд, безупречен даже в медицинском смысле. Бездельник, завистник, как правило, больной человек и духом, и телом.

А ему от природы достался характер упорный, жизнерадостный и добрый. Трудолюбие придет потом, позже, хотя уже в раннем детстве познал и труд в поле под палящим солнцем, и тот, что за партией, в сельской школе, куда явился раньше положенного срока. В тот год в первый класс пошла сестра Нина, и то, что шестилетний Анатолий увязался за ней, никого не удивило: проводит сестренку и вернется. Но он сел за парту и остался в классе. Школа увлекла, учился истоиво до той самой поры, пока в их край не

Анатолий АНАНЬЕВ:

"ШЛИ В БОИ, ЧТОБЫ ЖИТЬ ВЕЧНО..."

пришел голод. Страшное это дело, когда дети перестают бегать и смеяться. Голод особенно страшен детям, потому что в первую очередь косит их.

Через много лет это первое тяжелое жизненное испытание отзовется в его книгах. И даже кое-кому покажется, что слишком много у некоторых героев Анатолия Ананьева заботы о хлебе насущном. Не затмевает ли этот хлеб пищу духовную? Как будто без хлеба, без этой основы жизни возможна ее красота, осмысление, духовность. Конечно, не хлебом единым жив человек. Но прежде всего хлебом.

Все творчество Анатолия Ананьева пронизано пережитым. Нет в его книгах ни одного персонажа, которого бы он, что называется, сочинил. Даже его

первые рассказы, посвященные гражданской войне, которую он не застал, родился позже, нельзя назвать выдуманными. Гражданская война, хоть и была далекой, жила в крови его поколения. Все, что окружало с детства, таило в себе отголоски той войны, обучало душу. И раненный на этой войне отец, и земля Семиречья, и комиссар Фурманов были для него тем живым миром гражданской войны, который он постигал с детства. Поэтому так горячо принял эти рассказы читатель, а критика отмечала, что они пронизаны суровой правдой жизни, овеяны духом непримиримой классовой борьбы, свойственной той огненной эпохе. Пройдет время, и писатель создаст книги о Великой Отечественной — «Малый заслон», «Танки идут ром-

бом», «Версты любви», и читатель узнает в новых героях тех красных бойцов, бесстрашных, мужественных, верных Отчизне. Потому что они солдаты одной армии, одной идеи. Не случайно в героях книг Анатолия Ананьева читатели видят своих друзей и родных, просят в своих письмах писателю рассказать подробно, как они воевали и погибли. И писатель отвечает, рассказывает о своих дорогах войны и боях: «видимо, поколение наше было таково, что в основном мы были похожими».

Их было ровно сто, молоденьких офицеров-артиллеристов во главе с капитаном. По ускоренной программе они закончили училище и теперь следовали на фронт. Самый младший из них — Анатолий Ананьев.

которому с трудом при выпуске подобрали офицерскую форму. Кто-то на ходу пошутил: «Ну, чего расстраиваешься, Ананьев, противогаз-то впору». А ему было не до шуток. Он вообще с юности слыл серьезным человеком. Ехал в товарняке и переживал, что так медленно движется состав. Если бы побыстрее двигались, давно бы уже уничтожали врага. У него вообще были довольно четкие представления о войне, и теперь он переживал, что многое не совпадает. Не знал он, как и его товарищи, что скоро им придется стать участниками великой битвы на Курской дуге. Впрочем, великие битвы становятся великими уже после боев, это имя им присваивает история. Тогда же ни солдаты, ни младшие командиры не знали, какая ставка сделана на эту битву. Для Гитлера это была последняя надежда повернуть ход войны, фашисты рассчитывали взять реванш за Сталинград. Только через много лет раскроются засекреченные военные планы этой битвы с обеих сторон, и бывший младший лейтенант Ананьев, принявший боевое крещение на этой земле, поведает людям, как здесь все было: как закрывали небо и солнце самолеты, как двигался черный ромб, как погибали, побеждая, советские солдаты.

«Мы шли в бой, чтобы жить вечно», — сказал, вспоминая эти дни, Анатолий Андреевич. В этих словах был ответ и тем, кто пытается доказать: мол, погибать на войне советским людям ничего не стоило, психология у них такая, что человеческая жизнь не имеет особой цены. Потому и погибали они без страха и боли. Цинизм всегда идет об руку с ненавистью. Только ненависть может утверждать подобное. Эта ненависть сегодня не всегда брызжет желтой слюной, она знает, на какой крючок можно подловить слабую молодую душу: тут и маечка с наклеенкой, и попмузыка, и пресловутая раскованность — «давайте освободимся от всего человеческого, не будем сдерживать свои животные инстинкты». И не найдешь тут иного объяснения, кроме того, что враг по-прежнему люто ненавидит нас.

...Были первые бои и медаль «За отвагу», полученная перед строем. И переправа на плотах через Десну. Снаряд угодил в плот. Тяжелая, холодная вода. И мысль: нельзя погубить полушубок, потому что никто не ждет тебя на берегу с запасной шинелью. А потом были новые бои. И перед боем за Новозыбков — заявление о приеме в партию. А после боя им вручали кандидатские карточки. Нет, это было не быстро. Бой — всегда вечность, когда гибнут рядом товарищи. Особенно запомнились бои под Калинковичами. Потом его роман «Версты любви» увековечит эти места до малейших географических подробностей. Село Озаричи, куда они направились, освободил Калинин. Выбить всех фашистов из этого села никак не удавалось, граница между нашими и врагом пролегла через центр Озаричей. Зима, январь. Вошли в хату, там еще печь теплая. И вот среди ночи наша пехота пошла в наступление. А подразделению Ананьева команды наступать не было. Но ведь и ждать в теплой хате, как там пехота справится, невозможно. Что же делать? Выводить без команды на боевые позиции пушки? Тут он принял самостоятельное решение: к орудиям! И вовремя принял, потому что фашисты прорвались через болото. В этом бою его тяжело ранило: разрыв снаряда убил двух наших солдат и оставил тридцать три осколка в его теле. Фашисты уже отступали, когда его стащили в подвал, и там он в ожидании санитаров продолжал командовать боем, передавал с нарочным огневые расчеты. Когда его несли на носилках, плакал от досады: бой кончается, победили — и на тебе, в санбат.

Во фронтовом санбате его долго держали не стали, не такие были раны, чтобы могли его вылечить здесь. Повезли через всю страну в госпиталь. В дороге началась гангрена. Девять месяцев провалялся в госпитальх Иркутска и Читы, прежде чем врачи поставили на ноги. И не было дня, чтобы не думал он о своей батарее. Но вернулся, так чаще всего бывает на войне, уже не в свою часть, а в другую.

Девятое мая встретил в небольшом австрийском городке Пургшталь. Словно впервые огляделся и увидел: весна, сады в цвету, небо голубое, а тебе еще нет полных двадцати, молодость. Но сам себя ощущал бывалым солдатом, человеком с большим жизненным опытом. Недаром же именно его незадолго до этого назначили военным комендантом венгерского городка с таким смешным именем Папа. Переводчик был прикомандирован к нему из местных жителей, старательный, готовый услужить. Приходит однажды и говорит:

— Господин комендант, есть тут у нас один фашист, вчера видел, прячется в городке.

Привели «фашиста». Оказался он пастухом. Тяжелобольной человек, с молодых лет освобожден от военной службы. Жена его объяснила, что пообносился он, а тут везде немецкая военная одежда валяется, вот муж и напялил ее на себя. Пришлось коменданту спросить у переводчика, почему ввели его в заблуждение. И тот ответил:

— Вы же военная власть. Вам же все равно надо

кого-то ловить, наказывать, чтобы все остальные боялись.

Вот это было самое чужое и непостижимое — психология, мировоззрение людей, воспитанных иным социальным строем. И это было самым поначалу трудным в общении с населением. Не могли люди сразу поверить в гуманность наших военных законов, которые строго карали насилие и охраняли мирных жителей.

Я спросила Анатолия Андреевича, а каким был для него День Победы сорок лет спустя. Он ответил:

— Праздничным, радостным и, конечно же, с болью в сердце. Потому что нашей Победой завершилась большая и тяжелая война. Это были годы кровопролитных сражений, и многим не довелось увидеть ни одного майского победного праздника. Я был 9 мая в Праге, видел ликование народа, слышал благодарные слова советскому народу, который четыре десятилетия назад освободил столицу Чехословакии. И так случилось, что вечером этого же дня я уже был в Москве, смотрел салют, был в кругу своих родных и близких. И мы вспомнили, как водится в этот праздник, войну и самый первый день Победы. Какими мы были тогда молодыми, как верили, что на земле закончилась последняя война! Всем хотелось в это верить, потому что кругом дымилась руины и невообразимым безумием казалось повторение войны. Но прошло не так уж много времени, и мир понял, что Победу надо защищать. Как свою честь, как свое будущее, как жизнь. Имперализм не отступил, сущность его осталась та же, и он всячески старается извратить историю, принизить роль нашего народа в минувшей войне, «перезаписать» нашу Победу.

А я вспомнила, как на встрече с рабочими полиграфического комбината в городе Чехове ему была прислана из зала такая записка: «Дорогой Анатолий Андреевич, скажите, пожалуйста, почему после второй мировой войны, Хиросимы, Вьетнама человечество не может установить прочный, надежный мир?» Это был вопрос не только писателю, но и активному деятелю Советского Комитета защиты мира, каковым А. А. Ананьев уже давно является. Отвечать на подобные вопросы ему приходится и дома, и за рубежом, хотя большинство людей знает, кто держит мир в напряжении, в чьих это интересах. Политика империализма, и прежде всего США, давно разоблачила себя в глазах народов. Но надо вновь и вновь говорить о ней. Слово писателя имеет особую силу, оно особенно авторитетно и убедительно, когда подкреплено личными впечатлениями, поездками в разные страны, участием в международных форумах. Внимательно слушали рассказ писателя печатники из города Чехова.

— Это я увидел и услышал в Хиросиме. Экскурсовод вел по музею группу школьников, среди прочих объяснений сообщил: «Некий самолет на рассвете, в шесть пятьдесят утра, сбросил над Хиросимой атомную бомбу...» «Почему «некий»? — обратился я через переводчика к экскурсоводу. — Ведь всему миру известно, что это был американский бомбардировщик Б-52». «Это школьники», — ответил экскурсовод, — им надо так говорить, у них и в учебниках написано «некий».

Не надо заблуждаться, что таким вот образом щадят детские души, оберегают психику или что-нибудь в этом роде, цель совсем иная: сегодняшний школьник завтра будет взрослым человеком, так пусть вырастет в незнании, кто подлинный виновник прошлых и многих настоящих бед в их стране. И все же после посещения музея не оставяла меня мысль: может, эти школьники какие-нибудь особенные, «инкубаторные», искусственно отстраненные от жизни? Остановил на улице мальчишка лет двенадцати. Переводчик произносит перед ним мой вопрос: «Скажи, пожалуйста, кто сбросил бомбы на Хиросиму и Нагасаки?» Мальчик хмурит лоб, напряженно думает, потом отвечает: «Не знаю точно, но кажется — Советский Союз».

Незнание совсем небезобидно. Не скажешь ведь о таком мальчишке: экий Митрофанушка на японский лад! Потому что над его незнанием истории хорошо потрудились взрослые, те самые, которые хотели бы на всех людей набросить сеть беспамятства, извратить в их сознании и вчерашний, и сегодняшний день.

В то время, когда проходила эта встреча с читателями-полиграфистами, в брошюрочном цехе комбината бежала по транспортеру темно-розовая лента неразрезанной обложки новой книги романа «Годы без войны». Это было похоже на чудо: обложка нырнула куда-то в глубь машины, и оттуда появлялась уже готовая книжка «Роман-газеты». Что такое полтора миллионный тираж, наглядно было выражено здесь: цвет обложки осветил все вокруг, казался, зря вспыхнула в цехе. А на обложке — портрет: молодое лицо, решительный, вдаль обращенный взгляд, словно ветром отброшенная назад копна волос. Видно было, как работчица брошюрочного цеха сравнивают «оригинал» с портретом, потом одна из них на читательской конференции спросила, какую он ставит перед собой, когда пишет роман, самую главную задачу? Анатолий Ананьев ответил так:

РЕКОМЕНДУЕМ МОЛОДОМУ ЧИТАТЕЛЮ КНИГИ АНАТОЛИЯ АНАТЬЕВА

- После войны. Повести. М., Воениздат, 1969.
Забывать нельзя. Роман, повесть, рассказы. М., Воениздат, 1972.
Межа. Роман. М., «Советский писатель», 1972.
Танки идут ромбом. Роман. М., «ДОСААФ», 1978.
Перевалы. Повести и рассказы. М., «Молодая гвардия», 1980.
Годы без войны. Роман. М., «Советский писатель», 1982.
Версты любви. Роман. М., Воениздат, 1983.

— Читаешь хорошую книгу и, даже если в ней о чем-нибудь горьком, трудном, все равно она за жизнь и жить хочется. А вот читаешь другое произведение — и герой положительный, и мускулы у него крепкие, и вроде за что-то правильное борется, а жить с ним рядом не хочется. Так вот, свою главную задачу я вижу в том, чтобы, прочитав роман, человеку хотелось жить в нашем времени, обществе, чтобы прибавилось в нем сил и уверенности в завтрашнем дне и вообще, чтобы читатель почувствовал: не один он борется за лучшее, с ним люди, народ.

Такая задача нашла свое воплощение и в новом произведении писателя, «Годы без войны». Оно в широком смысле новое в творчестве Анатолия Ананьева не только по своей теме, но и по объему, охвату жизненного материала. Однажды Ананьев написал своему однополчанину, как он стал писателем. Вернулся с войны двадцатилетним. Израненный, контуженый. «Работал в деревне, потом на заводе, учился в вечерней школе. Но то потрясение, которое было пережито, та боль, которая жила в душе, очевидно, и позвали к перу». И вот эта боль, вызвавшая к жизни такие замечательные произведения, как «Малый заслон», «Танки идут ромбом», «Версты любви», «Межа» и другие, не утихла со временем. Тревога за судьбы людей, их жизнь, настоящая и будущая, словно подвела писателя к созданию нового крупномасштабного произведения, каким явился роман «Годы без войны».

Книги Анатолия Ананьева надо читать не спеша и вдумчиво. И тогда они одарят такой щедрой жизненной добротой, такой мудростью, которые, как хлеб, как вода и воздух, нужны человеку, особенно в молодости. Не беда, что молодые живут в уверенности, что постигли все тайны жизни, все-таки им очень нужны отцы-товарищи, друзья-учителя, а таковыми бывают авторы умных и талантливых книг о нашей сегодняшней жизни. Я не возьмусь пересказывать произведения Анатолия Ананьева, невозможно пересказать жизнь, ее повороты и водовороты, бурные и плавные течения, но вот о героях, как о близких, интересных, таких непростых людях, я могла бы рассказывать бесконечно. И еще я знаю, что, познакомившись с ними, не просто что-то новое узнаешь, а становишься немножко отважней и сильней. Жаль, если кто-то усомнится: нельзя, мол, так утилитарно толковать художественное воздействие. А почему, собственно, нельзя? Можно. Иначе зачем вообще это воздействие, если оно неспособно сделать человека сильнее?

Сам писатель о своих героях говорит так: «Хочешь, чтобы все у них было хорошо, как родным детям, желаешь счастья, а они не очень-то слушаются, не поддаются авторской воле, идут своей дорогой. Так хотел, чтобы утихомирилась, обрела покой Галина в «Годах без войны», но где там, поехала в Тюмень и опять за свое». Но это совсем не значит, что герои сами «пишут» себя, ведут за собой автора, их «своеволие» говорит лишь о большом мастерстве писателя, о его умении следовать логике их характеров. И примером жизни каждого из своих героев автор доказывает: каким бы во все времена ни представлялось человечеству счастье — личное, общественное, сосредоточенное в материальных ценностях, — нигде не уйдешь от того, что подлинно счастливые люди — это прежде всего идейные люди.

Анатолий Ананьев — писатель четкой идейной позиции. Его герои помогают жить, с ними можно отправляться в самый дальний путь. Они не захнычут в дороге, не предадут. А в суровый, роковой час они смело пойдут в бой. Не умирать, а чтобы жить вечно.

СЫЩИ ЭФРИРА

Еще не проснувшись, Васильев почувствовал, что у него саднит щеку. Явь только брезжила, подобно свету дня перед ныряльщиком, поднимающимся из глубины, как он сейчас из сна. Он понял, что спал сидя, положив голову на стол, на свое кепи, и належал рубец, который саднит.

В помещении стоял гомон, толпились, курили офицеры и штатские. Поблизости загудел, смолк, прокашлялся и вновь загудел мотор. Судя по звуку, то был «Гном» в 50 лошадиных сил. И Александр Алексеевич вспомнил, где он и что с ним. Он заснул в буфете Коломяжского аэродрома, шло, должно быть, уже 10 июля, ему предстояло в числе других участвовать в перелете из Петербурга в Москву.

Он привычно поискал в кармане хронометр и не нашел. Его и не могло там быть. Часы он заложил в Омске, чтобы расплатиться за погрузку «Блерио». Но расход не понадобился: последний полет был неудачен — при спуске сломалось колесо. Пассажир, местный купец, все выторговывавший уступочку — намеревался предоставить для катания под облаками чад и домочадцев, а оптом должно было выйти дешевле, — показал кукиш и ушел, бранясь.

Газеты сравнивают заработки авиаторов и иных знаменитостей. Шаляпин за минуту пения — 350 франков, жокей Стерн в скачке на венском ипподроме — 5 с половиной тысяч, а Шавез на празднике воздухоплавания в Жювизи — 6 тысяч франков за минуту полета. Несчастный Шавез — усы мушкетерские в стрелку, но печаль, какая была печаль в глазах! — насмерть разбился при перелете через Альпы. Найдя аппарат, обнаружили, что крыло было укреплено лишь маленькими гвоздиками — отвалилось в воздухе. Коварство конкурентов? А может, просто франков этих не хватило океанских, чтобы починить машину после прошлой аварии, и за горло держал контракт?.. Ванюша Заикин, «борец-авиатор», как именовал себя в афишах, недавно в Кишиневе, в цирке, вышел против какой-то маски — черной ли, красной или серо-буро-малиновой, господь их разберет — на приз всего-то в сто рублей и, положив соперника на лопатки, тотчас потянулся, простец, к столу за деньгами. Ванюша тоже хотел участвовать в этом гр-рандиозном перелете, а от записавшегося требовался заклад — триста. Арбитр закричал, что прием проведен за ковром. Почтеннейшая публика свистела Ванюше, и издевались потом репортеры... Голь ты наша — не перекатная, а перелетная...

Гул за дощатыми стенами аэродромного буфета сделался двойным: «Гному» вторил «Даймлер» Макса Лерхе — у него был единственный «Даймлер». Александр Алексеевич крепко потер лицо: тина дурного сна еще бродила, зыбилась в нем. — Три четверти второго, — услышал он ласковый старческий голос. — Вам рано спешить.

Старик сидел напротив, уложив на венозные кисти бороду, слишком большую для маленького лица. Васильев узнал его, как все вокруг узнавали. Имя его и звание были «шлиссельбуржец Морозов». Так звучали они даже и в газетах, подобно как «князь Юсулов граф Сумароков — Эльстон» или «генерал-от-кавалерии барон фон Каульбарс», как бы в одно длинное и громкое слово, но громче — «шлиссельбуржец Морозов». Александр Алексеевич Васильев, тридцатидвухлетний авиатор, испытывал благоговение и трепет при мысли о том, что, когда он, младенец Сашенька, пузыри пускал в колыбели, Морозов был уже заключен в каменный мешок, и когда в гимназию бегал Сашенька и в университет ходил, тот все в мешке пребывал, в мешке... Потому-то, должно быть, кожа его лица не белая даже, но как бы вовсе лишняя цвета. В глазах же, напротив, необычайная живость, и то, что они слегка слезятся, это будто живая вода из сказки. А могла быть, подумал пилот, и мертвая — после таких двадцати трех лет.

Васильев не мог знать, что для Николая Александровича Морозова, члена Исполнительного комитета «Народной воли», время отчаяния, когда осознаешь, что вместо мира живых вокруг тебя четыре стены, и живые на них лишь мокрицы, страшное это время оказалось недолгим. Заключенный попросил книг — не политических и не беллетристических, могущих также содержать политику, что возбранялось, а бесполезных, по мнению тюремного начальства, трудов по математике, физике, химии и астрономии. В каземате он создал работы, иные из которых опередили современную ему науку. В согласии с поговоркой «сытый голодного не разумеет» авиатор Васильев не мог разумеет, что Николай Александрович голодал лишь по людям, на которых сейчас не мог наглядеться, по людям и их добрым делам. Когда девятьсот пятый год распахнул медлительные, скрипучие ворота Шлиссельбургской крепости, то народовец, бомбист, вышел не просто на свободу, но в новый век, казавшийся ему неизбежным веком революции научной и социальной. Одной из примет революции мнилось новорожденная авиатика. Потому и находился он здесь, на аэродроме, в качестве члена организационного комитета перелета Петербург — Москва.

— Это молодые пробуют моторы, — продолжил Николай Александрович, улыбаясь своим мыслям. — Торопливость — свойство молодых. Прекрасное, в сущности, свойство.

— Вот именно, милостивый государь, молодые, и именно торопливость! — громко-гласно вмешался в разговор высокий военный, романтическим обликом напоминавший гравированные портреты героев Жюль Верна — капитана Немо, быть может. — Только хорошего ничего в том не видно!

Генерал Кованько, начальник Петербургского воздухоплавательного парка, вмешивался во все буфетные разговоры. Он пребывал в сильной ажитации, энтузиаст покорения небесной стихии и великий ненавистник министерских чиновников, «крапивного семени».

— Кто летит? — воскликнул Кованько, и на раскаты голос потянулись, торопливо дожидаясь бутерброды, столичные и провинциальные репортеры. — Кто, спрашиваю вас, летит сегодня? Мальчишки! Жорж Янковский сдал пилотский экзамен не далее как неделю назад! И Лерхе тогда же! А Агафонов... господа, ему нет двадцати, он студент, он на моих глазах впервые взялся за руль — пятнадцатого июня... Он и Слюсаренко, Слюсаренко упал в Гатчине, и уговорил, чтобы назавтра пересдать... Половина участников — новички, мы на гибель их посылаем!

Генерал обвел помещение глазами — они метали молнии. — Теперь спрошу вас: а кто не летит? Все военные пилоты. Почему? А нипочему. Министерство считает, что сие отвлечет их от непосредственной деятельности. Но в чем должна состоять та деятельность? В умении летать! И защищать отечество. Германцы недаром создают прежде всего военный воздушный флот! И авиаторов у них поболее, чем у нас. Недомыслие? Или что похуже?

Репортеры лихорадочно строчили в блокноты. — А что вы имеете сказать, ваше превосходительство, об отказе предоставить для взлета Корпусной аэродром? — поинтересовался один из них.

— Нелепость, нелепость и нелепость! Полгода судим и рядим: Корпусной аэродром находится прямо у Московского шоссе, здешнее поле — в другом конце Петербурга... Лететь над всем городом — мало ли что случится... Двадцать шестого числа министерство соглашается дать Корпусной. Тридцатого министерство отказывается дать Корпусной. Раз военные не летят, им-де будет обидно. Идем с шапкой в руках сюда, на Комендантское поле. Но и поле, и скамейки, и постройки, и этот буфет чертов, прости меня господа, принадлежат товариществу «Крылья», а оно прогорело, и на всем имуществе арест. Идем назад — на Корпусной. «Не велено». Штабс-капитан с кувшинным рылом мне, генералу, — «не велено». От большого ума кто-то предлагает даже взлететь прямо с шоссе... Умоляем кредиторов. Уговорили кредиторов. Но облетать город дозволено только морем. А погода, заметьте, непроглядная. Предлагаем отложить на день. Но на Александра Васильевича Каульбарса даже при мысли одной такой жалко смотреть: как можно, наверху должно!.. Словом, поставлю Николаю-угоднику пудовую свечу, если кто из мальчишек долетит хоть до Тосно.

С вечера округу обложило туманом. К ночи стал сеять дождик. Комендантское поле хлопало, всасывая в трясину колеса аппаратов и салоги людей, с трудом пробравшихся по тропкам между ангарами, которые выглядели во мраке расплывчато, призрачно.

Несмотря на это, публика прибывала постоянно: старт открывался в три часа утра. Ехали на извозчиках, на трамваях до Новой Деревни, по железной дороге до Озерков. Негустой, но неиссякаемый поток зонтиков тек по Строгановской набережной. Ропот множества голосов слышался вокруг, хотя не разобрать, вблизи или вдали: туман скрадывал расстояния и приглушал звуки.

Авиатор Васильев думал о том, что он не нравится сегодня сам себе и только что увиденный сон ему не нравился. Он не был суеверен, он привык к опасности, неотъемлемому свойству профессии. Но сон был продолжением реальных событий, лишь перемешанных в нем, словно взболтанных.

Так, ему пригрезилась выемка посреди Комендантского поля. Вдавлина в форме человеческого тела. Ее он видел наяву в прошлом году во время Всероссийской авиационной недели. Она была смертным следом Мацевича, капитана корпуса морских инженеров. Мацевича при падении выбросило из аэроплана. Он был первой жертвой на пути русской авиатики, и когда его унесли товарищи, за флотские клещи которых цеплялась, рыдая, и влачилась по земле жена, в этой твердой от тогдашней жары земле остался след, точно в коровьем масле. И вот Васильев вновь его увидел и заглянул в него, но след не имел дна и вел не просто во тьму глубин, но в ничто. А вокруг стучали кузницы.

Кузницы не плод бреда. Вполне обыкновенные кузницы в огромном количестве устроители предполагали закупить почему-то у немцев и снабдить ими ангара на этажах перелета. Этапы намечались: Тосно — Чудово — Новгород — Крестцы — Валдай — Вышний Волочек — Торжок — Тверь — Клин и далее — Москва. Ангаров решили построить девяносто два. Это в дополнение к имевшимся. Михаил Никифорович Ефимов, человек прямой и незатейливый, спросил про ангара: «Жить нам поселиться там всем, что ли?», а про кузницы еще проще: «Ковать-то чего?» Они вдвоем с Васильевым ходили в организационный комитет, и Александр Алексеевич доказывал, что распорядиться подобным образом суммами, выделенными на перелет, легкомысленно. Уменьшается призовой фонд, пилоты же — люди по большей части небогатые, они достаточно поистратились на подготовку и перевозку аппаратов. На этажах надо обойтись прежде всего самым необходимым, как-то: горючим, воронками и сетками для его наливания, мелкими запасными частями. Александр Алексеевич излагал это сдержанно и логично, довод к доводу, как был обучен на юридическом факультете, и, дабы не размахивать длинными ручищами, сжимал в пальцах курительную трубку, заведенную в студенческие годы

¹ Александр Алексеевич Васильев (1882—?) — лицо подлинное, как большинство лиц, упомянутых в этом повествовании, а равно большинство событий.

² Возможно, А. М. Кованько был недалек от истины в подозрениях, высказанных в 1911 году. Запрет военного министерства, несомненно, был сделан с ведома министра Сухоминова, который позднее, во время мировой войны, был разоблачен как германский шпион.

с этой именно целью. Председатель комитета барон Каульбарс, одуванчик, кивал серебряной бородкой, моргал глазами, круглыми и светлыми, как серебряные полтинники, был в серебре погон, аксельбантов, пуговиц, и повторял: «Все решено, изменить ничего невозможно».

— Господи! — воскликнул Васильев, выходя. — Это город Глулов, это Щедрин, это органчик — Александр Васильевич Каульбарс: «Все ре-ше-но, ни-че-го не-воз-мож-но...»

Ефимов недоуменно покосился на него, будучи, несмотря на пожалованное недавно звание потомственного почетного гражданина, не слишком образован.

От перелета Ефимов, конечно, отказался. «Пилотам, каковы мы с тобою, Саша, стыдно лететь за такие жалкие призы». Первый в державе авиатор, он выбился из крестьян, самых неимущих, и руки свои безотказные, пытливый ум запродал одесским грекам-миллионерам. На их деньги выучился во Франции у Фармана. Стал лучшим летуном Европы, ему рукоплескали Париж и Ницца, его называли «русским чудом», его физиономия, тесанная топором, мелькала во всех газетах, племянник российского посланника в Люксембурге служил у него секретарем и вел баланс. Меценаты взволновались: Михаил Никифорович, считали, такая же их собственность, как скаковые конюшни и покупные баронские титулы. Потребовали, чтобы он вернулся, чтобы их одних да супруг в бриллиантах катал в небе над Дерибасовской. Но Ефимов поднатужился и откупился. И выкупил свой аппарат. Купил другой — младшему братцу Тимоше, его приспособил к денежному, хоть и небезопасному делу. Так что рачительному, хозяйственному Ефимову лететь сейчас в Москву расчета не было.

Васильев собрался было последовать его примеру. Да и повод был; акционерное общество «Гамаюн», на чьем заводе строилась для него новая машина, несмотря на все заверения, что поспевет к сроку, конечно же, не поспело. Устроители впали в панику: лучшие авиаторы отказывались один за другим. Между тем почетный председатель комитета великий князь Владимир Михайлович и почетный товарищ председателя Государственной думы председатель Гучков верноподданнейше поспешили уже доложить царю, что-де его попечением Россия вот-вот поразит и восхитит человечество.

Васильеву пали в ноги. Воззвали к его доблести и чести. К чувствам его патристическим. Достали — вернее, одолжили — аппарат, не сказавши, впрочем, что за аренду предстоит уплатить, он сам догадался. Но тут Уточкин заявил во всеуслышание (как всегда, слегка заикаясь): «П-перелет? Ха! Променад пур плезир». Александр Алексеевич знал любимое присловье Сергея Исаевича: «Хоть я и рыжий, но я белая ворона». Может, тот и не полетел бы, если бы полетели другие знаменитости, теперь же — видите? — они опасаются, а для него перелет — «увеселительная прогулка», именно такими поступками популярного спортсмена неизменно восторгается публика. Все это Васильев знал, но и он был популярный спортсмен, и его самолюбие оказалось задето. Вчера утром он тщательно осмотрел чужой «Блерио», чиненый и латаный, подтянул провисшие тяги рулей направления и глубины, попробовал мотор и положился на судьбу.

Была и иная причина стремиться в Первопрестольную, известная ему одному. А сон, что же сон? Перед тем, как совершить полет из Елисаветполя в Тифлис, ему привиделся пожар в родимом тамбовском имении, пошедшем недавно с молотка. А перед перелетом Мерв — Кушка — что он плывет по реке, в которой вместо воды сплошная грязь. Покойная маменька непременно сказала бы, что то и другое к беде. Покойный же папенька — что живем один лишь раз, а праздничный сон — до обеда. «Разве нынче праздник какой?» — удивилась бы простодушная маменька, а лукавец папенька заметил бы, что каждый день нашей жизни — праздник: «Посему давайте скорее обедать».

— Теперь вам, пожалуй, пора, — прервал его размышления старик Морозов, щелкнув крышкой часов. И первым пройдя к выходу, обрадованно воскликнул: — Тумана-то как не бывало.

Действительно, с одной стороны небосклона явственно виднелся истаявший лоптик луны, другая слегка занималась бледным, но чистым светом.

— Пора, — сказал Васильев. — Пора в Москву.

— А вы москвич? — спросил шлиссельбуржец как бы мимоходом, но в интонации

вопроса почудилось нечто, отчего Васильев посмотрел ему прямо в глаза, и тот выдержал долгий взгляд.

— Нет, но у меня там много друзей.

— Есть ли у вас друзья на Пресне? Например, в Ваганьковском переулке?

— Я бывал в Ваганьковском.

Жара, пыльные липы клонятся через ограду кладбища. Извозчику велено ждать. Александру тоже, он присел на тротуарную тумбу напротив подворотни обыкновенного кирпичного дома, смотрящего наружу нематыми окнами москательной лавки. Девушка в белом платье скрывается в подворотне, смоляная коса вдоль спины, в руке ридиколь, а что в нем — может быть, противуправительственные бумаги, какие-нибудь листовки или даже револьвер, — знать о том милому Саше не положено...

— Если сможете... если не составит труда... кланяйтесь там, в Ваганьковском.

Дескать, воробей еще попрыгивает.

— Воробей?

— Да, просто воробей. Попрыгивает.

...Казалось, внизу под ним висело ветхое серое одеяло, все в прорехах. Сквозь них, между нитями окаянного тумана, тускло поблескивало море, усыянное лодками, и виднелась прихотливо изрезанная линия берега. После этого по счету полуостровка — так вчера говорили — следовало взять вправо. Публика внизу — крохотная, размахивала крохотными шляпами, приветствуя смелых летунов.

Васильев по жребию должен был стартовать первым, но не смог. Доверился механику, тот, разумеется, проспал, и баки оказались пусты. Откуда-то везли и никак не могли довести бензин. Ключа наконец прочавкала разбитыми копытами. «Что вы делаете, этак всю машину зальете?! Разве нет у тебя, голубчик, воронки?» — «Нам, господин, про это не сказывали». От возчика благоухало чем угодно, но не бензином. «Господин Васильев, ваша очередь, вы пропускаете?» Мимо катят «Блерио» Уточкина, Сергей Исаевич вышагивает, держась за крыло: «Спешу в Москву чай пить. До встречи, Васильев, я тебе припасу баранок». Уточкин никогда не летал на «Блерио», лишь на «Фармане», там иная система пилотирования, но свой «Фарман» он разбил на днях в Смоленске...

— Взлетай скорей! — кричит Васильеву Ефимов. — Туман может опять усилиться.

Руль глубины поднят, аппарат в небе.

Вправо — это, похоже, здесь. Занялось наконец утреннее солнце. Внизу золотится шпильми и куполами Северная Пальмира, но и коптит косыми черными дымами бесчисленных фабричных труб, точно это дреднуот, устремленный в просторы нового века — ко благу человечества или к его несчастью, как знать.

Полюбовавшись сверху на творение Петра и цитадель прогресса, Васильев решил свериться с картой перелета, для чего, держа правой рукой руль, обмотанный носовым платком (маслом клош все-таки залащкали), левой достал планшет. Но обстоятельство, на земле его лишь рассмешившее, здесь, в воздухе, вновь вызвало

гнев и досаду. Пользоваться картой, составленной неким комитетским мудрецом, оказалось невозможно. Все наименования были на ней написаны вверх ногами. «Что за притча?» — удивлялись пилоты и получали ответ, достойный города Глупова: а вдруг кому-нибудь из них, приземлившись в Москве, взбредет тотчас лететь назад в столицу?

Итак, прежде чем обнаружить под крылом Московское шоссе и довериться его направлению, Васильев должен был хотя бы заметить впереди одну из трех ушедших ранее машин и последовать за ней. Слава богу, вскоре это удалось: странно меняя то и дело высоту, но прямо, все время прямо, летел, похоже, Жорж Янковский. Васильев несколько успокоился и обеими руками покрепче обхватил клош.

...Пока наш герой, разрезая воздушные струи, клянет порядки любезного отечества, самое время поведать вкратце, как он стал летуном. В те годы путь этот избирали разные люди — от аристократа князя Эрнста до пролетария, заводского механика Костина, и по разным причинам — от несчастной любви до желания не умереть с голоду. У Александра Алексеевича причиной стало разочарование в юриспруденции, поводом — посещение ипподрома.

Его отец, столбовой дворянин Тамбовской губернии, был лентяй, телепень. Обломов, притом же натура кипучая (чисто русский парадокс) и истинный либерал. Звездным часом его жизни стало присутствие на галерее для зрителей во время судебного процесса над Верой Засулич в мае 1878 года, о чем он постоянно помнил и с увлечением рассказывал. И героиней рассказов служила не одна отважная девушка, стрелявшая в петербургского градоначальника Трепова с целью отомстить за унижение политического заключенного, даже незнакомого ей. Героем был ее адвокат, присяжный поверенный Петр Акимович Александров. Он в своей речи призвал не только к состраданию, но и к пониманию мотивов преступления его подзащитной: «Перед вами женщина, которая поступила так в борьбе за идею, во имя того, кто был ей собратом». Однако адвокат сказал больше. Он осмелился на публичные и далеко идущие политические выводы: «То, что вчера считалось государственным преступлением, сегодня или завтра становится высокочтимым подвигом гражданской доблести. Государственное преступление нередко ...проповедей того, для чего еще не наступило время». Закон может отнять внешнюю честь, но истребить в человеке чувство моральной чести, нравственного достоинства никакой закон не может. Это соображение призвал взвесить на весах общественной правды Петр Александров, обращаясь к двенадцати присяжным, среди которых были надворный советник и титулярный, коллежский секретарь и коллежский регистратор, купец второй гильдии, помощник смотрителя духовного училища, студент и просто дворянин... Председательствующий же Анатолий Федорович Кони, один из самых светлых умов России, в заключительном слове, может быть, и невольно дал почувствовать то, что испытывало большинство страны по отношению к царскому сатрапу, который велел беззащитного высечь розгами, и к юной его карательнице. Оправдательный приговор был встречен овациями и криками «браво».

Васильев-отец хранил, как самое заветное, комплекты газет «Голос» и «Новое время» с описанием процесса. Васильев-сын, нескладный подросток, вытянувшийся не по годам, обуреваемый попеременно приступами восторженности и угрюмости, наизусть декламировал речь Александрова — с камешками во рту, совершенствуя произношение по методу Цицерона, — и свои сочиненные в подражание речи. Он шел в юрсты, как шел бы, случись, в санюлоты, в конвент.

Но, окончив с отличием юридический факультет, поступив в помощники к присяжному поверенному, вскоре прослыл нелепым донкихотом, ибо постоянно воевал с ветряными мельницами, рвался потрясать основы судопроизводства и проигрывал дело за делом.

Однажды разочарованный романтик, будучи в Петербурге, с горя забрел на Коломяжский ипподром. Не выиграть хотел на скачках или бегах — что проку в нечаянной удаче, если проиграна жизнь? — лишь полюбоваться лошадами. Он ведь родом тамбовский, а где и живут на Руси коренные лошадики, как не в этой прекрасной губернии? Папенька даже намеревался создать завод — впрочем, вскоре проиграл в «железку» всех маток и производителя... А надобно заметить, что первые аэродромы располагались либо на самых ипподромных полях, либо в непосредственном соседстве. И вот, провожая взглядом мерный, машистый бег рысаков, наш герой увидел аэроплан, низко кружащий близ Комендантского поля. Аппарат был слаб на вид и даже жалок, нелепый нетопырь из полотна и реек, перетянутый проволочками, несущий под собой велосипедные колеса. От этого зрелища заржали в пaddocke литые ладные орловцы, исполненные, кажется, не услуга, но негодования и презрения. Аппарат клюнул носом и косо упал в траву.

И тут, точно мгновенный вид селения или рощи, до малейшей черты вырванный из тьмы вспышкой молнии, Васильеву явилась иная судьба. «Пер аспера ад астра» — на латыни, но не мертвой судейской, а на языке Брута, подобном кимвалу бряцающему, — «через тернии к звездам». Вскоре он продал остатки именина, ринулся в Париж, взошел на Эйфелеву башню, однако не для того, чтобы полюбоваться сквозь сиреневую дымку видом столицы мира, а дабы понять, не страдает ли боязнь высоты. Он взялся за пульс — сердце билось ровно. И он устремился в городок По, школу славного Блерио, который вскоре вручил «славянскому сорвиголове» бреше за номером 225 — права пилота.

...Меж тем в небе совершенно распогодилось, по земле же протянулась нить Московского тракта, окаймленная живописными купами деревьев. Дальше показался городок, толпа с задранными головами, с прислоненными к глазам ладонями. Сквозь толпу проскакал на коне озабоченный урядник. Вот уж позади Тосно, за ним Чудово со свежелебными стенами и строениями монастыря. Хорошо бы и Новгород миновать воздушной дорогой!

Но не тут-то было. Трубка, показывавшая высоту бензина в резервуаре, неожиданно опустела. Потребовалась посадка. И первое, что увидел он, когда возник впереди город, — это аппарат на шоссе, накренный, без одной лопасти пропеллера. Васильев снизился и взгляделся: на хвосте была крупная четверка. Неудачу потерпел Уточкин. Вот тебе и чай с баранками.

Заключенный в Новгороде было предостаточно. Поле соорудили на самом топком месте, какое, должно быть, смогли выбрать в округе. Бензин упрятали в какой-то подвал — едва нашли. Воронки — ну как иначе? — не оказалось. Когда же баки с грехом пополам оказались заполнены, некому было помочь запустить мотор: отряженные в помощь летунам солдатики шарахались от винта.

Но вдруг вдалеке появилась характерная фигура. В клетчатых штанах-гольф, нагнувшись, надвинув кожаную фуражку на короткий веснушчатый нос, к Александру Алексеевичу шел вперевалку Уточкин.

— Васильев, — отрывисто сказал он, — в-вы счастливцев, Васильев. Все обалдели. Лерхе упал, Янковский упал. И ко мне ф-фортуна, как видите, тылом. Так я вам помогу. Есть запасные свечи? Возьмите мои. А это — мой подарок. — Он снял с фуражки пилотские очки.

Сергей Исаевич завел Александру Алексеевичу мотор и картинным жестом провонил его взлет.

Валдайская возвышенность была сплошь покрыта лесами, которые клонились из

стороны в сторону под ветром, как под гребнем. Даже с высоты было видно, как по бесчисленным озерам бродили волны. Аппарат то возносило, то швыряло в такие воздушные ямы, каких еще не знал опытный пилот. Васильев не помнил, сколько это продолжалось, не помнил, когда начал давать перебои мотор. На счастье, дорога оказалась прямо под ним, близ нее церковь с синими, в звездах, куполами, очертания дальних строений. Он пошел вниз и сел на луг. На него смотрела баба в платке горохами и жевала ржаную краюху.

— Это Торжок?

— А то что же? — меланхолически отозвалась баба.

— Меня здесь ждуть?

— Неужели нет? Еще вчера мужиков согнали. Мол, жди, кто прилетит, и сейчас донеси. Второй день маемся.

— Так где ж они?

— Эвон, — баба неопределенно повела рукавом, — верстах в трех. Там и исправник. На чаек бы с вас, господин.

Галопом прискакал конный солдат:

— Здравия желаю, ваше благородие! Велено вам во-он куда лететь. Пять верст, не более.

— У меня ведь авария, нет ли там слесаря?

— Надо думать, что есть. Тут пять верст — всего ничего,

— Да привезите же слесаря — разве нет у вас автомобиля?

— Как можно, ваше благородие, немисливо без автомобиля. Их у нас целых три. Только вам велено перелететь.

Город Глупов, город Глупов...

Смешно и горько описывать все несчастья нашего героя, совершенно доподлинные, ибо сочинить можно было бы и смешней, но отнюдь не горше. Он словно бросался с копьём наперевес на ветряные мельницы, намереваясь их победить, но скрипящие крылья, поймав, швыряли его вверх и вниз, как в воздушные ямы над Валдаем.

Однако в конце концов судьба смиловилась. Угомонились течения, слились в один тугой поток, который повлек аппарат, ускоряя его бег, туда, где синело, все больше густея, спокойное предвечернее небо, где была Москва. Александра Алексеевича охватило блаженное чувство полного слияния с небесной стихией, с природой. Как звать, испытывают ли это чувство птицы, но его наверняка ощущали первые воздухоплаватели на шатких, бессильных сооружениях, влекомые более силой духа, чем силой мотора.

Подлетая когда-то к Тифлису, видя под собой грозные зубцы гор, он запел из Рубинштейна: «Тебя я, вольный сын эфира, возьму в надзвездные края, и будешь ты царицей ми-мира, подруга вечная моя». Хорошо, что никто не слышал его рулад, потому что был он совсем не Шалапин, даже не Фигнер. Но он пел, думая о девушке в белом платье с черной косой вдоль спины, и пел сейчас, к ней же обращаясь, представляя себе, как она ждет уже на трибуне Ходынского поля, приложив козырьком единственные на свете ладони к единственным на свете глазам.

Он услышал свой голос, потому что голос мотора смолк. Аппарат упал правее шоссе и, дребезжа, разваливаясь, кажется, на части, заскользил к придорожной канаве. Васильев выбросился на землю, вцепился в фюзеляж, его ташило, било, он не разжимал пальцев. Бежала, кричала толпа.

— Живы? Что с вами?

И только одно с торжеством он воскликнул:

— Пропеллер-то цел!

Это случилось в четырех верстах от станции Подсолнечная. На счастье, среди дачников оказалось множество любителей техники, и через час машину привели в порядок, достаточный по крайней мере, чтобы перелететь небольшое оставшееся расстояние. Но невезение продолжалось: прибывшие из Москвы представители организационного комитета заявили: «Сейчас восемь часов. Официальный хронометраж закрыт. Лететь можно только завтра».

Васильев был вне себя: он плакал слезами ярости, проклинал своих мучителей и рвался из рук цепко державших его доброжелателей.

В Москве, на аэродроме Ходынского поля, он приземлился 11 июля в 4 часа 18 минут. Бензина хватило лишь на то, чтобы пересечь линию финиша.

Губернатор Москвы Джунковский официально приветствовал его и спросил, удачно ли прошел перелет. «Нас посылали на смерть», — ответил виновник торжества. Это мало что расслышал, поскольку, подчиняясь мановению белой перчатки губернатора, тотчас ударил туш лучший в Москве конный пожарный оркестр Лефортовской части на караковых битюгах.

— Что? Что он сказал? — налетев, кричали репортеры.

— Я сказал одно: это была Цусима, — отчетливо проговорил Васильев и пошел прочь.

Чавстречу ему бежала девушка в белом. Прямой пробор посреди темных волос казался стрелой, устремленной к пилоту, и сияли глаза. Вслед за девушкой энергично шел молодой господин с курчавой бородкой, в косоворотке и студенческой фуражке без герба.

Прежде чем раскрыть объятия, Александр Алексеевич торопливо вытер о куртку грязные, в ссадинах и запекшейся крови от сжимания клоша ладони. Господин в косоворотке протянул платок. Его взгляд был добр и тверд и чей-то другой напомнил взгляд.

— Воробей, — сказал вдруг Александр Алексеевич.

— Воробей? — господин поднял брови.

— Воробей еще попрыгает. Просили передать.

И обнял девушку.

«Цусима русской авиатики» — так назвали перелет в газетах, к месту вспомнив позорное поражение в морском бою с японцами. Вскоре стало известно, что по дороге в Москву разбились Уточкин, Слюсаренко, Лерхе, Масленников, де Кампо-Сцилио, Костин, Агафонов и Янковский. Многие ранены. Шиманский, летевший пассажиром со Слюсаренко, убит наповал. Долетел один Васильев, заработав приблизительно по 10 рублей за версту, но и большую часть этих денег он отдал за аренду аппарата.

Заявление, сделанное на аэродроме, вызвало против него настоящую травлю, он лишился места инструктора московской авиашколы, на которое рассчитывал. О дальнейшей его судьбе известно крайне мало. Совершил, после Нестерова, «мертвую петлю» с пассажиркой, какой-то женщиной. Собирался лететь из Москвы до Парижа, но намерение не получило поддержки. В первую мировую войну, призванный в армию, потерпел аварию и скорее всего умер в лагере для военнопленных.

«Воробей» была подпольная, еще народовольческая, кличка Николая Александровича Морозова. В тот раз его попытка завязать связи с левым крылом социал-демократов не увенчалась успехом, так как вскоре он был снова арестован. В годы Советской власти Н.А. Морозов вел большую исследовательскую работу, был избран почетным членом Академии наук СССР. Одна из малых планет-астероидов названа в его честь — «Морозовия».

Время замкнуто в круг.
По ступенькам секунд
Миллиарды людей
Безоглядно бегут.

Вверх ли, вниз ли—
как знать,

Но считают—вперед:
Вот заводят часы,
Стрелки двигают вот.

И встают по звонку—
Ничего, что на глаз
Открыл ли себе
Нужный миг, нужный час.

Ну, а время течет,
Уплывают года
Ниоткуда в ничто,
Из ничто в никуда.

Может быть, потому
Ощущаем подчас:
Или мы вдоль него,
Иль оно мимо нас.

И неведомо где
Обрывается вдруг
Круг твой малый и тот
Нескончаемый круг.

Миллиарды людей
В нем толкались, снуя.
Счет особый вели,
Но однажды ль—с нуля?

И одна ль Атлантида
На свете была—
Мгла развевалась вдруг
И опять облегла?

Может, был не один,
Потерявший наш след
И сказавший: увя,
На земле жизни нет.

Что напрасно искать
Здесь разумную жизнь...
В этот миг, может быть,
Мы с тобой родились.

И по кругу пошли,
Жизнь свою торопя,
Проживая не век,
Проживая себя.

Чтоб к исходу пути
Удивленно понять:
Перепрыгнуть нельзя,
Можно только прорвать.

Прошибить головой
Те стропила-года.
Если знаешь—зачем?
Если знаешь—куда?

ВРЕМЯ-ЗОВ-ВРЕМЯ

II

«...Слышишь?—
Время зовет,
Окликает тревожно.
Проникает тот зов
Сквозь бетона редут.
Не услышать нельзя,
Не откликнуться
Можно.
Не тебя ж одного,
В самом деле,
Зовут.

Не тебя.
Не тебя.
Успокойся!
Ты вправду
Песчинка всего лишь...
Затеряться так просто
В Сахаре людского песка.
Промолчи—
И безмолвно средь прочих
Утонешь...
Кто возьмется искать
И кому это надо—
Искать?
Столько зла на земле,
Что его разгребешь
ты руками

Едва ли.
Ведь всего ничего—
Пара рук.
И потом как-никак
Не тебя персонально
Позвали,
А нестати придешь,
Удивятся:
«Чего это вдруг?!»

Не тебя,
Не тебя...
Та труба позвала
И затихла.
Не откликнулся ты
И остался
В своем защищенном
Тепле.
Ну, и что из того,
Что тот самый фунт лиха
Вновь кому-то другому
Достался?
Спасибо скажи—
Не тебе!»

Это
Голос того,
Что в калачик свернулся
Уютный...
И откуда вдруг взялся?
От детства остался, должно.
Затаился он в нас,
Ожидая той самой минуты,
Когда зло,
Что скопилось,
Само превратится
В добро.

Он тебе не мешает—
До поры не мешает.
Ты с размахом живешь,
Ты берешься за тысячу дел
И жалеешь.
Что рук
Двух твоих
Не хватает:
Вроде взялся
Как надо,
А сделать всего не успел.

Чуть устал,
Чуть прилег,
Веки смежил едва ты,
Он уже тут как тут—
Тихо на ухо шепчет уже
И о людях—

Они-де во всем
Виноваты,
О душе—
Мол, подумать пора
О душе.

О своей...
Ну, конечно, своей—
Не чужой же!
Только разве молитва
Кого-то от страха
Спасла?
О, как часто душа
Обрастала
Липучей
Лягушечьей
Кожей,
А кому-то казалось—
Слоновой она
Обросла...

И о времени шепчет...
А что ему время?
Он, беспечный, живет,
Наслаждаясь уютом своим,
Сожалев, что ты
Прожигаешь мгновенья—
Те, которые счетом особым
Отпущены жизнью
Живым.

И когда ты вставал
Под прицельные пули,
Он от страха визжал,
Отрекаясь в тот миг
От всего,
И бесстыдно молил,
Чтоб они отвернули,
Чтобы мимо прошли,
Не в тебя чтоб—
В другого кого...

И над бездной когда,
Что ждала тебя,
Скалясь,
Ты кого-то держал
Онемевшей рукой.
Не твои,
А его
Это пальцы разжались,
Хоть потом и сказали,
Что сами собой...

Заставлял унижаться,
Вставать на колени зачем-то
И прощенье просить,
Если жизнь вдруг
Взглянула остро...
У него,
Осторожного,
Есть очень точная смета
На чужую любовь
И чужое добро.

Ненавижу его
И в себе,
И в других!
Потому-то
Выдрать надо бы с корнем,
Да корни его глубоки...
Вроде не был и нет,

Но в тревожную
вылез минуту,

Чтоб заставить тебя
Перед дракой разжать
Кулаки.

Может, кто-то и скажет,
Что зря я о том откровенно.
Исповедуюсь зря,
Есть такие—
Надумают сразу всего...
Только что мне
Стыдиться?
Душа у меня
Неразменная,
Даже если и стоит
По общему курсу
Совсем ничего.

Ну, а то,
Что сидит он во мне,
Осторожный,
Что-то на ухо шепчет,
Насмехаясь, моля и грозя...
Не услышать его,
Коль внутри он тебя,
Невозможно,
Но и слушать его—
Ты доподлинно знаешь—
Нельзя!
Я не верю тому,
Кто клянется прилюдно
Жить чисто.
Не слова виноваты,
Не клятвы имею в виду—
Отлетают слова,
Как с деревьев
Осенние листья.
Зябко веткам бывает
Потом на ветру...

Он, поклявшийся,
Знает,
Что есть в нем и тот,
Затаенный,
Подшепнувший на ушко:
«Делай так, а не то...»
Посмотри на него:
С виду вправду он
Вечнозеленый,
Что листва опадет
Через месяц,
Не знает никто...

Слышишь—
Время зовет,
Окликает
Тревожно?
Пробивает и стены
Призывная эта труба.
Не услышать
Нельзя,
Потому что зовут
Непреложно
Не тебя одного,
Но услышал ты зов,
И тебя!

...Человек,
Ты в ответе за все,
Что тебя окружает.
Боль чужая—
Твоя.
Если счастлив,
То счастье
Неси со двора.
В вечность
Жизнь
Прорастает.
Прислушайся—
Так прорастает
Сквозь века
И вражду
Неизбывное
Семя
Добра.

Поколенья сошли.
Не оставив следа.
Так же все солона
Человечья слеза.

И не стала она
Солонее ничуть
Оттого, что трудней
Человечества путь.

Платим так же за все,
И дороже нельзя...
Дешевеет одна
Человечья слеза,

Может быть, потому,
Что узнали не вдруг:
Разум может не все,
Может все только дух.

Сколько душ на земле,
И у каждой свой свет.
Ну, а вместе когда,
Той души разве нет?

Совесть в каждом своя
О своем говорит.
Ну, а вместе когда,
Что, уже не болит?

Знаем боль не со слов,
И не надо—больней,
Ну, а вместе когда,
Забываем о ней?

Что ж ты хочешь еще
Увидать, человек?
Чтоб соленым был дождь?
Чтоб соленый шел снег?

Разве мало пролил
Ты с рождения слез?
Хочешь видеть дыру
Вместо неба и звезд?

Сколько ж надо тебе
На веку Хиросим,
Чтоб ударить в набат
И восстать вместе с ним?

Ни добра нет, ни зла
У природы—
Слепа!
Начинается все,
Что есть в мире,
С тебя.

Время тоже с тебя
Начинает отсчет.
Ты умрешь,
И оно
Черной глыбой
Замрет...

Рисунки
Игоря СУСЛОВА.

Сергей ВЕТРОВ.
Фото автора

«МЗЕОБА» «ЭРДГУЛЕБА» И ДРУГИЕ

МНОГИЕ ПАМЯТНЫЕ СОБЫТИЯ ОТМЕЧАЮТСЯ ТЫСЯЧАМИ В НОВОМ ДОМЕ ГОРЖЕСТВ. ЭТО И «МЗЕОБА» — ПРАЗДНИК ИМНАРЕЧЕНИЯ, И ОКОНЧАНИЕ ШКОЛЫ, И СВАДЬБА...

Он стоит на высоком холме над Курой и похож с самолета на праздничный торт. Когда поднимаешься к нему от реки — это уже крепость. А когда входишь внутрь, попадаешь то ли во дворец, то ли в музей.

— Так и было задумано. — рассказывает автор проекта нового тбилисского Дома торжеств архитектор Виктор Джорбенадзе. — В архитектонике здания нам хотелось слить воедино прочность, твердость, основательность с открытой, праздничной приподнятостью, даже театральностью...

Мы ходим по этажам Дома торжеств. Внутри он кажется еще больше, чем снаружи. Конференц-зал — здесь собирается клуб молодой семьи. Ритуальные залы. Дискотека. Бюро свадебных путешествий. Помещение клуба знакомств. Комнаты хоровых репетиций. Зал детских ритуалов. Повсюду картины, фрески, скульптуры... Красиво!

— А сейчас я покажу то, чего вы не увидите нигде. — заинтриговывает нас Виктор.

Выйдя из здания, он указывает на памятную доску, вмурованную в наружную боковую стену. На ней сотни подписей.

— Это автографы строителей. Всех без исключения — инженеров, техников, рабочих. Мне говорили: так не принято. А я уверен: они будут гордиться, что участвовали в возведении дворца. Видели бы вы, с каким энтузиазмом, как самозабыто работали наши мастера.

...У главного входа группа торжественно одетых людей. В центре внимания — очаровательная девочка с ярким бантом. Сейчас начнется «Мзеоба» — солнечный праздник имянаречения. Трехлетняя Манана вместе с родными, друзьями родных и друзьями друзей родных войдет в сказочный дворец, ее поздравят, срежут на память родителям маленькую прядку волос, вручат медаль, на которой изображено солнце. А она прочтет стихи Николаза Бараташвили:

*...Течет Кура, журча на перекатах.
Она сейчас зеркально хороша,
Вся в отблесках лазури синеватых...*

«Мзеоба», пожалуй, самый поэтический праздник в Тбилиси. Дети танцуют, поют, декламируют. Первый праздник в их жизни. А сколько еще впереди! Но как сделать каждый из них запоминающимся, ярким? Вопрос этот волновал и инструктора ЦК комсомола Грузии Эльзу Свимонишвили, которой несколько лет назад предложили стать директором тбилисского центра торжеств. Скажем откровенно: семейные торжества в республике подчас превращались в многодневное застолье купеческого размаха. Замечательные качества грузинского народа — широта, щедрость, гостеприимство — доводились до абсурда. Да и как иначе назвать обывательское стремление пустить гостям пыль в глаза, поразить дорогими вещами, «богатством»?

Партийная организация, комсомол Грузии повели наступление на чуждые обычаи. Была создана республиканская комиссия по пропаганде и внедрению новых обрядов и ритуалов. И дело пошло. В него включились талантливые художники, музыканты, поэты. Ведь новые обряды должны создавать люди с выдумкой, фантазией, чувством прекрасного.

— В жизни каждого из нас много радостных событий, — говорит Эльза Свимонишвили, — а потому главной задачей мы считаем создание неразрывной цепочки праздничных обрядов. Уже в раннем детстве ребенок приходит в Дом торжеств на «Мзеобу». Здесь же он отпразднует и поступление в школу, и ее окончание, и свадьбу. Кстати, обряд бракосочетания вы увидите через несколько минут...

Мы переходим в главный ритуальный зал. Убранство его так же торжественно, как и событие, которое здесь отмечается. Витражи отбрасывают цветные блики на стены. Где-то наверху поет хор. Через несколько минут в зал войдут молодые.

— Пройдет два-три года, и сегодняшние молодожены приведут сюда на «Мзеобу» своего первенца. — продолжает свой комментарий Эльза. — А через двадцать пять лет свершат здесь обряд «Эрдгулеба», что значит «верность». И, конечно, не раз они приведут сюда на праздники своих детей и внуков...

И вот распахнулись двери. Ослепительный солнечный свет ворвался в полумрак зала. Жених и невеста, сопровождаемые друзьями и родственниками, вступили на мраморные плиты, устланные лепестками цветов. Хор запел традиционную заздравную «Мравалжмиер». Начался праздник, который его участники не забудут никогда...

Предметом особого внимания комитетов комсомола, всех комсомольских организаций, кадров и актива должна стать повседневная бескомпромиссная борьба с пьянством, организация широкого антиалкогольного движения.

Из постановления X пленума ЦК ВЛКСМ

СТРОГИЙ СПРОС

Павел ЕМЕЛИН,
специальный
корреспондент
«Смены»

РЕПОРТАЖ С ОТКРЫТОГО КОМСОМОЛЬСКОГО СОБРАНИЯ

Горьковский завод «Красная Этна» выпускает автономали — различные болты, гайки, все, без чего любой автомобиль развалится на отдельные детали и агрегаты. Немало на заводе молодых рабочих, среди которых толковые, зрелые специалисты, настоящие асы своего дела. Но встречаются, к сожалению, и другие — те, кто и работает спустя рукава, и дисциплину нарушает постоянно. В заводском комитете ВЛКСМ все эти нарушители хорошо известны. На их счету прогулы, появление на рабочем месте в нетрезвом виде, а то и похмелье в медвытрезвителе. С этим опасным и уродливым явлением — пьянством — и вступили в нелегкий и непримиримый бой заводские комсомольцы.

...В красном уголке цеха гальванических покрытий идет комсомольское собрание. Пришли сюда и коммунисты, бригадиры, представители администрации. Приехал первый секретарь Горьковского обкома ВЛКСМ Сергей Рогожкин.

Плотный, по-армейски подтянутый Владимир Володин, комсорг цеха, поднялся из-за стола.

— Товарищи, разрешите начать собрание. На повестке дня персональное дело...

В голосе комсорга звучит суровая сдержанность. Серьезны и лица присутствующих. Нет обычных для молодежной аудитории шуток, улыбок: не тот случай. Невеселые дела предстоит обсудить комсомольцам.

— Андрей, — комсорг обращается к молодому кудрявому пареню с черными холемными усами, — выходи сюда, чтобы тебя все видели.

Не сразу парень поднимается с места. Словно его чем-то прилепили к стулу.

— Объясни, — строго спрашивает комсорг, — как ты попал в вытрезвитель?

Парень долго молчит, прячет глаза, лишь изредка с вымученной улыбкой посматривает на собравшихся — ищет сочувствия. Сочувствующих, однако, не видно, все ждут ответа.

— Выпил с друзьями, — промямлил парень и тут же поспешил заверить: — Больше такого не будет.

Выпивка перед своим рабочим коллективом, лицом к лицу. Не так уж часто, увы, приходилось видеть это раньше. Мало вели мы с пьяницами такой открытой, прямой разговор, больше клеймили пьянство вообще, словно забывая, что конкретные носители зла живут и работают рядом с нами и чувствуют себя при этом весьма вольготно. Кое-кого останавливала ложная стыдливость: зачем, дескать, лишний раз говорить человеку неприятные вещи? А выпивохе только этого и надо. Ему бывает легче лишиться премии, нежели вот так, как сейчас, отвечать за свою распущенность.

— Как же так, Андрей? — встает с места комплектовщица Марина Чурсина. — Ведь ты же давал нам слово, что не будешь пить. Помнишь, два месяца назад вызывали тебя на бюро? Приходила твоя мама, жаловалась, что ты пьешь, дебоширишь дома, не даешь покоя ни ей, ни бабушке. Ведь и тогда ты так же говорил: «Больше не буду», — и что же?..

Андрей стоит, понурился голову. Сейчас он тих и робок, а во хмелю, оказывается, громогласен и задирист, как заяц из басни.

— Вспомни, сколько мы с тобой нянчились, — продолжает Марина. — Как Гена Сиднев буквально за руку тянул тебя на стадион! Ты упирался; дескать, здоровье не позволяет. Оля Кукушкина, наш культорг, предлагала тебе заниматься в художественной самодеятельности. Опять отговорки: «Таланта нет». Зато с друзьями со двора у тебя находятся общие «интересы». Нет, так больше не будет! Решай сам, с кем тебе быть — с нами или с выпивохами...

В самом деле, часто слышишь такие суждения: «Хороший парень, а пьет...» Выходит, во всем виновато одно вино? А где же тогда сам человек, его твердость, сила воли?

Встает один из опытейших работников цеха, гальваник Вячеслав Александрович Вязанкин:

— Смотрю на тебя, Андрей, и не могу понять. Казалось бы, молодой человек в самом расцвете сил. Ведь тебе 22 года, отслужил в армии, имеешь специальность, неплохо зарабатываешь. Опора матери, кормилец, а что ты вытворяешь?.. Тебе пора семью иметь, да только хорошая девушка поостережется связывать свою жизнь с тобой. И правильно сделает. Сколько женщин плачут от мужей-пьяниц! А сколько несчастий от этого проклятого «змия» детям! Подумал ли ты об этом?..

Очень хорошо, — Вячеслав Александрович повернулся к собравшимся, — что вы, комсомольцы, болеете за своего товарища. Это по-нашему, по-комсомольски. Я сам комсомолец 40—50-х годов. Вспоминаю сейчас свою молодость и не в обиду вам скажу: может, мы были не столь образованными, не столь талантливыми, но мы были... трезвее. Откровенно говорю: столько пьяных среди молодежи тогда не было. У нас тоже были деньги, но мы думали не о выпивке, а о работе, о родителях, о Родине. Я вот добровольцем поехал поднимать целину. Там, в степях, не было охраны у проходной — все держалось на сознании людей. Если бы мы там пили, кто бы дал стране хлеб?

Мне пришлось уехать из Казахстана, — продолжает Вязанкин, — тяжело заболела, а потом и умерла жена. Остался с двумя малыми детьми. Да, можно было и запить с горя, но, честно скажу, мысли такой не возникало: надо было растить детей. Не подумайте, что выставляю себя в качестве примера для подражания. Таких судеб, как у меня, тысячи. Одно хочу вам напомнить: время сейчас тревожное, напряженное, всем нам надо трудиться засучив рукава. Пьяницам, нарушителям дисциплины нет и не найдется никакого оправдания. Так что, Андрей, как отец тебе советую: пока не поздно, берись за ум, бросай рюмку раз и навсегда.

Слово предоставляется Анатолию Митину, бригадиру комсомольско-молодежной бригады гальваников имени 40-летия Победы.

— Прав Вязанкин, с пьянкой надо кончать. И не только Андрею, но и всем, кто еще принимает выпивку за эталон героизма. Не за то погибли наши отцы и деды в Великую Отечественную, чтобы спивались их сыновья и внуки. Давно пора навести тут порядок. А то ведь совсем недавно вином торговали чуть ли не у самой заводской проходной. Кое-кто на работу шел через винный магазин и с работы туда же...

— Даже через забор за вином лезли, — подхватил Володин, который, до того как возглавить комсомольскую организацию цеха, был активным «прожектористом».

— Борьбу с пьянством надо начинать с себя, — продолжил Митин. — Давайте строже относиться прежде всего к своему поведению, а не кивать на закон или администрацию. Хотя и тут строгость не помешает... Наш коллектив давно трудится без нарушений дисциплины, успешно справляется со всеми производственными заданиями. От имени всех членов бригады я со всей ответственностью заявляю: мы не допустим у себя ни одного случая выпивки — ни по «поводу», ни без повода.

— Сумеет ли мы победить пьянство? Вопрос этот сейчас задают многие, — берет слово первый секретарь обкома комсомола Сергей Рогожкин. — Понятно, почему возникают такие вопросы. Ведь антиалкогольная борьба велась и прежде, но, к сожалению, заметных результатов не дала. Почему? Причины такого положения указаны в постановлении ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма». Борьба с этим социально опасным злом идет зачастую кампанийски, без необходимой организованности и последовательности. У некоторых укоренилось представление о пьянстве как о неизбежном и неискоренимом пороке. Добьемся ли мы успеха на этот раз?

Давайте посмотрим на проблему конкретно, не отрываясь от повестки дня нашего собрания. Все ли имеется у нас для успеха? На первый взгляд средств повлиять на пьяниц достаточно — тут и законодательные, и административные меры, и различные формы комсомольского контроля. Однако почему же они нередко работают вхолостую? Скажем прямо: корни наших неудач в формализме, равнодушии и бездушии, в неумении, а порой и нежелании всерьез заниматься воспитательной работой, в полную меру использовать возможности коллектива. Спросим себя: все ли сделано, например, для того, чтобы Андрей и ему подобные у нас в цехе бросили пить? Нет, не все. Тут говорили, что Андрей ничем не увлекается, ничто его, кроме выпивки, не интересует. Как-то не верится в это. Плохо еще мы знаем товарища по работе, по Союзу молодежи. Если парень действительно живет, как бесхребетная пушинка — куда ветер дунет, туда и летит, — значит, наша задача заинтересовать его полезным делом, увлечь высокой целью. Цель и дело — вот что помогает молодому человеку увидеть смысл своей жизни. Это отрывает его и от пустого времяпрепровождения, и от опасного пристрастия к спиртному.

Разговор у нас сейчас нелюбезный, — заканчивает свое выступление Рогожкин. — Так и должны рассуждать в каждой комсомольской организации: пьяницам надо дать решительный бой. В нашей области немало комсомольских коллективов, которые изъявили желание в полном составе вступить во Всесоюзное общество трезвости. Но недостаточно только осуждать пьянство, надо коренным образом улучшить досуг молодежи, сейчас это одно из важнейших дел комитетов комсомола. На вашем заводе комсомол имеет крепкие позиции, и я уверен, что вы найдете возможность и силы самым действенным образом повлиять на молодых людей, склонных к употреблению спиртного.

Обсуждение закончено, подошло время принимать решение. Опять взгляды устремились на Андрея. Он стоял, не поднимая головы, сжавшись в комок. По всему было видно, что критика товарищей заставила его серьезно задуматься. И вот в тишине, которая установилась на какие-то секунды, все услышали его слова:

— Ребята, простите меня. Честное слово, в последний раз.

Владимир Володин, оглядев собравшихся, негромко спросил:

- Какие будут предложения?
- Собрание загудело, заволновалось.
- Исключить!
- Дать испытательный срок.
- Объявить строгий выговор!

Как только страсти утихли, Володин сказал:

— Комсомольское бюро предлагает вынести Андрею за поведение, несовместимое со званием комсомольца, строгий выговор с занесением в учетную карточку. Учитывая, что Андрей признает свою вину, мы надеемся на его исправление. Поэтому просим партбюро цеха закрепить за ним авторитетного наставника — руководителя бригады корректировщиков коммуниста Виктора Окулова.

— Это решение все комсомольцы поддержали единогласно.

«Красная Этна» — завод нормалей. Да, без них не поедет ни одна машина. Так и человек, пусть самый способный и талантливый, теряет все свои не только лучшие, но и нормальные качества вместе с привычкой к спиртному, которое разрушает личность. Трезвость же, которую мы провозглашаем нормой нашей жизни, укрепляет и развивает таланты и способности. Вот почему мы все голосуем за трезвость!

В статье «Первая капля», опубликованной в №5, справедливо отмечены недостатки в организации идейно-воспитательной работы среди участников вокально-инструментального ансамбля «Романтики» Черниговского Дворца пионеров и школьников. Подобное положение стало следствием серьезных упущений в работе отделов учащейся молодежи и пионеров горкома комсомола, Деснянского и Новозаводского райкомов комсомола, их слабого контакта с педагогическим коллективом дворца.

Вопросы, поднятые в статье, рассмотрены на пленуме и бюро горкома комсомола.

За серьезные упущения в воспитательной работе среди учащейся молодежи и несовершеннолетних, самоустранение от руководства деятельностью Дворца пионеров объявлен строгий выговор секретарю — заведующей отделом учащейся молодежи и пионеров горкома ЛКСМУ Крадиновой Н. В. выговор — секретарям — заведующим отделами учащейся молодежи и пионеров райкомов комсомола Иванцовой Н. В. и Гриценко А. И.

В постановлении, принятом бюро горкома комсомола, указано, что отделы горкома, райкомов обязаны глубже анализировать процессы, происходящие в юношеской среде, активнее влиять на ход их развития. Определены направления в работе по устранению недостатков, отмеченных в статье.

Горкомом комсомола совместно с комиссией по борьбе с пьянством исполкома городского Совета народных депутатов проведено анкетирование учащихся 7—10-х классов средних школ города по вопросам отношения к пьянству и курению, что значительно поможет в организации и проведении профилактической работы.

Ежемесячно проводятся городские и районные рейды оперативных комсомольских отрядов «Подросток», в ходе которых выявляются несовершеннолетние, склонные к употреблению спиртных напитков. С ними проводится разъяснительная работа, они приобщаются к занятиям в кружках художественного и технического творчества, спортивных секциях.

Для дальнейшего усиления идейно-политического, нравственного воспитания молодежи использовалась подготовка к празднованию 40-летия Великой Победы. В марте — апреле в городе был организован и проведен фестиваль самодеятельного художественного творчества молодежи, посвященный знаменательной дате. В рамках фестиваля состоялись конкурсы патриотической песни, дискотек, художников и фотографов. Активное участие приняли комсомольцы и молодежь в строительстве кинотеатра «Победа» и реконструкции могилы Неизвестного солдата — городских ударных комсомольско-молодежных стройках.

В настоящее время горком комсомола совместно с заинтересованными организациями решает вопрос о создании на базе городского кафе «Молодежное» клуба абсолютных трезвенников.

А. ТИМОШЕНКО,
секретарь Черниговского
горкома ЛКСМ Украины

В его стихотворениях еще не выветрилось подражательство, но в них есть и нечто свое. Свое — это судьба. Она испытала и продолжает испытывать Василия Волкова на прочность.

Ему 27 лет. Родился и жил на байкальском берегу. В тринадцать лет лишился отца. Рано начал работать — в лесничестве, потом матросом на грузовом и пассажирском судах. В 1980 году окончил Московское Высшее пограничное командное Краснознаменное училище КГБ СССР имени Моссовета, а через год стал инвалидом первой группы.

Он совершил подвиг, и ныне, прикованный к постели, продолжает сражаться с судьбой. Недавно Василий успешно окончил факультет журналистики Московского университета, сейчас учится в аспирантуре.

Стихи Василий Волков пишет со школьной скамьи. В его поэзии есть оптимистическая нежность к жизни, пишет ли он о матери, которая ждет возвращения сына, «такая светлая и молодая, что даже не заметна седина», или о Родине: «что за все я в ответе, сам себе докажу». Солдатское мужество, офицерская честь не покидают его и в жизни, и в поэзии:

*Окрыленный,
смущенный,
настороженный ли,
я — как нерв оголенный
у огромной земли.*

В борьбе с бедой он становится поэтом.

Феликс ЧУЕВ

НОВОЕ ИМЯ

Василий ВОЛКОВ

Глоток юности

*Остались же в памяти те вечера,
когда, намахавшись до усталости,
я тут же валился,
вдали от костра,
чтоб снять рукавицы. Не шутка ли?
Они прилипали к водянкам.
С трудом
я сдергивал эти верхонки!..
В тот миг, чуть не плача,
я думал о том,
что неженка я и девчонка.
Но утром,
топорик опробовав свой,
я вновь удивлялся той удали...
И только под вечер,
довольный собой,
валился на землю от усталости.*

*Вот так бы прижаться
к шершавой земле,
чтоб снова вернуть себе силы.
Вот так бы измазаться в вязкой смоле,
глотнуть свежий запах осины.*

Маме

*Когда тоска по дому угнетала
(как будто дом не дом,
а шар земной),
когда тепла и ласки не хватало,
я убежал, как маленький,
домой...*

*А там, я верил, мама ожидает,
такая дорогая для меня,
такая светлая
и молодая,
что даже не заметна седина.*

*И верил я,
что мир перевернется,
блеснув под солнцем влажной бирюзой,
да так, что горе
вскоре захлебнется
в ее глазах — и скатится слезой.*

Память

*У самой обочины талой,
вдыхая весны аромат,
смотрел в одну точку
устало,
ссутулившись,
старый солдат.
Он помнил,
он слышал,
он видел
невидящим взором тот бой,
он плакал от злости,
что выжил,
слепым
возвратившись домой...
Который уж год за плечами
все так же,
ссутулившись, нес
ту ношу,
что стыла ночами
осадком от высохших слез...*

*Хоть краски тускнели с годами
и жизнь
становилась другой,
но даже слепыми глазами
он видел
последний свой бой.*

*...Лежал он и слушал
тревожно,
как гулко стучало в земле:
стук сердца он спутал,
быть может,
с разрывом снаряда в стерне...*

*Он помнил до каждой детали:
был взрыв,
было небо,
земля...*

*И вдруг все исчезло,
остались
лишь взрывы и море огня.*

*Глубоким,
безжалостным следом
скрипит на зубах,
как в тот раз,
земля вместе с кровью
и снегом —
и та,
и не та,
что сейчас!*

Здравствуй...

*Здравствуй,
Яуза-де-речка
и ребячьи корабли...
Не забыл родную речь я.
Не забыл родной земли.
Не беда,
что я отбежал
(ноги-ноженьки отдал!),
что и рай,
и ад отведал.
Где я только не бывал!*

Второе рождение

*Я не помню,
сколько
времени прошло...
Умер я —
и только,
боль взяла свое.
Не дышал,
не видел
и не помня «жил»:
кто меня обидел,
кто меня любил?
Черной пеленою
мир открылся мне —
смерть владела мною
в долгом,*

*страшном сне:
черное виденье,
красные круги...
Вечное забвенье —
жизни нет в груди.*

*Будто бы очнулся.
Верить
или нет?
С черного вернулся
я на белый свет!
Белая палата.
Белая кровать.
Белье в халатах
девушки стоят.
Все вокруг белело —
все белым-бело.
Только вот болело
тело, как назло.*

*Я смотрю,
как в зеркало,
в тишину реки,
в заводь ее мелкую,
полную тоски...
Я смотрю
и мучаюсь,
не могу понять:
искупаться лучше мне
или так стоять?
Мерзнуть в ожидании —
быть или не быть?
И решил:
— Гаданием
не поможешь жить!
И шагнул я
в дерзкую
жизнь,
как в ту реку...
И нырнул я
в зеркало,
разогнав тоску.*

Лицо

*Лицо художник
страстно пишет.
Ему свое бы написать...
Он долго мучается,
ищет
черты чужие,
так сказать.*

*Жизнь наша
к истине стремится,
не терпит фальши...
Ей в ответ
она сама рисует лица —
она и скульптор,
и поэт.
Порой выходит
даже грубым
шедевр
пристрастного творца,
чтоб не писали
мы нетрудный
портрет
безликого
лица.*

Однажды Хромов стал свидетелем события небывалого: на перемене две девушки азартно спорили между собой. И не из-за фасона платья, не из-за любимых актеров — из-за схемы ЭВМ на плакате! Вот тогда-то Хромов и понял, что случайность, приведшая его в московское ГПТУ-171, оказалась счастливой.

Когда Анатолий — программист, возглавлявший группу разработчиков в ВЦ Академии наук СССР, пришел в училище, поначалу боялся, что не справится. Опыт преподавания у него был — в институте читал лекции; но волновало то, что народ в ПТУ несерьезный. Уже не дети, но еще и не взрослые.

Опасения оправдались. Учащихся почти сразу удалось разделить на три группы. Первые пришли в училище сами, рассчитывая приобрести интересную специальность. Другие — завалив экзамены в институт и не желая терять год. Третьих привели «за ручку» родители; профессия оператора престижна, да и не пыльная, работают в белых халатах.

Опыт преподавания в институте, как убеждался Хромов с каждым днем, оказывался малополезным. Отчасти из-за того, что до выпуска группы было всего десять месяцев. Тогда-то и стал он разрабатывать свою методику.

Сам радиолобитель, Хромов организовал радиокружок. Радиоприемник, усилитель, цветомузыка — все приборы собраны из тех же деталей, что и ЭВМ или перфоратор. И, узнавая принцип работы, к примеру, простенького осциллографа, легче понять, как работает дисплей, с помощью которого оператор ведет диалог с машиной.

Педагогический прием сработал лишь отчасти: в радиокружок записались только те, кто сознательно выбрал профессию оператора. А удача пришла откуда, откуда Хромов ее не ждал. Хоть и разные ребята были в группе, в одном они сошлись единодушно: хотели организовывать дискотеки, ходить в театры, на экскурсии... И свободных вечеров у Хромова стало совсем мало. Зато группа превратилась в настоящий коллектив.

И хотя предприятия, где работают выпускники училища, довольны пополнением, кажется иногда преподавателю, что мог бы больше дать ребятам. И тогда Хромов идет в библиотеку и готовится к следующему учебному году. Ищет новые возможности для преподавания. В прошлом году, например, с помощью директора ПТУ Василия Васильевича Филяева «выбил» на всю будущую группу микрокалькуляторы. Дело вроде бы несложное, но важность его переоценить трудно. Микрокалькулятор — игрушка

ПОСТИГАЯ
АЗБУКУ МАШИНЫ.

Александр
ФИН

ПАРОЛЬ ПРОГРЕССА- ЭВМ

Фото
Виктора САККА
и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

интересная. Обучаясь работать на нем, ребята легко понимают принципы работы ЭВМ. Ведь как ни отличаться друг от друга плоский карманный вычислитель и «шкаф» компьютера, устроены они почти одинаково. Поэтому учащиеся быстрее осваиваются с устройствами ЭВМ, которые дважды в неделю видят на вычислительных центрах, начиная с первых дней обучения, и на которых работают во время практики.

В классе спецтехнологии училища нет привычной школьной тишины. Переговариваются учащиеся, стрекочут у стены перфораторы. Над ними плакаты, изображающие схемы ЭВМ. Подписи к узлам на плакатах: «процессор», «контролер», «оперативная память». Оператор должен знать их все.

ИЗ ПРОГРАММЫ ГПТУ. Оператор должен знать: устройство пульта ЭВМ, основы вычислительной техники, рабочие инструкции, виды носителей данных, виды и причины отказов и меры их предупреждения и устранения...

Это далеко не полный список обязанностей операторов. Обучение в ПТУ — 10 месяцев. Как изучить за столь краткий срок тысячи деталей, составляющих машину? Возможно ли это?

— Конечно, нет — отвечает Хромов. — Да и не нужно. Дело ведь не в транзисторах. Важно изучить основу, принцип работы на ЭВМ.

Тем временем перфораторы прерывают работу. Сидевшие за ними девушки встают и протягивают Хромову изготовленные ими перфокарты. Ожидая увидеть на картоне непонятные сочетания отверстий и вдруг вижу слова на русском языке: «Таня», «Света». Что стоит за этой работой, похожей на шутку? Оказывается тест на профессионализм.

Перфоратор — устройство сложное. Электроника, механика, непостижимый алгоритм работы. Все это нужно хорошо знать, чтобы напечатать на перфокарте всего несколько букв собственного имени. Плюс к этому — пространственное воображение. Дело в том, что при проходе перфокарты сквозь прибор в каждом столбце он может пробить лишь одно отверстие. Чтобы провести вертикальную черту, перфокарту нужно запускать в приемное окно несколько раз. А с наклонной линией отверстий еще сложнее — нужны пространственное воображение, точная координация движений.

ИЗ ПРОГРАММЫ ГПТУ. Оператор должен уметь:

**СЕГОДНЯ МОЛОДЕЖЬ,
ВСТУПАЮЩАЯ
В ТРУДОВУЮ ЖИЗНЬ,
ДОЛЖНА УМЕТЬ РАБОТАТЬ
С КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИКОЙ.
ПРОФТЕХУЧИЛИЩА СТРАНЫ
ПРОВОДЯТ
СВОИ УЧЕБНЫЕ ПРОГРАММЫ
В СООТВЕТСТВИИ
С ТРЕБОВАНИЯМИ ВРЕМЕНИ.**

Школьная

ственность, которую берет на себя человек, вступая во взаимоотношения с ЭВМ. Отсюда и явление, хорошо знакомое психологам — чем выше уровень ответственности, тем больше страх ошибки и вероятность ее.

Разговор, конечно, не о том, что операторы или программисты часто ошибаются, а о психологической нагрузке, сопровождающей их работу. В этом смысле Ольге Загонновой и Людмиле Якуниной, учащимся ГПТУ, повезло: во время практики они работают на персональных компьютерах.

ПК — не соперник, а скорее друг. Вместе с персональными компьютерами в обиход специалистов вошел и термин «дружественное программное обеспечение». Это значит, что там, где обычная ЭВМ ответит вам на ошибку сложным набором сообщений, персональный компьютер спросит на привычном языке: «Вы, наверное, забыли указать номер чертежа детали?». Но, конечно, дружественный подход не избавляет от необходимости знать устройство машины. Я спрашиваю девушек:

— В инструкции записано, что оператор ЭВМ должен уметь определить неисправность машины и знать, как ее устранить. Что вы станете делать, если машина вдруг остановится?

— Пока на нашей памяти такого не было, — говорит Ольга. — Но если случится — ничего страшного. Конечно, нам не придется искать неисправную деталь. Есть специальные тест-программы, которые заставляют машину самостоятельно искать неисправность. Машина поочередно опрашивает свои ячейки, а когда дойдет до неисправной, остановится и напишет на экране ее номер. Останется только вынуть неисправную плату и заменить новой.

Говоря это, Ольга непроизвольно указала на экран, и я увидел рядом с клавиатурой небольшую прямоугольную карточку. На ней — имя и фамилия, домашний адрес, а внизу — очень важная надпись — «оператор ЭВМ». Эта визитная карточка учащегося напечатана на ЭВМ по программе, разработанной Хромовым специально для ребят. Звание оператора ЭВМ дается ребятам авансом. Оно сопровождает их с самого начала обучения, помогает почувствовать себя специалистами и на деле стать ими, впитав в себя знания, необходимые тем, кто хочет и будет работать на гребне компьютерного взрыва.

**РАБОТА С ЭВМ
ТРЕБУЕТ ВНИМАНИЯ
И СОСРЕДОТОЧЕННОСТИ.**

**УДИВИТЕЛЕН
МИР
КОМПЬЮТЕРОВ!..**

вести процесс обработки информации по рабочим инструкциям, вводить информацию, передавать информацию по линиям связи, подготавливать носители данных, обеспечивать перенос информации с одного типа носителей на другие, знать рациональные приемы работы...

Как выглядит компьютерный взрыв не на бумаге, а в жизни, я увидел на ЗИЛе. В автостроительном корпусе конвейером, на котором собирают грузовые автомобили, управляет АСУ. АСУ следит за потребностями конвейера, скрупулезно подсчитывает, сколько нужно кабин, двигателей, подвесок и прочих деталей, чтобы конвейер работал без перебоев. Как любая подобная система, АСУ ЗИЛа оснащена терминалами — устройствами ввода и вывода информации. Терминал — небольшой экран телевизора с пультом клавиатуры, с его помощью оператор «разговаривает» с машиной.

За пультом терминала — учащаяся ГПТУ-171 Светлана Кондратьева.

— Светлана, — спрашиваю я, — машина время от времени задает вопросы. Вы всегда понимаете, что ей от вас нужно? И не мешает ли то, что в училище вы изучали машину «Наир», а на заводе работают другие компьютеры?

— Сейчас у нас с машиной полное взаимопонимание — отвечает Светлана. — А новые модели электронных машин появляются в среднем каждые семь лет. У всех разное быстродействие, разный объем памяти. Но устройством и принципом работы они мало отличаются. Когда знаешь основу, то все не так уж сложно.

Электронную машину не сравнить, пожалуй, ни с одним другим прибором, созданным человеческим разумом. И дело не столько в сложности ЭВМ, сколько в разнице логики человеческой и логики машинной. В каком-то смысле машина безжалостна к человеку. Она не прощает ни единой ошибки, ни малейшего просчета. И если учесть, что из двух партнеров по работе — человека и машины — ошибаться может только один, становится ясно ответ-

ВОПРЕКОС ДАДА ВСЕГДА

Письма о верности лежат на редакционном столе. Читаешь эти маленькие и большие истории жизни разных людей и ясно видишь, что все они словно истории болезней, которые никто еще не научился, увы, врачевать. Читаешь с радостью и с грустью. С радостью, потому что многие делятся с журналом своими семейными тайнами. С грустью, потому что во многих письмах читатели просят дать им единственно верный совет или оценку их чувству. Но разве есть кто-то посторонний, кто вправе оценить чужие чувства?

Прочтите письма, которые пришли как отклики на нашу первую публикацию дискуссии («Смена» № 11). В них сомнения и тревоги, нескрываемые слезы и улыбка, в них надежда на самое лучшее. Этим они и ценны для нашей дискуссии — ведь это живые письма о живой любви и верности. Пусть же каждый прикоснувшийся к этим строчкам подумает о себе и о своих чувствах, а если появится вдруг желание, то сядет и напишет нам свое письмо.

Мое счастье со мной

Здравствуй, дорогая редакция!

Странно я, наверное, сейчас выгляжу: сидит девчонка в простеньком белом платье и улыбается от счастья. Завтра моя свадьба! Может, для кого-то этот день как ритуал, как парад: шикарный туалет, обилие друзей, родственников, «Волга» с пупсами, а потом пир на тысячу рублей в ресторане. Нет, меня ничто такое не ждет. У меня все будет куда как просто. Не придет на нашу с Костей свадьбу много народа, и денег у нас нет, чтобы купеческое пирушество отгрести. У нас все было и будет по-иному.

Мы с Костей учились вместе в школе. На первой парте нас посадили для «нейтрализации»: он был парень заводной, учился плохо, а я тихая, старательная отличница. Костю у нас в классе немного недолюбливали. Чуть что — он со всеми ругается, дерзит, спорит. Признаться, я его тоже тогда, в восьмом классе, не любила. До одного случая. Однажды иду я с подружкой по улице, и вдруг подходит ко мне высокий парень в джинсах, с длинными волосами. Говорит: «Пошли прошвырнемся, рыжая!» — и за руку меня схватил. А от самого перегаром несет. Я стала вырываться. И вдруг откуда-то появился Костя. Он этого «хмыря» ударил. А тот оказался не один, с компанией... Началась драка. Дело передали в милицию. Я не видела Костю почти два года. Все это время мы писали друг другу письма. Оказалось, Костя интересный человек: любит музыку, литературу, разбирается в кино, а главное, хочет стать архитектором. Часто в своих письмах он присылал мне рисунки — школа будущего с садом, бассейном, маленьким театром, мастерскими, где ребята 13—14 лет могут делать красивые и нужные в быту вещи. Скоро письма Кости стали для меня самым дорогим, я увидела в них не просто мальчишеские мечты, а нечто большее. Вот с этого и началась наша любовь. Но о нашей переписке узнали мои родители. Мать нашла его письма у меня в портфеле и разорвала их. Целый вечер она кричала, что я связалась с негодяем и позорю семью. Это было ужасно! Мне не дали сказать ни слова, требуя, чтобы я перестала ему писать. Я обещала. Жизнь шла своим чередом, я заканчивала 10-й класс, но было мне очень тоскливо. Ходила вялая, без всякого интереса к чему бы то ни было. Люди раздражали, а мысли все время возвращались к нему, Косте. Постепенно я стала понимать, что больше не могу переносить своего предательства, не могу жить в разлуке. На весенние каникулы я поехала к нему в колонию. Трудно описать всю горечь и радость нашего свидания! Костя все понял, не озлобился и простил меня. Мы решили всегда быть вместе. Но стоило ему вернуться в наш город, как начались новые горести. Что ни вечер, родители устраивали мне скандалы, угрожали, говорили, что пойдут к Косте на работу, что пожалуются в техникум, куда я поступила после школы. А я, чем больше мы виделись с Костей, тем яснее понимала, что никто другой мне не нужен. Ведь несмотря на все неприятели и беды, он остался честным, был добрым и нежным со мной. Говорил: «Ничего, будет нам по восемнадцать, поженимся и уедем отсюда». И вот нам восемнадцать. Мы никогда не ссоримся, потому что самое дорогое у нас — это наши отношения, вера в то, что есть рядом человек, который дорожит тобой, понимает тебя... Полгода тому назад я ушла из дома. Живу на квартире. Техникум бросила и пока работаю, чтобы подкопить денег.

Удивительно счастливый день у меня завтра! Завтра

ра начало новой жизни. Мы уже решили: уедем туда, где все тоже только начинается. Поработаем года два, а потом вместе поступим в архитектурный институт. Мне даже все равно куда ехать. Лишь бы вместе. Я верю: самое дорогое в моей жизни — это любовь! Мне жаль моих родителей, друзей, соседей, которые до сих пор не хотят понять, что главное в человеке не то, сколько он получает и что у него было в прошлом, а готовность отказаться от всего, что мешает ему быть вместе с любимым. Родители не хотят со мной видеться, а мне их жаль. Они не понимают, что в любви и доброта, и сила, и мужество, и мудрость, и красота. Если встретил настоящую любовь, то все остальное — деньги, положение в обществе, уют, квартира, приятели, развлечения — приложится. К счастливым ведь и люди тянутся, и удача приходит. Мне кажется, мы с Костей правильно начали жизнь: сначала построили и отвоёвали свое чувство, свою любовь, а уж потом возьмемся за все остальное. Ну скажите, разве мы не правы? Разве это не самое главное — найти свою любовь!

Марина К.,
г. Канск Красноярского края

Еще один шаг

Дорогая «Смена»!

Всегда с большим удовольствием читаю твои материалы по нравственным проблемам — будто бы с близким другом размышляю о жизни, о самом насущном и главном.

Читая письмо Надежды Птицыной, которое положило начало новой читательской дискуссии на твоих страницах, я подумал прежде всего вот о чем. Почему молодые люди пишут в журнал о самом сокровенном? Почему пишут о любви счастливой и несчастливой? Наверное, потому, что об этом не всегда даже самому лучшему другу можно рассказать. А написать легче. Но задумаемся: а просто ли дать верный, точный совет в такой тонкой, хрупкой области человеческих отношений, как любовь? Думаю, что не только трудно, но иногда и просто невозможно.

По-моему, в том, что любовь не состоялась, и несчастье общее, и вина обоих. Кто-то меньше, кто-то больше виноват, но виноваты оба — не сумели, значит, спасти свои чувства. Ведь часто бывает, что из-за мелкого самолюбия не хотят простить любимому или любимой даже маленькой ошибки, порой просто оплошности.

Вот и Надя Птицына пишет в редакцию и просит помощи, совета. Но ведь выбор ваш, Надя, уже сделан. То, что произошло между вами и вашим Женей, уже происходило тысячу раз и с другими. Если все было так, как вы пишете, никто из читателей, я уверен, не осудит вас. Только в памяти вашей останется маленький шрам — пусть. Потому что воспитанию чувств нет конца.

И еще хочу спросить вас, Надя: неужели вы в глубине души хотите, чтобы все изменилось, чтобы у вас с Женей все началось сначала? Не думаю, что это принесет вам удовлетворение и радость. Второй шаг, даже от отчаяния, всегда хоть на самую малость заслоняет первый. Любовь, Надя, не живет назад, она живет только в настоящем и в будущем. И ваш следующий шаг к счастью может быть каким угодно, только не первым. Да вы и сами понимаете это, судя по вашему письму. Постарайтесь только донести эти мысли и до ваших учеников.

Случается, что и без жертв в любви не обойтись:

так уж складываются жизненные обстоятельства. Надо ехать за близким человеком на край света. Надо ухаживать за больным. Вот тогда-то и проверяются истинные чувства, вот тогда-то ты и можешь доказать свою верность и преданность любимой или любимому. В жизни немало забот, которые вынуждают нас покончить со многим, что в юности составляло часть нашего существования. В сутолоке будней мы теряем друзей. Теряем разнообразие и яркость своих интересов и увлечений. Бывает, и жертвуем друг для друга чем-то важным. Только не надо весь смысл своего существования сводить к самопожертвованию. Потому что тут уже будет насилие. Может быть, даже не столько над другим, сколько над собой. Здесь и таится самое горькое, здесь чаще всего и лежит зерно будущего разлада.

Связать две жизни — вовсе не значит покончить с одной из них. Это сказал Ромен Роллан. Я давно запомнил эти слова великого писателя, еще тогда, когда познакомился со своей будущей женой Симой. По этой «формуле счастья» мы и прожили с ней почти сорок лет. Верность, искренность, общность духовных интересов всегда наполняли наше бытие. Научатся сегодняшние молодые умению делать счастливым близкого человека — и сами будут всегда счастливы.

Владимир РУДНЕВ,
пропагандист, Москва

Двое на распутье

Уважаемая редакция!

С интересом встретила вашу новую дискуссию о верности и хочу обратиться за советом.

Мне 26 лет. В прошлом году познакомилась с парнем. Ему сейчас 19. Вначале просто встречались, беседовали, делились впечатлениями, что-то обсуждали. Постепенно очень привязались друг к другу. В общем, теперь я его люблю, и он меня тоже. Я это вижу и чувствую. Но ведь я старше на целых семь лет. Наверное, это ужасно, но ведь никто из нас двоих не виноват, что так получилось. Мне же постоянно об этом напоминают, особенно мама. Говорит, что он слишком молод, увлекся, что через пару лет забудет меня, что женщины стареют раньше мужчин. Для меня ее мнение очень важно. Но ведь я люблю. А он и слышать ни о чем не хочет, да и я не чувствую себя старше. Но главное — нам очень хорошо вместе. Сейчас он в армии, и я очень по нему скучаю.

Есть у меня еще один знакомый, который предлагает мне стать его женой. Но я не люблю его, хотя, казалось бы, все преимущества на его стороне, да и подружки удивляются: «Что еще нужно, тебе ведь не 17».

Что же мне делать? Чего только не передумала, а выхода из создавшейся ситуации не нахожу. Иногда думаю: а вдруг мама права? Понимаю, что в таких сугубо личных вопросах решения надо принимать самой, но так хотелось бы узнать мнение людей, попавших в аналогичную ситуацию. Помогите разобраться, для меня это очень важно.

О. Е., Соликамск

ОТ РЕДАКЦИИ.

Наша дискуссия продолжается.
Ждем ваших писем, друзья!

ПЯТТЕРО

Алексей НИКОЛАЕВ.
Фото Альберта ЛЕХМУСА

В НЕБЕ

— Смотри!

Напарник вскидывает камеру, то-ропливо, озябшими пальцами наводит объектив. Среди белоснежных глыб, плавающих в ультрамаринне океана, видеоискатель ловит стамуху, севшую на мель метрах в двадцати от берега. Лыдина отличается от других только тем, что она с «пассажи-ром» — на ослепительной, в изумрудных бликах поверхности лоснится под солнцем, подрагивает мускулами темно-бурая туша с белыми, чуть в желтизну клыками.

Вижу уже «гвоздевой» этот кадр на журнальной полосе, жду привычного щелчка, и... камера отказывает, как всегда не вовремя — затвор замерз. «Эх, японская аппаратура!...» Отогреть под тулупом одна бы минута, но объект — вальяжный этакий морж, поверьте уж на слово, достойный

дублей, — позировать вовсе не намерен. Он подымает голову, издает уробный звук, и туша — тонны на две, не меньше — с гулом сползает в воду от греха подальше.

Перед усатой мордой выплескивается стая испуганной сайки и шарахается метра на три — из Карского в море Лаптевых.

В том, что это именно так и не иначе, убеждает металлическая табличка на сизом, высушенном ветрами столбе, вбитом в черные камни, присыпанные сухим снегом: «Мыс Челюскина. Самая северная точка Евразии (77° 43' с. ш. 104° 18' в. д.). Открыт подштурманом Российского флота Семеном Челюскиным 9 мая 1742 года».

Сам по себе факт пребывания в экзотической точке Земли если и может скрасить невезение, то только отчасти...

Сказать бы просто: в Арктике все иначе, — и дело с концом. Да не всякий поверит на слово. И потому объяснить придется с самого начала, почему «пятеро в небе». Почему пятеро в вертолете Ми-8, если экипаж его — по инструкции — трое?

На материке машину ведут, провозжат как под локоток наземные службы. Тут — летают над океаном, и на тысячи километров ни ориентиров, ни радиостанций, ни локато-

ДИКСОН.
ДОРОГА В АЭРОПОРТ
ИДЕТ ПО ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЕ.

В КРАЮ
ПОЛЯРНЫХ
МАКОВ.

ров, а стрелка компаса на борту вертится как заведенная — под боком магнитный полюс. О погодных условиях не говорю — они арктические. Выход? Нашли выход: добавить двоих — бортрадиста и штурмана. Так появился на свет арктический вариант экипажа, замечу, экипажа, но не вертолета. И все бы ладно, но вопрос, нашей теме хотя и попутный, позволим себе задать конструкторам: где сидеть тем двоим? Конечно, можно не сомневаться, об этом думают, и, вероятно, вариант арктической «восьмерки» уже на подходе. Но пятерым-то летать нужно сегодня, вот и пришлось бортрадиста со штурманом разместить без помощи конструкторов. Первый определен в салоне (если так можно назвать чрево рабочей машины, сплошь заваленное мешками, ящиками и всем, что мыслимо в него втиснуть). А штурман? Штурман втискивается на обыкновенном стуле между креслами командира и второго пилота, чуть впереди — в самый фонарь. Удобно ли? Тут надеюсь я на воображение читателя, а вся эта преамбула — для справки и чтобы заголовок наш не повис в воздухе.

А мы — в воздухе...
В числе прочих воздушных благ перед отлетом пожелали нам и попутного ветра. Но сказать, что попутным ветром занесло нас на этот арктический остров, я не могу: ветер был встречный. Он дул с севера и с такой силой, что авиаци-

онспекция сочла бы, возможно, погоду нелетной. Ну да дело прошлое, а в тот день тащили мы над океаном балок.

Обыкновенный балок, приспособленный под баню, висел на стропах под брюхом вертолета. «Негабаритный груз на подвеске» — называется такая штука в инструкции. Сейчас этот самый «негабаритный» раскачивает ветром — ощущение не из самых приятных. Командир экипажа Юрий Реймеров улавливает и каким-то чудом гасит раскачку чертова маятника. Как это ему удается, объяснить не берусь, но, видимо, двенадцать тысяч часов в воздухе что-нибудь да значат. Прибавлю еще четыре тысячи, которые налетал его второй пилот-стажер Саша Биль, — командир не скупится, часто передает ему управление машиной.

Виктор Лыжов, «выселенный» в салон бортрадист, сквозь вой и треск эфира ловит последние, затухающие уже сигналы с материка. Он принимает пеленги береговых станций, докладывает штурману, а тот переносит их на карту и, орудия навигационной линейкой, ведет счисление пути. Дальше вступит в дело астронавигация — пойдем по светилам. А пока каждые пятнадцать минут Володе Лукашину приходится уточнять путевую скорость.

— Ракета! — оборачивается он к бортмеханику Сергею Федину.

Но тому не до шуток; он слушает двигатель с таким видом, точно груз везут на нем. Двигатель-то у него отлажен, но при такой парусности груза, да со встречным еще ветром машина не набирает и трети крейсерской скорости.

— У нас поспешишь — никого не насмешить! — Штурман — скептик. Вельсичак и скептик. Но, совмещая в себе две эти ипостаси, Лукашин к тому же и лирик: — Глядите, что внизу-то делает-

ся!.. А вы говорите «белое безмолвие»...

Да нет, насчет «белого безмолвия» мы ни слова. И «суровую красоту» оставим охотникам до «словца», которое, правда, выцвело и давно уже перестало быть «красным». А вот что главный цвет Арктики не белый — свидетельствую.

Морозец схватывает разводья между льдинами матовым изумрудом; цвет этот царит и, отраженный океаном, уходит в небо. Кажется, не будет ему конца, но в Арктике погода меняется стремительно. Ветер пригнал с севера поля битого льда, прижал их к береговой полосе, но в самом коварном месте Северного Морского пути, в проливе Вилькицкого, над которым вместе с балком качается наш вертолет, океан сияет ослепительно звонким ультрамарином. И странно смотреть, как по чистой воде два мощных ледокола ведут в кильватер караван транспортных судов. Тут бы на байдарке вперёд!

— Береженого бог бережет, — замечает скептик. — Арктика!

А он по совместительству, оказывается, еще и пророк: через несколько минут угадывается точка — островок архипелага Северная Земля, куда нам садиться. Островок сплошь затянут сероватой белой мглой.

— Война в Крыму — все в дыму! — балагурит штурман.

Похоже, но до шуток ли тут? Смотрю на командира — как ведет он в этой коловерти тяжелую, с грузом на подвеске, машину?!

— А его на табуретку посади — полтит.

— Но как же он здесь сядет?

— Он и к лешему на лысину сядет. Есть ли таковая у лешего, не знаю, но командир наш имеет допуск посадки на ледовые купола, а это, пожалуй, одно и

то же. Поясню, если хотите: чтобы не принять купол ледника за походящее на него облака, нужен класс, за которым начинается колдовство. Колдовство — это посадить машину на купол, почти всегда скрытый облаками, да еще при непредсказуемых вихревых потоках. Цирк, как скажет наш штурман, а если читатель извинит и мне ненаучную терминологию, добавлю: машину может попросту шмякнуть. Но при всех этих условиях на купола садиться нужно: там люди... Есть, правда, такое понятие, как «посадка на усмотрение командира», и не думаю, чтобы нужно его особо комментировать, но когда бережно — как беккеровский рояль — опустили мы балок, а машина осторожно — как медицинский зонд — прошла облачность и чистенько села на купол Вавилова, командир сказал, что все было «в норме», и «на усмотрение» не понадобилось.

Насчет разговорчивости наш командир не из первых — выручает штурман:

— Я и говорю — цирк! — Он складывает потертую на сгибах карту, навигационная линейка занимает законное место — за голенищем. Бортмеханик глушит двигатель, отщелкивает дверцу и скидывает трап.

— Юра! Реймеров! Привет, командир!.. Как нелетная, так тебя и жди!.. А за банку, мужики, спасибо!

Проем двери заслоняет огромная фигура; от разгоряченного лица валит пар; меховые унты топчут заледенелый наст, ломающийся с треском, как стекло. На руках держит полярник здорового вида пса.

— Заболела собака?

— Та нет, здоровый!

— Почему же на руках?

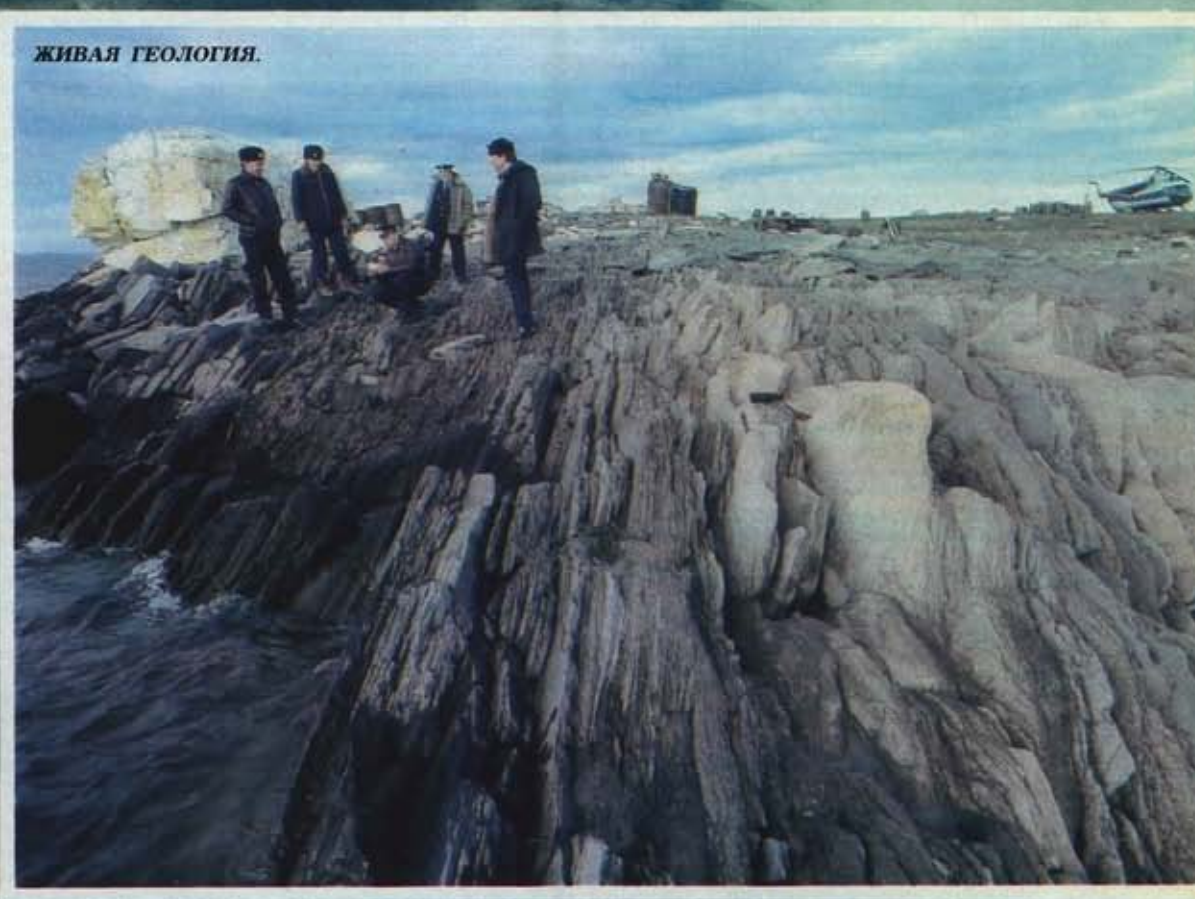
— А мы лапки его бережем, — смеется он в ответ на недоуменный вопрос незнакомого пассажира.

— Здоровый Ледокол, здоровый! — Наш командир треплет пса за ухом. — Нам болеть нельзя. Правда, Ледокол? Медведя берет.

— Это точно. Ящик сгущенки на днях отбил у мишки... Твой-то Рэмка как? Давно не видел.

Вот, оказывается, как разговаривать нашего командира! Жестковатое лицо озаряется улыбкой, а слов слышится больше, чем за весь многочасовой полет, где у него всегда «все в норме».

— Тут, знаешь, зарычал вдруг на нашего авиатехника — не понравилось что-то, ну, я возьми и накричи на него. Так, веришь, неделю со мной не разго-

ЖИВАЯ ГЕОЛОГИЯ.

варивал!.. Завтра выходной—новую будку сколочу. Давно ему обещал.—И рассказывает, рассказывает командир полярнику о своем сенбернаре, первом на Диксоне красавце и самом добродушном из псов Арктики...

— Ну что, полярный волк, как тебе банька? В самый раз будет, парься на здоровье,—говорит бортрадист, большой, как, впрочем, и все здесь, этого дела охотник.—А веничков тебе из Игарки забросим с первым рейсом!

Все бы хорошо, друзей на точках много, да вот недолги у летчиков встречи—чайку не всегда попьешь.

— Пора ехать,—говорит командир.—Ночевать на Среднем будем. Утром домой и—выходной... А березовых мы тебе закинем!—кричит он в форточку и машет стоящему на заледенелом снегу полярнику с мохнатым здоровенным псом на руках...

Авиация, вообще говоря, имеет множество достоинств настолько очевидных, что апологеты ей в наше время уже не нужны. Арктической в особенности. Хотя бы уже потому, что без нее здесь ни шагу, и пусть не покажутся читателю натяжкой размышления автора на этот счет—они из скромного, но личного опыта.

Порт на берегу арктического залива—дело, понятно, сезонное и, по здешним местам куда как короткое. Когда на десять месяцев станут реки, авиации возить не перевозить. Вездесущий Ан-2 не везде выручит—ему хоть и маленькую, а полосу подавай. Так что львиная доля работы остается винтокрылым. Кто забросит, например, геологическую партию на «бесплодную» точку, отсеченную от базы топами и десятками рек, для вездехода неодолимых? Кому по плечу доставить туда же и смонтировать буровую, бесперебойно снабжать ее горючим, а людей—продуктами? Каким еще ходом доберутся ветеринары к кочующим оленьим стадам, разбросанным на тысячевестном пространстве? Какой аппарат, кроме вертолета, сядет на скалистый мысок таймырского озера, чтобы взять улов ценнейшей здешней рыбы—гольца, омуля, муксуна, доставить одну рыболовецкую бригаду и снять другую? И кому еще под силу высадить отряд гидрологов с полным снаряжением на маленький островок в океане, отрезанный от материка многолетним торосистым льдом? Да и ледокол с атомным сердцем без вертолета как без глаз...

А мы летим. Пока со всеми возможными в этих краях удобствами: любуйся себе на синий океан в белых пятнах ледяных полей, на необитаемые и обитаемые острова—то рыже-бурые, если проглянет солнышко, то сизо-серые, когда светило скроется. Но скоро иллюминаторы затягивает непроглядная мгла—ни океана, ни островов, ни неба. Напарник мой, недовольный (как, впрочем, и все фотокорреспонденты) погодой, задремал.

— Все равно до Среднего ничего не увидишь—читай.—Бортрадист протягивает мне затрепанную, похоже, всей эскадрильей зачитанную книжку «Иностранной литературы». В ней американский роман «Челюсти». Дома руки бы не дошли до модного бестселлера, а тут можно и поглядеть, в чем там дело. И покуда в иллюминаторе мгла, страниц с полсотни прожевал. Пока только страшно; если цель литературы—пугать читателя, тогда все в порядке... Но вот побежала под нами узкая, с юга на север вытянутая полоса острова Средний. Ладно, в гостинице дочитаем.

Эх, гостиница! Летная гостиница на восьмидесятом градусе северной широты, у самой макушки планеты! До дома отсюда «пилить и пилить», а до точки, где в пучок сходятся все меридианы, исчезают параллели, а из четырех сторон света остается только одна—юг,—рукой подать. Но вот, руку на сердце положив, скажу: ни в каких столичных отелях, в курортных высшей класса апартаментах тепла такого и уюта не сыскать! А уж щец таких наваристых, душистого, своей выпечки хле-

В ПОЛЯРНОЕ ЛЕТО СОЛНЦЕ СВЕТИТ ЗДЕСЬ КРУГЛЫЕ СУТКИ.

В ОЖИДАНИИ ВЕРТОЛЕТА.

УТРО ТУМАННОЕ...

ба да с корочкой, нежно хрустящей, только и можно что пожелать!

Второй уже час ночи, солнце так и шпарит в окошко нашего номера, а пятеро ребят, сняв полярные доспехи, в майках, в тренировочных костюмах, в домашних на босу ногу тапочках сидят на койках и говорят, говорят...

Прикидывают ребята, какой у кого завтра выйдет выходной. Командир сколотит наконец обещанную Рэмке будку; бортмеханик махнет с ружьишком в тундру—сезон в разгаре; бортрадист займется дома с двумя своими пацанами; штурману нельзя уже больше откладывать «свадебное путешествие»—прогулку с женой по Енисею; а второй пилот напишет наконец на материк письмецо, которое холостую его жизнь повернуть должно на новый курс. Ну а вечером все вместе мы посидим. У кого соберемся?..

Эх, Юра! Сережа! Витя! Володя! Саша! Друзья вы наши сердечные! Что же делать! Так случилось, что ни одно из этих желаний не сбылось в тот ожидаемый вами выходной.

Не было выходного. Была работа. А она здесь такая, что когда кому-то плохо, зовут вас. В тот день на Земле Франца-Иосифа, на острове Грезм-Белл, заболела девушка. Нужно было отправить ее в больницу на Диксон. Правда, особо срочного ничего нет, да и погоду можно было бы подождать получше, но для кого как, а для вас чужого горя—это уж точно—не бывает.

Пятеро усталых ребят поднимают машину и гонят ее в непогоду через океан на край земли. В оба конца, между прочим, две с половиной тысячи верст. И думать больше ни о чем некогда.

Один бортмеханик, благо живет близко, успел сбежать домой, притащил увесистую пачку газет и журналов, пришедших ему с последней почтой—будет что почитать в дороге. Ждем только доктора.

Хоть и специальный—санитарный—у нас рейс, а пассажирами попутными и грузами тут никогда не обидят: другого транспорта нет. И чего только нам не подкидывают: телевизор цветной, помидоры, зеленый горошек, гитара новая в целлофане. А на ящиках, на коробках, на мешках экзотические адреса—о. Уединения, м. Желания, о. Хейса. И почта, конечно. Письма в Арктике—статья особая: пишут их здесь, как в старину, обстоятельные, подробные, толщиной каждое в школьную тетрадку. К увесистому такому кон-

верту испытываешь некое благоговение, не то, что на материке—уходит там мода на письмо.

А вот и белый с красным крестом «уазик» подкатил—привез доктора и безраздельную хозяйку нашего рейса. Вот не знаю только, как познакомиться вас, читатель. Поглядеть на нее—куда там лекарства, все хвори разом как рукой снимет. Улыбчивая, белозубая, в сереньком модном пальтишке—просто загляденье эта доктор Инна Голубцова!..

Путь наш долог, и это видно уже по тому, как доктор и другие за нею попутчицы разобрали разом целлофановые свои мешочки с красными, синими, зелеными клубками, и пошли чистить спицы—будто впергонки с вертолетными лопастями. Вязание, оказывается, повальное в Арктике увлечение, непременно у всей женской половины ее обитателей. Но за серьезным этим делом не забываются и дорожные разговоры.

А о чем они, разговоры, когда летишь над Северным Ледовитым океаном на последний краешек земли, а попутчики твои этой земли патриоты? Для доктора, уроженки Украины, институт кончавшей в Донецке, нет теперь ничего милее острова Хейса, который сложен природой из двух только материалов—базальта и льда. Но, видно, не в этом дело, если и на обледенелых камнях крепкие корешки может пустить человек. Давненько она уже тут, и не тужит—по ней видно.

— Вам все это только Сенкевич на маленьком экранчике покажет,—улыбается доктор и расхваливает, уж так расхваливает и моржей, и медведей, и айсберги, и сауну какую-то совсем уж необыкновенную.—Обсерваторию нашу во всем мире знают. Погоды верной без нас вам не дадут!..

— А у нас, на мысе Желания,—вступает в очередь тоненькая, русоголовая, в красном свитере девушка,—придешь на берег, опустишь руки в воду—одна

САНРЕЙС.

НА СВЯЗИ.

рука в Карском, другая в Баренцевом. Вот увидите, какие у нас полярные маки—все острова облетайте, таких нигде не найдете,—говорит она и ловко управляется со спицами особенными своими руками. Живописцу, умеющему видеть, эти руки—находка: за ними жизнь и судьба человеческая. Когда щедро, дает природа такие руки музыканту. Эти сильные, чуткие, не избалованные теплом руки знакомы и с иными.

По классу фортепиано окончила Светлана Волокитина Гнесинский институт в тот самый год, когда мужа послали работать на мыс Желания. Ей предлагали аспирантуру, отличные условия в Москонцерте, гастроли... «А о чем думать? К мужу, конечно». Два года была она единственной женщиной на обледенелом кусочке земли, которая и мужчине не всякому по плечу. Думаешь невольно: по силам ли ей ноша сия? И потому не находишь сразу, что тут сказать.

— И «Стейнвей» у вас есть?.. — Есть,—улыбаясь просто, пресекает она неуклюжую попытку пошутить.—Инструмент мне с «полярки» привезли. Я вам сыграю, когда приедете...

Похоже, что мы уже и приехали. Свиноцкий в белых барашках океан с грохотом окатывает серый скалистый мыс. Сверху похож он на остов, с которого сняли шкуру. Неискренне будет говорить здесь о «суровой красоте». Мощь—да, но без всякого лирического эпитета. Вот только желтые лепестки полярных маков пронзительно светят в расщелинах камней. Картина паразитная—это правда. И все же не чистая эстетика, а сложная человеческая психология приходит на ум: хочется представить себе, как в первый раз увидела Светлана эту землю... Нет,

ДОЛГОЖДАННЫЙ
ГРУЗ.

СЕЙЧАС
БУДЕТ ПОСАДКА.

До следующей посадки летим мы в мгlistом, непроглядном тумане. Наконец садимся. Здесь почти столица — большая полярная станция на Новой Земле. Человек десять бегут к вертолету, не дожидаясь трапа, вскакивают в кабину, жмут руки знакомым и незнакомым.

Груза для полярников у нас пропасть, но все руки тянутся разом к большому мешку с почтой. И тут же, по дороге в кают-компанию, прямо на ходу вскрываются с треском плотные конверты.

Видели ли вы, как читают письма на дальней «полярке»? Священное это какое-то действо, когда людям не до груза, давно ожидаемого, и не до гостей, здесь редких и всегда желанных. «Вы уж извините — письма!» И человек заезжий, глядишь ты на лица читающих — так выразительны, так открытвенны они в своих чувствах, что невольно отворачиваешься, будто сам взглянул ненароком в чужое письмо...

А нам тем временем «погоду дают». Какую, уточнять не будем, но лететь надо: верст еще полтысячи и все над океаном. Оттого, быть может, и кажется, что как-то особенно придирчиво проверяет бортмеханик горючее: сливает отстой в стеклянную банку, вертит ее так и этак, долго смотрит на свет, точно химик в лаборатории. Делает Сергей все молчком, а вот скептик наш и балагур опять за словом в карман не лезет:

— У нас двигатель чихать не будет — встал, и все.

— И тогда?..

— Тогда? Если в ледяной купели купаться нет охоты, выбирай льдинку подходящую — шасси поставь — и стучи: «Братцы, мы тут!» Сергей для того и проверяет, чтобы эту льдинку искать не пришлось. Верно, Сережа?

НА ДАЛЬНОЙ
«ПОЛЯРКЕ».

К шуткам штурмана мы помаленьку привыкаем, а пассажирам бывалым они и вовсе не в диковинку. Доктор, наш милый доктор, умаялась, видно, и заснула, прислонившись к табличке «Схема закатки несамостоятельной колесной техники»... Гадать ли, что снится ей над Северным Ледовитым — донецкие алые тюльпаны или белоснежные айсберги в проливах Земли Франца-Иосифа? Не знаю, но все-таки славно это, когда в одну человеческую жизнь столько интересного может вместиться.

Замечено кем-то, что география часто делает у нас биографию. Сказано, думаю, не ради каламбура — страна большая, способностям всяким развернуться есть место. И все-таки складывает биографию человека его характер, а еще вернее сказать — натура. Чем объяснить иначе, что один весь век сидит в своей малогабаритной, а другого от земных благ несет на край света?

Некоторый опыт позволяет автору ответить на непременно в этом случае реплику циника: «Понятно, за деньгами едут!» Нет, неуважаемый циник! Если приехал сюда за деньгой, чемодан распаковать не спеши, а заказывай, не мешкая, обратный билет, — будешь здесь белой вороной, да еще и недолго, потому что жизнь сама выкинет тебя отсюда. В мою там бытность приехал с материка пилот, летная книжка прямо на выставку, поработал месяц-другой, увидели — крохобор. И хоть пилот классный, летать с ним никто не хотел, а заявление об уходе он сам подал. Скажу прямо: как ни прикидывайся здесь овечкой или рубахой-парнем, всех не перехитришь... Так что с «денежным вопросом» как будто ясно.

А люди едут, и все больше, конечно, молодежь. В Хатанге, на мысе Челюскина, на Диксоне отделы кадров завалены письмами — «хочу работать у вас». И хотя поется в песне, что «мы едем за туманом и за запахом тайги», не отмахнуться нам тут спасительным и как будто все объясняющим словом «романтика» — она кратковременна: годок, от силы другой, и домой.

Доктору нашему, Инне Голубцовой, кто не велит работать на родном своем юге, в областной, скажем, больнице да греться в свободное время на жарком солнышке? Так нет, ей подавай каменные пустоши, лед, который никогда не тает, и солнце, которое, если уж поднялось, двадцать четыре часа, не грея, светит, а закатилось — поминай как звали до другого лета... А за тонкой алюми-

ниевой переборкой — пятеро ребят; они хоть и сибиряки, но «южные» — иркутянин, читинец и трое красноярцев. «Туманов» тех самых и «запахов тайги» у них дома, под боком, сколько душе угодно. И ведь каждый пилот — не будем фальшивить — предпочел бы летать на более комфортабельных и, добавим от себя, более безопасных трассах — с ориентирами, с приводами, с постоянной радиосвязью. Но, видно, другие есть у человека «ориентиры» и «приводы». А искать их нужно не в природных условиях, а в человеческих характерах. ...Надеюсь, извинит меня читатель за короткое от сюжета отступление, но когда отчитывался я за эту командировку, девушка в бухгалтерии, увидев в моем удостоверении печати Диксона, мыса Челюскин, Земли Франца-Иосифа, спросила: «Хорошие там люди?» Ответить я мог только одно: «Плохим там делать нечего».

А доктор наша сменила осеннее пальтишко на шубку и вместо перчаток меховые надела рукавицы — «цельсий» на острове Грэм-Белл шутить не любит: до полюса по широте девять всего градусов, лето только календарное, и зимнюю одежду в суздук никто здесь не прячет. В унтах, в мохнатых шапках и в полшубках — как раз по здешним шквальным ветрам — народу полярного собралось густо; похоже, больную провозжат все свободные от вахты обитатели острова.

— Давай-давай, авиация, привози нашу Люду обратно, да поскорей: нам без художника зимовать никак нельзя!

Но, осмотрев больную, местный и наш доктор решают, что срочности особой нет и лететь на Диксон вполне можно завтра. Да и экипаж после такого рейса не грех отдохнуть. И правда, вымотались ребята порядком: какие б ни были двузильные мужики, а семь часов в вертолете над океаном — работа тяжкая... Отдохнем, командир? Как, ребята?..

— Не помидоры возем — санрейс, — говорит бортрадист.

— Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня, — философствует второй пилот.

— Машина в порядке, — добавляет бортмеханик.

— Семь плюс семь, итого две тысячи пятьсот верст, — как всегда точно, замечает штурман.

— Поехали, — ставит точку командир.

Опять заволокли иллюминатор серые, непроглядные облака, опять подкидывает мне бортрадист затрепанную книжку, но «Челюсти» — что-то не по зубам — никаким боком не вписываются их заботы в наши дела. Да и жутко как-то от человеческих тех отношений. Давай-ка лучше чего-нибудь своего. Не зря захватил механик из дома целую кипу газет и журналов — поглядим, что на нашем материке делается.

— Сергей, где там твоя «библиотека» была?

— Была, да вся вышла!..

А все очень просто — полярникам на мысе Желания отдал ее бортмеханик, не читая, — «им нужнее». Да ведь так оно и есть — что тут скажешь!.. Давай тогда чужие «Челюсти»: добьем уж, чтобы забыть.

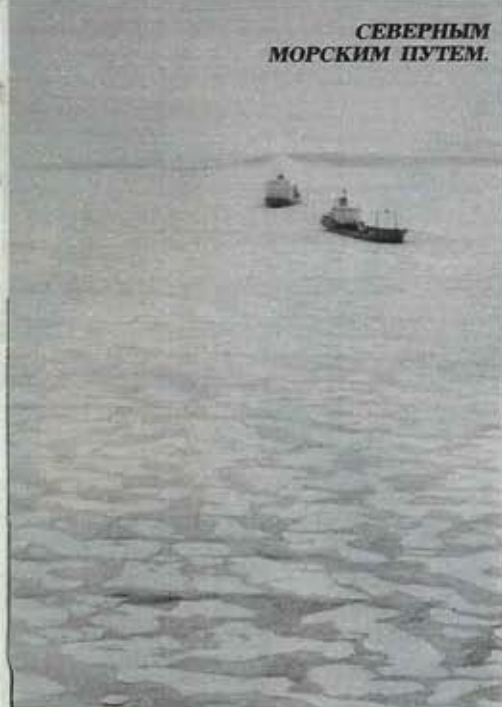
И забыл бы, конечно; а вспомнить пришлось на другой день. Был он для экипажа долгожданным выходным, да случилось так, что опять не сладилось все задуманное. И потому не сладилось, что на этот раз соприкоснулась наша жизнь с неизвестным миром чужой книжки. Соприкоснулась и обожгла холодом.

Не хотелось бы тяжелой нотой заканчивать эти заметки, но ни забыть, ни умолчать о том я не могу.

Убили собаку. Красавца, добряка Рэмку убили — «на шапку» убили. Я не знаю, как назвать этого типа. Не знаю, какой статьей квалифицировать более чем преступную корысть, но знаю наверняка, что в этих краях ему не место. Да и где на нашей земле ему место?!

А ребята наши летают. Только второй пилот занял место командира в другом экипаже. Но об этом и другой — при случае — рассказ.

СЕВЕРНЫМ
МОРСКИМ ПУТЕМ.

остов земли без теплого ее покрова, без травинки, без дерева, и на облещенном этом острове жить тебе не заезжим гостем, жить в трясущемся от ветров балке, где дверь открывается наружу, потому что медведь научился открывать ее только внутрь. Несколько раз в сутки нужно отгребать сугроб, заваливающий эту дверь, и с карабином в руках (медведь зверь дошлый, и ракетницей его теперь не отпугнешь) идти на метеоплощадку снимать показания приборов, согреть руки дыханием и заполнять журнал. А потом возвращаться к балке — «стучать погоду» на Большую землю. И долгов, ох как долгов короткий этот путь, когда на ощупь, держась за шнур, протянутый к двери, идешь в пургу сквозь темень дня, смешавшегося с ночью.

Не очень-то бодрую картинку рисует воображение. И все-таки... Если доверимся сердцу — а иначе нельзя, — в других красках предстанет перед нами та же картина, и мы пойдем хрупкую эту девушку, выбравшую судьбу по себе. Если рядом человек, тот единственный, тогда, быть может, все это обретает иной смысл, и откуда берет она силы — не такая уж загадка?

Победы молодых советских прыгунов Геннадия АВДЕЕНКО и Сергея БУБКИ на первом в истории спорта чемпионате мира по легкой атлетике в Хельсинки оказались неожиданными не только для болельщиков, но и для специалистов. Вчерашние юниоры, самые молодые члены сборной СССР выиграли в наиболее престижных и зрелищных видах легкой атлетики — прыжках в высоту и прыжках с шестом — у всех рекордсменов, чемпионов Европы и Олимпийских игр. А когда любители спорта еще и узнали, что Гена и Сережа — закадычные друзья, то и вопросы в своих письмах в редакцию начали задавать сразу обоим чемпионам. Именно такие вопросы прислали нам учащийся СГПТУ-63 А. Смирнов (Магнитогорск), студент О. Чиковани (Сухуми), слесарь Р. Воскобойников (Одесса), инженеры Л. Куклев и В. Сидоренко (Киев), школьники О. Васильева, П. Сычев, М. Дмитриева и Б. Гуляев (Свердловск), юрист Д. Ганченко (Симферополь) и другие.

СЕРГЕЙ БУБКА:
«МЫ ПОВЕРИЛИ В СЕБЯ,
А УВЕРЕННОСТЬ
ПРИДАЕТ СИЛЫ».

**Твой собеседник —
чемпион**

— Первый вопрос традиционный. Как начинался ваш путь в спорте?

С. Бубка. Я родился в Ворошиловграде. Пришел в секцию легкой атлетики за компанию с товарищем, который начал заниматься прыжками с шестом чуть раньше. Товарищ меня и представил тренеру Виталию Афанасьевичу Петрову. В свою группу Виталий Афанасьевич принял меня сразу, и с тех пор

Ольга ВОЛКОВА

ВЕРИТЬ В СЕБЯ

ГЕННАДИЙ АВДЕЕНКО:
«БЫТЬ ЧЕМПИОНОМ МИРА —
ИСПЫТАНИЕ НЕ ИЗ ЛЕГКИХ».

уже в течение десяти лет мы неразлучны. С первого же прыжка я понял, что нет ничего увлекательнее. Результаты мои росли довольно быстро, хотя и часты были разочарования. Вроде готов показать хороший результат, а проигрываю. Все никак не мог собраться по-настоящему. Пожалуй, впервые я почувствовал, что могу побеждать, в 1980 году, когда выиграл летний и зимний юношеские чемпионаты страны. В это время мы с Виталием Афанасьевичем жили уже в Донецке. Момент переезда в Донецк был решающим. Все зависело от родителей. Не отпустили они нас с братом Василием — неизвестно, как бы сложилась наша спортивная судьба. Но мама поплакала — и отпустила. Уверена была, что с Виталием Афанасьевичем мы не пропадем... Кстати, в свое время именно я заразил своего старшего брата Василия прыжками с шестом. Сейчас Василий Бубка — мастер спорта международного класса, обладатель Кубка СССР 1983 года, член сборной команды страны.

Г. Авдеенко. Мне, можно сказать, повезло с самого начала. Повезло с тренером. У Бориса Михайловича Рубульды занимался мальчик из нашего двора, Вовка. Когда он привел меня на стадион, Борис Михайлович было засомневался: мал еще, во втором классе. Попросил пробежать 60 метров. Я, конечно, хотел пробежать как можно быстрее, а тут, как назло, сильный ветер. Меня чуть с дорожки не сдуло. Ну, думаю, не возьмет в секцию (Вовка-то меня обогнал), а он щелкнул секундомером и... взял. Но теперь я знаю, что понравилось ему не мое «выдающееся» время, а рост (я уже тогда был на полголовы выше сверстников). Стал тренироваться. Результаты росли гораздо медленнее, чем я сам. Только через два года я выиграл на первенстве школы прыжки в длину. Получил первую в жизни грамоту. Знаете, до сих пор помню, с какой гордостью нес ее домой. Мне тогда очень понравилось быть чемпионом... А потом наступил долгий спад. Хотел даже бросить легкую атлетику. Но мама сказала: «Эх ты! Шесть лет возился с тобой Борис Михайлович. Он же верит в тебя!». Кризис мы преодолели. В 1979 году я выполнил первый разряд в тройном прыжке, занял второе место на первенстве Вооруженных Сил. Поверил в себя, стал тренироваться серьезнее. Правда, в том же году сломал руку, и три с половиной месяца

— Не жалеете, Геннадий, что бросили тройной прыжок?

Г. Авдеенко. Конечно, неизвестно, стал ли бы я чемпионом мира в тройном. И все же я жалею, что нельзя совмещать тройной и высоту (соревнования, как правило, проводятся в один день). Иногда мне даже снится, как прыгаю тройным...

— И так, в один прекрасный для вас день вы, Сергей и Геннадий, стали чемпионами мира. Что вы почувствовали, когда «проснулись знаменитыми»?

С. Бубка. Во-первых, уточним — не в один день, а в два. В первый день выступал Гена, а я «болел» за него по телевизору. Когда стало ясно, что он вот-вот станет чемпионом, я так разволновался, что даже ушел из холла, где стоял телевизор. По дороге сказали: Гена первый! Ну, думаю, в Одессе землетрясение будет! Гену решил не ждать (режим!), а написал ему поздравление и положил на подушку. Утром просыпаюсь — кровать не тронута. Оказывается, Гена переночевал у ребят, чтобы не помешать мне готовиться.

Г. Авдеенко. А когда Сергей на следующий день взлетал на свои головокружительные высоты, я тоже сидел у телевизора. Было видно, что в секторе дул сильный ветер, и я поймал себя на том, что шевелю губами — ветер загвариваю... Уж очень мне хотелось, чтобы Сергей прыгнул повыше. Сам я в тот день еще не осознал, что я чемпион мира. Награждение, поздравления... Все как в полусне, только усталость чувствовал. Главная мысль в тот день: «Не подвел». Уж очень напряженная борьба была накануне. Когда Сергей стал первым, я так рад был — словами не передать.

С. Бубка. И все же, задавая вопрос, вы были совершенно правы: настоящая радость пришла для обоих действительно в один день, следующий после моего выступления, 15 августа. Спали как убитые, проснулись одновременно, посмотрели друг на друга — и расхохотались: «золотая» комната получилась! В этом смехе мы выплеснули нервное напряжение и усталость. 15 августа — самый счастливый день в нашей жизни.

От автора. Наверное, вы уже почувствовали, что в этих воспоминаниях проявилась искренняя привязанность ребят друг к другу, то теплое чувство, которым были подсказаны, казалось бы, мелкие знаки внимания и заботы.

из нас пришлось дебютировать на чемпионате. Рядом блистали звезды всех величин: мировой рекордсмен из КНР Чжу Цзяньхуа, три экс-рекордсмена — Яцек Вшола (Польша), Диттмар Мёгенбург (ФРГ), Дуайт Стоунз (США), наши Валерий Середа и Игорь Паклин. Я с первой попытки взял 2.32, на 4 сантиметра превзошел свой лучший результат. Именитые дрогнули и... проиграли, хотя для многих из них эта высота была будничной. Видимо, проиграли они потому, что слишком много сил отдали борьбе нервов. А я на соперников, естественно, не смотрел. Даже одни имена знаменитых прыгунов способны были выбить из колеи. До выхода в сектор мы с Борисом Михайловичем все рассчитали и решили: будем превышать личный рекорд, состязаться с высотой, а не с соперниками. Пока я не взял 2.32, на меня и внимания-то никто не обращал: дебютант, не обремененный славой, громкими титулами, высокими результатами. Может быть, мой прыжок несколько ошарашил фаворитов, они занервничали еще больше... Вообще при таком накале страстей сверхвысокие результаты вряд ли были возможны.

От автора. Когда перед чемпионатом решалось, кому из прыгунов с шестом представлять нашу сборную, кандидатура Бубки у многих вызвала сомнение — на Спартакиаде он занял лишь девятое место, хотя и было видно, что он готов к высоким результатам. Перед отъездом в Хельсинки старший тренер сборной по прыжкам с шестом Игорь Иванович Никонов дал Сергею установку: минимум 5.60.

С. Бубка. Когда 5.60 никто не прыгнул, а я взял с третьей попытки, тяжело, при встречном ветре, о победе и не думал, просто обрадовался, что оправдал доверие. Поэтому на 5.70 я шел уже с легким сердцем. Постарался все сделать правильно в техническом плане, а когда взял, прежде всего подумал о доме, о родных, как они обрадуются. Что же касается моих известных соперников (я не говорю о Косте Волкове, которому все же чуть-чуть не повезло — его попытки совпадали по времени с сильнейшими порывами ветра), таких, как французцы Виньерон и Увийон, то перед ними стояла некоторая психологическая преграда: в активе самые высокие результаты, мировые рекорды, но все они показаны дома, а на крупных соревнованиях французские шестовики до этого выступали неудачно. Крайне

технике прыжка с шестом. Ни один шестовик не прыгает сейчас так, чтобы все составляющие прыжка были близки к идеальным. Но что такое идеальный прыжок? По этому поводу среди тренеров нет единого мнения. Мой тренер Виталий Афанасьевич Петров и тренер сборной Игорь Иванович Никонов, кажется, нашли оптимальный вариант, который должен привести к шестиметровому результату. Думаю, споры тренеров с помощью прыгунов скоро должны разрешиться.

От автора. В Хельсинки Бубка штурмовал рекордную высоту, но в тот раз безуспешно. А потом трижды превышал мировой рекорд, доведя его до отметки, недавно казавшейся фантастической — 5.94. Но и соперники не собираются останавливаться на достигнутом ими прежде. Конкуренция в секторе возрастает.

Г. Авдеенко. В этом сезоне наряду с фаворитами — Чжу Цзяньхуа, Д. Мёгенбургом, П. Шёбергом, нашими В. Середой, И. Паклиным, А. Котовичем, С. Засимовичем — могут появиться новые прыгуны, способные показать самые высокие результаты. Канонов в технике прыжка сейчас практически не существует. Посмотрите на Чжу Цзяньхуа: его прыжок совершенно «неправильный», какая-то антитехника, а результаты фантастические.

— **Нынешний сезон выдался напряженным. Впереди такие крупные соревнования, как Кубок Европы, Универсиада. Непросто доказать свое право быть членом сборной СССР. Но вместе с тем жизнь не замыкается на спорте...**

С. Бубка. Я учусь в Киевском институте физкультуры. Привыкаю к студенческой жизни. Хотел бы быть тренером. Правда, не знаю, выйдет ли из меня такой хороший тренер, как мой Виталий Афанасьевич Петров.

Г. Авдеенко. А я учусь на 2-м курсе Одесского педагогического института. Как и Сергей, мечтаю стать спортивным педагогом. Вне спорта себя не представляю.

— **А как вы отдыхаете? Чем увлекаетесь, кроме спорта?**

С. Бубка. Пусть покажутся ограниченными, но самое любимое в моей жизни — спорт. Когда я прыгаю, я и отдыхаю, а иной раз испытываю, если хотите, вдохновение. Еще люблю эстрадную музыку, приключенческую и научно-популярную литературу. Люблю слушать, как Гена поет под гитару, особенно «Ходят кони над рекою»...

Г. Авдеенко. Какое это пение! Только для самых близких друзей пою. В детстве учился в музыкальной школе по классу баяна, но легкая атлетика перебила. На гитаре играть научился сам. Но вряд ли назову гитару увлечением. Увлечению, мне кажется, необходимо отдавать много душевных сил. Моя душа отдана спорту.

— **Молодости свойственно иметь кумиров. Есть ли у вас человек, на которого хотелось бы быть похожим?**

Г. Авдеенко. Мы с Сереей часто размышляем об этом. Если пытаться во всем подражать кому-то, то так недолго и себя потерять. Правда, при общении с человеком, который тебе нравится, невольно стремишься подражать ему. Для меня во многом образец — мой тренер Борис Михайлович Рубулец. Он очень внимательный человек, тонкий психолог. Замечает в своих учениках малейшую перемену. Я еще сам не успел осознать, что безграничной веры в тренера мне уже недостаточно, а Борис Михайлович незаметно уже подготавливал меня к работе творческой, к соавторству. Если говорить о спортсменах, считаю, что Виктор Санеев — самый великий человек в нашей легкой атлетике и в спорте вообще.

С. Бубка. Это только одна сторона мужества Санеева. Но, на мой взгляд, не меньше мужества надо, чтобы после каждой большой победы — первой, второй, третьей — начинать новый цикл, при этом каждый раз становясь на тренировках чернорабочим.

ОШ ПРЫЖОК

пришлось прыгать с гипсом. Как это получилось? Возлились с ребятами перед тренировкой, я решил продемонстрировать прием каратэ и неудачно приземлился на руку. До сих пор не могу простить себе эту нелепую травму. Едва не пошли прахом все наши надежды.

От автора. Здесь следует обратить внимание читателей на то, что в словах Геннадия нет ни одного слова о прыжках в высоту. Да и немудрено: до 1980 года включительно в активе Авдеенко были только единичные прыжки. Дело в том, что на соревнованиях Гене иногда приходилось «закрывать» сразу два вида прыжков — тройной и в высоту. В том удачном для него 1980 году на юниорском первенстве СССР Геннадий стал кандидатом в мастера спорта сразу в обеих дисциплинах. 2.06 без всякой подготовки! После этого изредка Гена стал подходить на тренировках и к планке. Высота манила, тянула еще раз испробовать свои силы на соревнованиях. На следующем первенстве среди юниоров Авдеенко привлек внимание специалистов прыжком в высоту на 2.18, прибавив к личному рекорду сразу 9 сантиметров. Вот так и произошла переориентация.

Мелочь — написать поздравление товарищу. Да, но на двух страницах! И не каждый новоиспеченный чемпион не придет переночевать в свою комнату, чтобы не помешать соседу высаться перед стартом. Ребята молоды. Тогда им было по девятнадцать. В слово «друг», к зрелости употребляемое человеком все реже, они вкладывают изначальный, юношеский восторженный смысл. Но интересная деталь: когда я попросила сказать несколько слов друг о друге, то и словоохотливый, открытый Сергей и более сдержанный, застенчивый Геннадий ответили лаконично и почти одинаково: «Он всегда поймет. Человек не из легких. Но с легким было бы неинтересно».

— **Как вы сами оцениваете свой шаг на высшую ступень пьедестала мирового первенства? Наверное, победа была неожиданна не только для зрителей и специалистов, но и для вас самих?**

Г. Авдеенко. Вспомним, как развивались события в секторах для прыжков в высоту и с шестом. Тем более что они разворачивались почти по одинаковому сценарию. Все решила первая удачная попытка на новой высоте. Мне первому

нервное напряжение таких соревнований требует волевой подготовки, хладнокровия. Мне же, напротив, психологически было легче: не тянул к земле груз славы, да и у нас в стране конкуренция среди шестовиков посильнее, чем в мире, попасть на соревнования высокого ранга подчас труднее, чем выиграть их. Конечно, победа была неожиданностью для нас. Благодаря ей мы поверили в себя, а уверенность, в свою очередь, придает силы.

Г. Авдеенко. Теперь предстоит выработать психологическую устойчивость, закалить волю уже в новом качестве чемпионов мира. Это нелегко. Надо признать, я не был готов к стабильным выступлениям. Прошлый сезон посвятил достижению качественно нового уровня техники. Да и моя физическая подготовка оставалась желать лучшего. Но, кажется, сдвиг наметился. Во всяком случае, удалось установить личный рекорд, взяв планку на высоте 2.33. Думаю, что это не предел для меня.

— **Новый сезон — новые надежды. Что вы думаете о своих будущих результатах?**

С. Бубка. В последние годы выяснилось, какой огромный запас таится в

ДЕКАДАНС ПР

ИЛИ КАК ФАЛЬСИФИКАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ И ПРАВСТВЕННЫХ

Александр САБОВ

ИСТОКИ

У древних римлян было два схожих понятия: **дегенерация** и **декаденция**, — но оба служили символами лишь несчастного личного рока, индивидуального упадка. Что же такое **декаданс**? Просто-напросто латынь, переозвученная французским языком? Французский буржуазный историк Пьер Шоню, перелистав шестьдесят две европейские энциклопедии XVII и XVIII веков, в половине из них обнаружил интересующий нас термин, но все в том же античном значении: **декаденция** конкретной личности, дома, судьбы. Даже об угасании древних империй писали: декаденция, а не декаданс. Так было до новой эры, так было и добрых девятнадцать веков новой эры.

И вот где-то тут, между XIX и XX, вслед за переозвучением произошло и переосмысление термина. Где, когда, как? Парижское издательство «Либрери академик Перрен» выпускает специальную серию «История и декаданс», как раз Пьер Шоню ею и руководит. Я внимательно просмотрел несколько трудов серии, и вот не очень радостный итог моих разысканий. Уже полвека общепризнанной и классической считается на Западе схема французского историка Гастона Башлара, согласно которой человечество прожило уже три периода своего развития: «донаучный» (от античного мира до Возрождения и вплоть до XVII века), «научный» (от XVII века, от открытия Галилея до 1905 года) и, наконец, период «нового научного сознания» (с 1905 года по текущий день). Пьер Шоню пишет: «Декаданс — это подарок современности». Он и родился где-то на стыке двух последних эпох. Шоню предлагает следующую хронологию: декаданс был осознан на рубеже 1880—1910 годов; маленькими вспышками тут и там процветал в двадцатые и тридцатые годы; обострился в последнее время начиная с 1968—1972 годов...

Значит, раньше его просто не удавалось распознать? И только прогресс науки и техники, резко ускорившие темпы развития и способы коммуникаций позволили наконец ощутить и описать, что это такое? Все бы так, читатель, но, полагаю, в этих ученых выкладках от вашего взгляда не укрылось отсутствие социально-исторического параметра. А, боюсь, без него мы рискнули бы замкнуться в пределах «чистой истории».

Да, декаданс как понятие с современным значением родился на стыке двух означенных выше эпох, но год его появления можно указать и гораздо точнее: 1898-й. О родине, полагаю, вы уже догадаетесь: да, это Франция. В 1898 году, в самый разгар дела капитана Дрейфуса, одна часть общественных деятелей и деятелей культуры написала в его защиту свой знаменитый «Манифест интеллигентов» (так на Западе вошло в обиход это понятие, уже введенное в России писателем Боборыкиным). Они основали Лигу в защиту прав человека, где объединились «интеллигенты, социалисты, радикалы, умеренные республиканцы-антимилитаристы» (я тоже обращаюсь к энциклопедии, в данном случае — «Малый Робер»). Противники дрейфусаров ответили учреждением Лиги французской отчизны, и вот как та же энциклопедия нам представляет ее в лицах: «правые националисты, антисемиты и клерикалы».

Предводителем интеллигенции, той, что вошла в историю Франции через «левую дверь», сделалось имя демократического писателя Эмиля Золя. Ну, а кто противостоял ему справа? Собрат по словесности Шарль Моррас. Это имя сегодня ведомо в основном историкам литературы, да и они удерживают в памяти не столько его художественные произведения, сколько теоретические манифесты: «Размышление о мо-

нархии», «Будущее разума», «Либерализм и свобода».

Строго говоря, честь «открытия» декаданса на Западе принадлежит вовсе не ему. Тут у Морраса был знаменитый предшественник, Фридрих Ницше, обеспокоенный «гибелью богов» и появлением «антихриста». Культ порядка и силы Ницше воплотил в идее «сверхчеловека». Моррас продолжил, под его пером «антихрист» обрел конкретные очертания — демократия, равенство наций, классов, людей. О, ирония истории! — первые речи против декаданса на Западе произнесли люди, которым она же позднее присудит неразделенную заслугу его наиболее отвратительных проявлений! — Именем разума и природы, — писал Шарль Моррас, — в согласии с древними законами Вселенной, во имя спасения порядка, ради сохранения и прогресса подверженной угрозе цивилизации, мы все наши надежды возлагаем на корабль Контр-Революции».

Он так и написал эти слова: с больших букв, через черточку. Это было в 1900 году: сменялся век, умер Ницше, их будущему самому прилежному ученику было одиннадцать лет — звали его Адольф Шикль-губер. Когда ученик вполне освоит философские догмы своих наставников, родится «Майн кампф», он подпишет книгу именем Адольф Гитлер.

Декадентское сознание родилось как бы из предчувствия грядущих в новом веке революционных бурь. 1898 год я называю как год его первого выступления на общественной, политической сцене. Это была запоздалая конвульсия реакционной мысли Европы в ответ на революционные бури минувшего века. Дело Дрейфуса стало, по существу, первой политической и идеологической битвой декаданса против прогрессивного левого сознания. Он открыто провозгласил себя противником демократии, готовым, если придется, прибегнуть к кулаку. Дальше увидим, чем это кончится.

Ну, а все исторические пометки, не смею спорить, верны: да, как раз тогда XIX век сменился XX, «научная» эпоха — эпохой «нового научного сознания», шла очередная, после паровой машины, индустриальная революция: изобрели мотор внутреннего сгорания, поехал автомобиль, взлетел аэроплан, заговорило радио, в России разразилось восстание пролетариата...

БУМ

Оглянемся: а ведь на дворе очередная индустриальная революция, электронная. Ни в чем она не проявляется так быстро, так мощно и, увы, так тревожно, как в средствах массовой информации, культуры, коммуникаций. Тем более что в одну с ней брочку безо всякой узды умудряются запрячь и такую трепетную лань, как Демократия. — И как мы, социалисты, могли допустить, чтобы правые украли у нас тему свободы! — вздохнул летом один из министров левого правительства Франции. Через неделю с трибуны Национальной ассамблеи один из лидеров правой оппозиции в ответ громко заявил: «Свобода сегодня переменяла лагерь: мы более кредитоспособны в ее защите, чем левые!»

Не станем искать эксперта, чтобы рассудить, кто прав. И речь-то, поверьте, идет лишь о граммах равновесия, а не о резко противоположных взглядах. Не знаю, получала ли Франция когда-либо столь неотразимое доказательство своих «свобод», как в ночь на 1 марта 1982 года. С частной радиостанции «Карбон 14» прямо в парижский эфир передавали репортаж о половом акте, свершавшемся непосредственно в студии. Не потрудившись даже одеться, запыхавшаяся парочка тут же дала пресс-конференцию приглашенным журналистам. Наконец соответствующие отчеты появились в центральных газетах. Кого-то это может покорибуть? Неважно: зато разом

продемонстрирована свобода нравов, слова, печати и, так сказать, в полном объеме права человека.

Я сгущаю краски? Ничуть. В массовой культуре уже возникло направление под названием перформанс (действие), посягнувшее на музыку, живопись, танец, стрижку, моду и т. д. «Космический танец в исполнении португальской балерины Элизабет Миле». Она, совершенно голая, катается по сцене, издавая звуки допотопного мира, и весь «балет» в том, чтобы умудриться, не прибегая к помощи рук, откусить от рыбы, не знаю, то ли высушенной, то ли гутталерчевой. Скажут: но это «чужое». Однако в следующий раз по телевидению следует уже групповой балет такого же рода в исполнении французской группы, представшей даже перед театральным фестивалем в Авиньоне («Гимн», постановка Маги Марен). Постпанки с раскрашенными головами, у одного глаза на темени, у другого лавровый веночек из собственных волос... По милости Малькольма Макларена, действие оперы Пуччини «Мадам Баттерфляй» проходит в турецкой бане, где хор едва одетых наяд предается страданиям Чию-Чию-Сан попеременно с коллективными омовениями, периодически исчезая в пару. Ну, раз уж баня, то как же не мыться? Но при чем тут японская драма и яньчарский интерьер? А на очереди — видеопостановка «Аиды» Верди и, страшно молвить, пушкинского «Бориса Годунова» в сопровождении ансамбля панк-рока «Секс пистолз», созданного когда-то Маклареном. Итак: перформанс — видео — видеоперформанс... Никогда еще техника снятия на пленку и размножения звука и картинок не оказывалась разом доступна такому великому числу людей, которых за неимением другого, более общего термина я вслед за одним французским автором назову ВИ («высокая интеллигенция»: эпитет В здесь выражает мерку не социальную, а иерархическую). Какую всему этому можно возвести преграду? Кто ее возведет?

За ответом я поехал в Канны, на 19-й Международный фестиваль музыкальных записей (МИДЕМ). В программе: локальное радио, классическая музыка, варьете и клипы (песни, положенные на видеосюжет, по сути, короткометражные фильмы). Шестидесят стран, почти две тысячи фирм, представили сюда свою фонопродукцию или приехали за ней, на неделю превратив Дворец кино в сущий улей шоу-бизнеса. Бессмертный президент всех МИДЕМов Бернар Швери на первой же пресс-конференции заявил, что, бесспорно, нынешний фестиваль — «исторический». Почему?

— Еще десять лет назад, — ответил он, — индустрия варьете переживала период эйфории благодаря долгоиграющим пластинкам, року и диско. Потом разразился кризис. Фирмы едва наворачивали упавшую продажу грампластинок успехом отдельных, самых популярных певцов. И вот сегодня мы на пороге новых форм распространения музыки — компактные пластинки с лазерным чтением, локальное радио, видеомызыка и специальные телеспутники. Все это завтра во всем мире неузнаваемо преобразит варьете!

Преобразит — еще бы не преобразить! — но как не думать с печалью о том, каким страшным может оказаться это преобразование. Ведь техника с первых же дней попала в лапы дельцов и «пиратов» массовой культуры. Это они сделали ее законодателями, одни — открыто, другие — из-под полы. О, как велика делается теперь ответственность актера, певца, сценариста, словом, всех, для кого культура в первую очередь творчество, а не торг! Во Франции, например, 1500 профессиональных певцов, из них только 200 живут за счет профессии, из этих двухсот лишь десяток актеров способны «держаться» 5—10-тысячный зрительский зал. Они-то и оккупируют главную сцену варьете. Означает ли приход новой техники, что она теперь призывает на службу всех простаивающих и безработных? Увы! Из десяти кли-

ОТТИВ МОРАЛИ,

ЦЕННОСТЕЙ ИСПОЛЬЗУЕТСЯ В ГЯЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИГРЕ

пов по французскому телевидению только один французский. Пять гигантских музыкальных фирм в стране, но все наперечет англо-американские или голландско-западногерманские. Какой же им толк содействовать процветанию музыки в собственных музыкальных вотчинах, когда они тут как раз на то, чтобы ее привозить? 19-й, «исторический», МИДЕМ не составил в этом смысле никакого исключения из давно сложившейся тенденции: Европу, а еще пуще остальные континенты мира захлестывает англосаксонское варьете. Все рекорды безвкусицы в Каннах побила американская группа «Виллэдж пипл», одна из шести приглашенных на фестиваль «звезд» мировой эстрады прошлого года. «Секс! Секс! Секс!» В такт этому немудреному припеву совершаются телодвижения, которые трудно истолковать иначе, как оскорбление общественной морали.

— Скажите, а что, в СССР не танцуют и не слушают рок?

— Отчего же, и танцуют, и слушают. Но только у нас это явно не массовое увлечение, точно так же, между прочим, как и во Франции...

— Согласен! Потому что сами музыкальные и песенные традиции наших народов не вяжутся с роком. И все же обманываться не надо: молодежь им увлечена, а искусство клипа может придать ему новую игровую и зрелищную привлекательность. На этом галаконцерте действительно было много пошлости, хрипа вместо голоса, бессмыслицы вместо слов, все так... Но я, знаете, о чем думал? Пусть будет рок! Пусть будут клипы! Проблема-то совсем в другом: как бы все это удержать в рамках здравого смысла и подлинного эстрадного искусства?

Можете ли вы предположить, с кем был этот разговор? С Чародем Скрипки — дирижером Франком Пурселем. На МИДЕМе, кстати, с представителями ВААП СССР оговаривалась очередная поездка его оркестра в нашу страну. А говорил Франк Пурсель об ответственности за судьбу культуры тех, кто в ней снискал звание мастера и в этом-то звании встретил нынешний видеобум, способный, как никогда доселе, отомстить культуре декадансом. Все технические предпосылки для этого уже налицо. А рядом с Технологией, бубенчиком тоже бума, разнуданная ото всех общественных уздечек, послушно бредет трепетная лань Демократии. Правый седок хлещет ее по левому боку, а левый по правому. О, достославное «новое научное сознание», когда уже и не разберешь, седоками ли правят, или лошадыми! Вожжей как будто и впрямь нет, зато за спинами седоков отчетливо маячит цилиндр Главного Кучера. Куда вынесет эта бричка массовую культуру Запада, а вместе с ней и политическое сознание масс? Ведь декаданс уже однажды доказал, что и не помышлял остаться лишь категорией искусства. Точно так же и сегодня речь лишь с виду идет об усадлах для души и новых формах досуга. Ставка на самом деле куда значительнее, а игра крупнее: еще никогда в истории не представлялась возможность в таких неслыханных масштабах промывать общественные мозги.

Оборотимся же в историю, чтобы справиться: чем дело кончилось в минувший раз?

КРИЗИС

Анализировать уже сыгранную партию, в которой больше ничего нельзя изменить, если и стоит, то только с целью извлечения полезных уроков. О, если бы предводитель светлых фигур не был сбит с доски на 62-м году своей жизни и всего только на 2-м году нашего века! («Смерть Золя, возможно, явилась результатом преступного покушения на его жизнь»... Все та же энциклопедия «Малый Робер»). Через четыре года, в 1906 году, он узнал бы о полной реабилитации капитана Дрейфуса, а значит, и его окончательном оправдании. Ведь за свое знаменитое

«Я обвиняю» Золя был осужден к году тюрьмы и штрафу. Так или иначе, в 1906 году партия, казалось, была окончена — предводитель светлых фигур победил, но его уже не было в живых, а предводитель черных был бит, но не только не распустил, а, наоборот, стал заново собирать свое войско. Лига французской отчизны переросла в «Аксьон франсез» — журнал и движение.

Отсюда вышли фундаментальные труды по антисемитизму, расизму, антисоветизму, по устройству «нового европейского порядка». Папа Пий XI в 1926 году наложил запрет на чтение журнала и произведений Шарля Морраса, но курия так никогда и не опубликовала официального документа о мотивах этого осуждения. Мы можем только предполагать, что пропаганда столь вероломных идей под флагом католицизма, должно быть, смутила Ватикан. Движение «Аксьон франсез» пришлось распустить, но журнал под тем же названием продолжал пропагандировать те же идеи. В 1939 году новый папа Пий XII, сторонник крестовых походов против коммунизма, одним из первых своих актов отменил запрет. Сургуч, что последней перепонкой отделял массовое сознание от декаданса и фашизма, был сломан. Война, марши. Ничего этого престарелый философ не слышал: он был глухим! Самые прилежные ученики засвидетельствовали ему свое высшее почтение — Гитлер, Петен, Муссолини, Франко. После Освобождения французский суд приговорил Шарля Морраса к пожизненному заключению за сотрудничество с врагом. Он умер в 1952 году, последние полгода прожив на свободе.

Вам, конечно, понятно, что декаданс явился результатом не одной личной декаденции. Их было много: тысячи, миллионы. Это была декаденция класса крупной, средней, мелкой буржуазии, созревавшая в определенном климате истории. Партия не окончена: демократическое и декадентское сознание по-прежнему противостоят друг другу, и быть в ней посторонним зрителем, увы, не дано никому.

Тогда, почти век назад, замечает французский писатель и социолог Режи Дёбре («Интеллектуальная власть во Франции», 1979 г.), соотношение тех, кто был с Золя, и тех, кто был с Моррасом, выглядело как 1:100. Первых автор именует «низкой интеллигенцией», вторых — «высокой». В этом есть известный резон: и правда, разве не стучался Золя ровно десять раз в Академию бессмертных, но всякий раз был отвергнут с ее порога? Под «низкой» интеллигенцией понимать следует, видимо, разночинцев той поры, мощной массой поднявшихся снизу, от народа, а уж «высокая» — это, конечно, закорюченные буржуазной академикой. Дёбре подводит итог: «маленькие» интеллектуалы победили «высоких», да иначе и быть не могло, потому что это «правда сражалась против мнений».

Все как будто бы ясно.

Но вот фокус наводится на наше время, и резкие очертания исчезают в тумане. «Высокая» интеллигенция — сегодня это, оказывается, те, кто творит духовную культуру: книги, оперы, кино, театральные постановки, видеоклипы и т. д. «Низкая» же — те, кто ее потребляет наряду с рабочими, служащими, домохозяйками, лавочниками и т. д. Замечаете, как социальная градация, и на вчерашний день, признаться, уместная только в кавычках, теперь исчезла совсем? А ведь все это не такая уж досужая социология, раз ее автор после победы социалистов в мае 1981 года был приглашен советником президента республики. Значит, если продолжить такую логику, это от «высокой» интеллигенции зло? Это она творит декаданс?!

Пусть не сложится у читателей впечатление, что речь идет исключительно о видеобуме и новой индустрии варьете. Даже и не о технике как таковой идет речь — она, напротив, может стать лучшим союзником нашего отдыха, образования, развития, творчества. Не техника рождает декаданс — это он

ее седлает и взнуздывает первым. Корень проблемы, смею думать, в том, что шоу-бизнес получает небывалое техническое подкрепление в момент наивысшего кризиса буржуазного сознания. Тут-то и простор для декаданса, тут он и принимается утешить мозги. Не думайте, что он идет к упадку, сложив крылья. История учит, что он, наоборот, активизируется везде: и на эстрадной сцене, и на маршевом плацу.

Небывалый расцвет переживает так называемая «ангажированная песенка», зачастую антисоветского характера. Этот мутный политический декаданс с утра до ночи выплескивают в глаза и уши телевизор, частные радиостанции, видеобум. Вместе с фильмами ужасов: в Англии парламентская комиссия установила, что они уже доступны четырем подросткам из десяти; во Франции запрещенный к кинопрокату фильм Т. Хуппера «Убийство с помощью пилы» спокойно выпустили на кассете и даже увенчали премией фестиваля киноужасов. Вместе с сексом, стыдливо запрятанным под рубрику «X»: детям до 13 лет нельзя — но это «нельзя» совершенно не касается видеокассет! Во Франции только что поступила в продажу «семейная кассета» для обучения сексу, с рекомендацией «не говорить о ней дома вслух».

Читатель, может быть, заподозрит меня в натяжке — есть, мол, «ужасы», есть «секс», есть «антисоветизм», но — «какая связь»? Следующая сцена запомнилась мне настоящей вспышкой декаданса. Нашу журналистскую ассоциацию пригласили в один из дансингов Парижа. Было уже за полночь, от децибелов дрожали несущие опоры, уже с закатывшимися глазами плясали, не видя партнеров, девичьи, парни, иные были уже полуголы... Я сидел, пил сок и вдруг чуть не подавился. Музыку срезало, как бритвой, толпа остановилась и испустила вопль испуга — с экрана на нее, страшно лягая гусеницами, во весь опор мчался танк с красной звездой на лобовой броне...

Где вы, Золя?

Короткую читательскую дискуссию на страницах журнала «Советский экран», в ходе которой было затронут имя Жан-Поля Бельмондо, пресса немедленно истолковала как «советскую атаку на интеллигенцию Франции». Фильмы с участием Бельмондо широко идут у нас в стране, он принял приглашение приехать в СССР... О, среди «высокой» интеллигенции полным-полно людей, прекрасных мастеров великой культуры, которые сознательно сторонятся политического декаданса, зная, что рано или поздно он мстит самому искусству, заставляя его дышать ненавистью и питаться ядом! Эту-то интеллигенцию и стараются всеми силами оторвать от нас, выдавить из нее сначала словечко критики, затем песенку, а там, глядишь, и подпись под манифестом, и даже речь. К счастью, ретроградом далеко не всегда удается это. Но удается часто.

В конце прошлого года показали по телевизору американский концерт Сильвии Вартан. Вместо популярной французской певицы на сцене тряслась рок-певица, казалось, там, за океаном, и родившаяся. Однако родилась она в Болгарии, в селении Марица. Про Марицу неожиданно и последовала «ангажированная» песенка, а до песенки было сказано несколько слов о том, что, дескать, она, певица, с детства помнит «родную деревню под коммунистическим игом». Потрясенный, я бросился к очередной энциклопедии. Мадам Сильвия Вартан родилась в августе 1944 года, как раз когда Советская Армия принесла Болгарии освобождение. Французская же энциклопедия «Кюид», к слову, сообщает, что в 1946 году в Болгарии состоялся народный референдум, вот его итоги: 3 833 183 голоса за Народную республику, только 175 232 голоса за монархию, да еще в урнах обнаружилось 123 690 чистых бюллетеней. О каком же «коммунистическом иге» распеваает Сильвия Вартан, точней, от имени какой группы своих бывших соотечественников — тех, что ратовали за монархию, или тех, что на момент референдума оказались «без

мнения? Цифры достаточно ясно говорят о соотношении большинства и меньшинства. Я уж не говорю о том, что семья Сильвии Вартан уехала во Францию, когда у нее самой могли остаться в лучшем случае воспоминания про детский сад. Однако всю глубину ангажированного цинизма постигаешь, только познакомившись с официальным сообщением SACEM (Общество драматургов, композиторов и издателей музыкальных произведений Франции):

«По иску издателей песни «Мертвые листья» на слова Превьера и Косма суд лишил авторских прав Жана Ренара, автора слов, и Сильвию Вартан, исполнительницу песни «Марица», чьи первые такты буквально под калыку сняты со знаменитой песни».

Вы помните, кто пел знаменитую песню «Мертвые листья»?

Ив Монтан.

Какой зловещий знак — это похищение вместе со скрипичным ключом песни уже и ее старого политического кода! Однако перед нами редчайший юридический и нравственный казус, когда по всем статьям в плагиате повинна...пострадавшая сторона.

Ведущий. Зрители упрекнули вас в том, что вы вывернули пиджак...

Монтан. Да... (К зрителям.) Как вы можете это говорить мне, тогда как вы ведь гордились мной, я же действительно был сыном проло (пролетария. — А. С.), крестьянина... вы знаете, что касается денег, так я их зарабатывал всегда... И вы гордитесь мной и были довольны... Вот сегодня утром одна газета, которую я не назову... я хочу остаться вежливым... в мой адрес заявила: нет, вы не мешаете нам верить в наши мечты. Но вы можете верить в ваши мечты, только не навязывайте их мне! Вот так! Верьте во что хотите, но не навязывайте их нам! (Из передачи «Лицом к лицу со зрителями», которую Ив Монтан провел в январе прошлого года.)

«Мне» понятно. Но кому же «нам»? Шарль Моррас был глухой, физически глухой, он действительно не слышал ни чужого, ни собственного голоса. Здесь же со слухом все в порядке, а связь разорвана. Ив Монтан сидит под юпитерами, освещенный, видный всей стране, слышимый в каждом уголке. Откуда-то из глубинной Франции, что считала его своим, крестьянским, рабочим сыном, выбившимся в самые высокие, без кавычек, интеллигенты, прорвался звоночек короче и тоньше писка,—и, оказывается, это ему, Монтану, навязывают, а не он, Монтан, навязывает свое мнение миллионам? Глухота при прекрасной слышимости... И все же звоночек доходит до сознания: видите ли, французское выражение «вывернуть пиджак» означает «переменить убеждения». В общем-то в глазах буржуазии это не стыдно, если же убеждения меняют с левых на правые, то и просто похвально. Вот почему рулонами можно мерить интервью Монтана в тех самых изданиях, что раньше его имя поминали с шипом: «Русский агент!» Вот почему одно за другим следуют его телевизионные шоу на темы политики, кризиса, войны. Интерес буржуазной прессы к Монтану понятен. Но почему же он так много говорит — он, не желающий никому навязывать своего мнения, он, так оберегающий себя от навязывания чужих мнений ему?

Видите ли, быть уже Монтаном на позиции Золя, а затем сделаться Монтаном на позиции Морраса — это, конечно, нешуточная метаморфоза. У нее была — не могла не быть! — одна щепетильная проблема: перешагнуть через порог своей собственной классовой совести. Перешагнул. Это уже позади. Теперь нужно показать всем, что причины такой перемены лежат вне его, Ива Монтана, личной совести. Вот почему он так много говорит. Он все еще продолжает оправдываться, но тон при этом становится все злей: «Если человек старше 55 лет все еще в компартии... я готов плюнуть ему в лицо». Это сказано журналу «Пари-матч» в марте как пролог к телевизионному шоу «Перед лицом войны», проведенному в самый канун Дня Победы.

«Русские дрались за себя,—заявил он в том же интервью,—а рикошетом защищали и другие народы Европы». Рикошетом! Так, взяли да прогулялись до Берлина... Отсюда уже прямой путь к заявлению, сделанному теперь на страницах «Пари-матч»: «Сегодня не может быть другой агрессии против Европы, кроме советской». Ну скажите, отчего бы и Сильвии Вартан, читая такое, даже монтановские «Мертвые листья» задним числом не переложить на антисоветский мотив?

Кризис? Да это же прекрасно! Посмотрите, сколько он несет нам благ. Мы никогда еще столько не потребляли. Я многовато спускаю в покер? Но я же заработал: пел, играл, честно платил налоги. Не смотрите на это, главное в другом: я все равно с вами, был проло и в душе проло остаюсь. Сейчас идет электронная революция. Безработица, увы, будет

расти. Нужен консенсус рабочих и предпринимателей, иначе кризис разгуляется еще больше. Пора соглашаться на половинную рабочую неделю, с половинным заработком, что поделаешь, много выхода нет. «Я против дикого капитализма,—заявляет Монтан,—но я за либеральный капитализм... Пусть я и не во всем согласен с Рейганом, все же позитивного в нем больше, чем негативного...»

Это правые построили Францию, а не левые. И вообще надо признать: экономикой они управляют лучше. Давайте правым оставим экономику, а левым — культуру...

Нам угрожает «советизация». Ялту — долуй! Социализм? Мне он не нужен, неужели он нужен вам?..

И т. д., и т. п.

«Пари-матч» в первом же интервью с Монтаном после двух его телешоу так оценил эффект:

«На сей раз это случилось: вы буквально воспроизвели тактику Рональда Рейгана. Монтан, объясняющий французам кризис из студии «Антенн-2», в точности напоминает кандидата Рейгана, дававшего уроки экономики американцам перед телевизионными камерами. Говорят, вы тоже седлаете президентского конька и амбиции ваши скорей политические, чем артистические. Это так?»

Нет, он, Монтан, не экономист и еще меньше того политик. «Но почему бы не рассказать французам в общедоступных терминах о том же кризисе?»

Рассказал.

Передачу «Да здравствует кризис!» Монтан готовил с целой командой так называемых «либеральных экономистов». Следующую передачу, «Перед лицом войны», с ним репетировали самые известные «ястребы» Франции. Чем «хуже» социализм, чем он «агрессивнее», чем более «похож» на фашизм (да, уже и до этого договорился Монтан!), тем, кажется, надежней замаскирована личная **декаденция**, тем правдоподобней версия о пиджаке, вывернутом наизнанку вроде бы со слезами на глазах. О ирония двойной игры! Он, убеждающий миллионы голосовать за правых, при этом демонстративно несет свой бюллетень в левую урну. Давно уже в форточку упорхнуло классовое сознание, но на выборах пиджак выворачивается на старую, пролетарскую изнанку. Только к чему же тогда столько речей? Ведь, снявши пиджак, по убеждениям не плачут.

А ведь все это знакомо, все это уже было! Кризис всегда находит и своих певцов, и своих исповедальников, и своих золотоустов. На горизонте все так же маячит цилиндр Главного Кучера, два седока наперекрест нахлестывают лошадей, вожжей нет или их не видно, сияют юпитеры, звучат песенки и речи. Иногда в саму студию или на сцену даже прорывается короткий, как писк, звоночек из прошлого. Зачем звонят Монтану из рабочих предместий и почему он так взвизгивает на эти звонки? Потому что ему говорят вместо мнения правду: что это он сегодня помогает буржуазии вытравлять из общественного сознания рабочего класса и интеллигенции то, на что много веков работала действительно высокая интеллигенция Франции. Высокая — без лесты, а потому и без кавычек.

И Фридрих Ницше, и Шарль Моррас, и Освальд Шпенглер, чей труд «Закат Европы», в свое время отвергнутый Гитлером, теперь стал настольной книгой рейгановской «консервативной революции». — все они толковали и одакивали декаданс как измену Европы ее идеалам. Ее идеалам — или их? Теперь само понятие расширяют до мировых масштабов, ведь это в нашем веке мировое первенство в капиталистическом мире Европа уступила США. Нетрудно заметить, что под «идеалами» Европы, мира реакционная буржуазия всегда разумела свои собственные: культ порядка, разум, подчиняющийся силе, антидемократизм. От того, что нынче те же идеалы отстаивают именем демократии, существа дела не меняется. Чем острее кризис капитализма — в экономике, в массовой культуре, в общественном сознании, тем воинственней речи под сияющими юпитерами. Мы уже видим президента США, готовящего человечеству «звездные войны» и ратующего за возврат в школу молитв ради исцеления развращенных вседозволенностью нравов. Мир на грани политической деградации, нравы ниже всякой критической отметки, культура у порога вырождения... да, воспроизводство декаданса всегда было уделом тех, кто, поднимая против него гвалт, на самом деле старался водворить назад все те же идеалы правящих классов и господствующей элиты!

И если на этот фальшивый свет летят иные накрахмаленные бабочки... что ж! Только бы все эти певцы, исповедальники, золотоусты и кучера не прозевали тот момент истории, когда сумма личных **декаденций** может опять перерасти в грозный и неповоротливый **декаданс!**

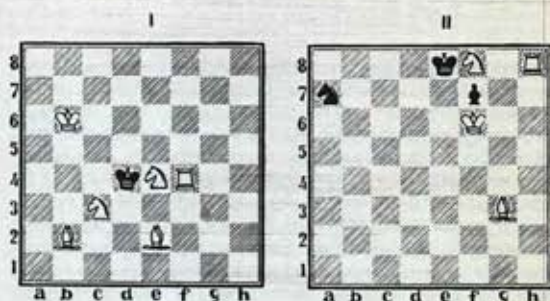
27-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

БАТАРЕИ, ОГОНЬ!

Наши читатели без труда обнаружат во всех трех заданиях сегодняшнего тура **батареи**, нацеленные на короля или ферзя черных. В предыдущих заданиях нашей олимпиады ее участники уже встречались с этим грозным шахматным оружием и знают, как с ним обращаться. Требуется хорошая меткость!

Двенадцатый тур

Белые: Kpb6, Лf4, Cb2, Ce2
Kc3, Ke4 (6)
Черные: Kpd4 (1)
Мат в 2 хода (1 балл)

Белые: Kpf6, Лh8, Cg3, Kf8 (4)
Черные: Kpe8, Ka7, п.f7 (3)
Мат в 3 хода (1 балл)

Белые: Kph8, Лd3, Ле6, Се6 (4)
Черные: Kpc7, Фе1, Cf4 (3)
Белые начинают и выигрывают (3 балла)

Ответы на задания присылайте **только на открытках (без конвертов!)** с пометкой «27-я шахматная олимпиада, 12-й тур». Решения всех заданий необходимо привести полностью. Ввиду того, что анализ решения этюда может занять много места, просим прислать его на отдельной открытке. Главный вариант решения подчеркнуть.

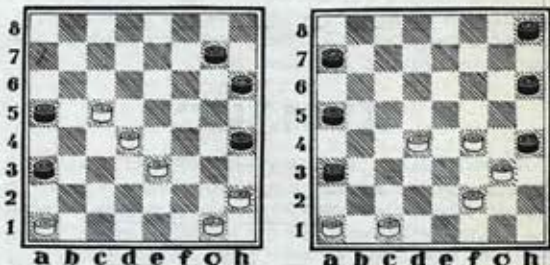
Последний срок отправления писем (по почтовому штампу) — 1 октября.

3-я ШАШЕЧНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
заслуженного тренера БССР
Виктора КРАМАРЕНКО

Двенадцатый тур

Ф. Бахтиозин, Баку. Публикуется впервые.

В обеих позициях ход белых. Читателям предлагается сделать анализ и оценить эти позиции: выигрыш, ничья или проигрыш белых (по 4 балла).

Ответы на задания двенадцатого тура высылайте не позже 1 октября.

Слева сверху на открытке сделайте пометку «3-я шашечная олимпиада, 12-й тур, «64» и свой регистрационный номер. Каждое задание выполняйте на отдельной открытке — так легче вести учет и проверку.

Инопланетянин открыл дверь чулана, и на подушки рухнул Эллиот. Глаза у него опухли, на губах дрожали слова на языке звезд, которые он не мог произнести. Он сидел, рыдая беззвучно, а его старый-престарый гость на него смотрел.

Существо из космоса дотронулось до лба Эллиота. И тут же влияние галактик ушло из мальчика, унеслось в бескрайние просторы, к жителям дальнего космоса, для которых предназначалось. Через минуту Эллиот уже спал в невидимом коконе, сквозь который не проникнуть было звездной отраве.

Старый путешественник смотрел на спящего мальчика и ощущал разом горечь и нежность, боль и радость, причину которых сперва не мог понять; но потом понял, что просто любит этого ребенка.

Он наставник и защитник этого мальчика, но в чем его наставил? В темном ночном безумии? А чему научил? Воровать скобяные изделия?

Но благодаря Эллиоту — и он опять дотронулся до лба мальчика — ярче разгорается свет-его-сердца. Нет, не он учитель Эллиота, а Эллиот — его учитель, его наставник и защитник. Жил ли когда-нибудь на свете ребенок, подобный этому?

Такой же самоотверженный и преданный? Да одарят его добрым знанием, таким, какое он способен воспринять, использовать и усвоить, все звезды Вселенной!

Движениями пальцев Ип отдал приказ прозрачным потокам лунного и звездного света стать гибкими и любовно окутал ими спящего Эллиота.

За дверью кто-то негромко засопел, и старый ботаник понял, что это, как обычно, Харви пришел ночевать у него в чулане.

Инопланетянин открыл дверь, и Харви, и теперь еще чувствовавший себя в его обществе не совсем уверенно, неслышно проскользнул внутрь. Он понюхал спящего Эллиота, обошел несколько раз вокруг одной из подушек и уселся напротив Ипа.

Ип посмотрел на Харви; когда Харви посмотрел на него в ответ, глаза у пса бегали, но их взгляды все равно встретились. Вскоре язык у Харви вывалился наружу, а одно ухо поднялось: в своем собачьем воображении он видел сейчас космический суп, и в супе этом плавала Вселенская Кость. Он облизнулся и заскулил.

При помощи световых телелучей прямо из сознания в сознание Ип объяснил ему все, что следует знать собаке, когда она воеет на луну.

Мэри стояла перед выдвижным ящиком и перебирала в нем папки. Только одиннадцать утра, а ноги уже болят убийственно. Она посмотрела на гору бумаг, которые ей предстояло разложить по папкам. В вентиляционную бы их шахту, вот красивое было бы зрелище: порхающая корреспонденция!

— Когда у вас появится возможность, Мэри, вы сообщите коммерческому отделу о моих соображениях?

Когда у нее появится возможность. Она посмотрела на своего шефа. Тупица, тиран, садист и дурак. Будь он одинокий, она бы вышла за него замуж. Чтобы наконец можно было присесть.

— Конечно, мистер Краудер, постараюсь как можно скорее.

— И заодно не могли бы вы...

— Конечно, с радостью.

— Но ведь я еще не сказал вам, что я имею в виду. — И шеф удивленно наморщил лоб.

— Простите, мистер Краудер, мне показалось, что шкаф сейчас повалится. С ним это иногда бывает.

— Правда?

— Если выдвинуть все ящики.

Отвлекающий маневр удался: мистер Краудер стоял и смотрел на шкаф. Удивительно, каким образом

он, ничего не умея, достиг своей должности в корпорации, но еще удивительнее, что она на своей должности до сих пор не сошла с ума. Надо ухаживать, она уйдет сегодня же и займется на бензозаправочную станцию. Похоже, что чувства юмора у автомехаников, особенно когда они обслуживают ее машину, больше, чем у шефа.

— Значит, если выдвинуть все ящики...

Краудер внимательно разглядывал шкаф.

— Лучше и не пробуйте.

— Но ведь тогда нужно... прикрепить его к стене?

— Возможно.

А еще интереснее было бы прикрепить к стене мистера Краудера. И использовать в качестве доски для объявлений.

— Я должен сказать об этом хозяйственникам.

И Краудер удалился; до обеденного перерыва она от него избавилась.

Обеденный перерыв Мэри провела на скамейке в парке, жуя сэндвич с дарами моря и растирая подъем ноги. Рядом с ней пожилая женщина разговаривала о чем-то со своей бумажной продуктовой сумкой.

Наверно, эта женщина тоже в свое время раскладывала по папкам бумаги.

Этим же кончит и она. Тесным общением с бумажной сумкой.

Мэри вытянула ноги и вздохнула. Ну почему все не появляется мистер Тот-Что-Нужно с роскошной визитной карточкой? Она закрыла глаза и попыталась представить его себе.

Но вместо него в ее воображении снова и снова появлялся кто-то ростом с подставку для зонтиков, он шел к ней, переваливаясь с боку на бок, и в руке у него был леденец.

Эллиот открыл свой шкафчик в подвальном этаже школы и свалил туда в кучу учебники, мятые тетради, записи. Удрученно посмотрел на эту грудку: скука смертная, совсем не то, что свет звезд. Он захлопнул дверцу шкафчика, повернулся и зашагал по коридору. Стены серые, весело, как в тюрьме. И в довершение всего навстречу идет Лэнс. Всезнайка Года.

В руках у Лэнса было зеркало. Он поднял его так, чтобы в нем отразилось лицо Эллиота.

— Мальчик Года, друг президентов, королей и... Лэнс стал так, чтобы в зеркале оказалось и его лицо.

— Конечно, вместе с тобой там будет и еще кто-то. И мы знаем кто, правда? Розовый, смешной, с голубыми глазами — так?

Эта пошлая, такая типичная для всезнайки тирада возымела желаемое действие: Эллиоту очень захотелось как следует Лэнса пнуть.

Лэнс улыбался: наконец и он чего-то добился в жизни. Если его лицо появится на обложке «Тайма», его прямо из пятого класса школы возьмут в аэрокосмическую программу, и он будет давать консультации по способам общения с инопланетянами: ведь именно от инопланетянина непрерывно принимает теперь сигналы его голова.

— Он говорит со мной, Эллиот, все время говорит. Я ему очень нравлюсь.

— Интересно, чем?

— Он чувствует, что я могу быть ему полезен. Эллиот... — Лэнс взял его за рукав. — Ты понимаешь, что важнее нас в нашей школе теперь никого нет? Потому что мы в контакте.

Всегда прищуренные глаза Лэнса сузились еще больше и стали похожи на глаза разбуженной днем белки-летяги.

Эллиот посмотрел в эти водянистые глазки и вынужден был признать: да, правда, в них светится Ип. Пнуть Лэнса, как ему этого ни хотелось, он не мог.

— Ты прав, Лэнс, так оно и есть. Мы в контакте. Ну, пока, мне надо идти.

Он зашагал дальше по коридору, а Лэнс в другую

сторону. В голове у обоих жужжало, особенно у Эллиота, и жужжание было окрашено тоской: сквозь стену школы вошла и прокатилась по обоям мальчишеской волна космического одиночества. Обнаружить источник этого чувства можно было бы очень легко: для этого достаточно было пройти через городок, повернуть направо, к домам около холмов, и в один дом войти; там, в чулане на втором этаже, сидел и держал в руках горшочек герани космический путешественник преклонного возраста, погруженный в глубокое отчаяние.

— ...инопланетянин, — бормотал микробиолог по дороге в комнату совещаний. Он повернулся к коллеге, шедшему рядом. — И черт меня дернул согласиться, чтобы меня внесли в этот список!

— Мне, — отозвался тот, — так или иначе нужно было поехать куда-нибудь отдохнуть.

— Правительство, — сказал микробиолог, — могло бы придумать лучший способ растрчивать попусту наше время...

Они вошли в комнату совещаний, где у стола уже почти не оставалось свободных мест, а под потолком клубился табачный дым; вперемешку сидели ученые, военные, медики, и звуки их голосов сливались в негромкий гул.

Позвякивание ключей возвестило о приходе руководителя группы, который занял место во главе стола. Воцарилось молчание.

— Дамы и господа, я вас задержу очень ненадолго. Я знаю, что вы с дороги, устали, а встать вам придется завтра до рассвета. Карантинная система, которую мы используем, сложна, и потребуются подготовка...

Что такое был Ключник, этот спокойный человек в середине набирающего скорость циклаона?

В детстве ему не давала покоя странная мечта: будто на Землю прилетает инопланетный корабль и именно ему из всех людей экипажа корабля решает передать свои знания. А он потом передает эти знания всему человечеству.

Детские мечты сбываются редко. Мечта Ключника привела его к наблюдению все более и более необычных явлений, и в конце концов он оказался одним из тех, кто видит загадочное во вспышке в небе, в полоске газа на горизонте, в непонятном контуре на экране локатора.

Ключник подружился с пустынями и вершинами гор, он проводил там месяцы, и над головой у него по ночам разворачивалась карта звездного неба, по которой, доводя до иступления таких, как он, своей недоступностью, плыла тайна.

Но, как любой настоящий охотник, он постепенно обнаружил систему в движении своей жертвы. Ему за ней было не угнаться: он ездил в «джипе», а ее энергию можно было сравнить с энергией кометы; в его распоряжении была только земная техника, а разве может земная техника двигаться с легкостью, с какой движется инопланетный корабль? Однако похоже, что привычке подвально все, что живет во Вселенной, и Ключник установил, что подвластен ей и капитан небесного корабля: появления корабля определенно были связаны с жизненным циклом растительности на Земле.

Ключник обнаружил закономерность: огромный корабль прилетает в пору цветения.

И теперь на стене кабинета Ключника висела крупным планом фотография корабля в момент взлета в холмах за домом Эллиота.

За стенами его кабинета «склад» гудел, как потревоженный улей, от развернувшейся в нем лихорадочной деятельности: прибывали все новые и новые специалисты, техники, помощники. Ловушка закрывалась медленно, гораздо медленнее, чем хотелось бы Ключнику, но, чтобы трофей не пострадал, нужно было тщательно ее собрать, не забыв ни одной детали.

Внутри «склада» были теперь все существующие на Земле системы жизнеобеспечения, ибо мертвое существо из космоса не было бы для Ключника настоящей наградой за его труды. Наградой был бы только живой трофей, и Ключник делал все, что было в его власти, чтобы сохранить трофейную жизнь. Ключник располагал средствами, нейтрализующими любое вредное воздействие, от которого инопланетянин мог пострадать из-за длительного пребывания в чужой для него среде. В распоряжении Ключника были все достижения медицинской науки. Все, что Земля могла предложить оказавшемуся на ней члену инопланетного космического экипажа, она предлагала.

Ключнику не приходило в голову, что опасной может быть и чрезмерная опека, что маленький космонавт не нуждается, возможно, ни во внутривенном питании, ни в пересадке органов и что самая лучшая пища для него — лепешечки M&M и шоколадное печенье.

Но Ключник накинуд на инопланетянина единственную сеть, какую мог вообразить, гигантскую сеть, в которой каждому узлу соответствовал высококвалифицированный специалист в какой-нибудь области

знаний; действуя как единое целое, сеть эта была в состоянии вернуть к жизни замороженного мертвого мастодонта, пробудить любой орган, омолодить любую клетку, поддерживать жизнь существа, дышащего любой мыслимой во Вселенной атмосферой.

Уже шла сборка невероятного количества всякого оборудования; если бы каждый из висевших уже сейчас наготове проводов подсоединили к телу Ипа, Ип стал бы похож на телефонный коммутатор.

«Мертвый инопланетянин мне не нужен» — эти слова, которые Ключник снова и снова повторял съезжающим членам группы и своим подчиненным, были приказом.

Будто электричество бежало по гигантской сети Ключника, казалось, что она добела раскалена и она вот-вот должна была упасть на существо в три фута ростом. И существо это каким-то образом о ней знало.

Герань повесила голову, и повесил голову Ип, чьи руки, лежавшие у него на коленях, были похожи сейчас на две мертвые каракатицы. Он потерял всякую надежду, что передатчик ему поможет. Радиомаяк работает уже несколько недель, а ответа из космоса нет. Огромный корабль со своим экипажем где-то далеко, его уже не дозовешься.

«Я гибну, Учитель», — чуть слышно пролепетала герань, но старый ботаник ничего не мог сделать: растению передавались его чувства, а чувства были ему сейчас неподвластны. Космическое одиночество пронизывало его до костей.

Он оперся о голову Малпита и выглянул в окошко чулана. Сфокусировавшись на телескопическое зрение, взгляд его ушел в синюю глубину неба, но нигде не сиял корабль, не мерцал его ореол, не тянулась полоса газа. Зато пролетел самолет, он тащил за собой воздушный баллон с рекламой ярмарки: сегодня после полудня ее посетителям будут демонстрировать двух орангутанов.

Он отвернулся. Скоро будут демонстрировать и его. Из него сделают чучело, покроют лаком, и он будет стоять на полке. Возможно, рядом положат шоколадное печенье, тоже лакированное, чтобы показать, чем это существо питалось.

Он открыл дверь чулана и вышел в комнату Эллиота. С трудом поднимая ноги, перебрался через кучи хлама. Шагнул в коридор.

Шлепая перепончатыми ногами по ковровым дорожкам, спустился, глубоко подавленный, вниз по лестнице.

В коридоре на первом этаже он остановился, переполненный внутренним пульсом дома. Сумасшедшее место, и хотя все здесь вверх дном, он его любит. О, если бы он мог принести в этот дом достаток и осуществить мечты тех, кто здесь живет! Но он может только сделать, чтобы мебель повисла в воздухе, а какая от этого польза? Только труднее сесть на стул.

Он вошел в кухню и открыл холодильник. Что там есть подходящего для инопланетянина? Он ощутил странное желание, довольно сильное, поесть сыра.

Чем бы его запить? Он взял бутылку из цветного стекла.

Язык его быстро произвел анализ напитка: ячмень с солодом, хмель, немножко риса и кукурузы. Безвредно.

Он выпил стакан, напиток пришелся ему по вкусу, и он повторил.

На кухонном столе лужей расплескалось солнце. Он посмотрел на окно. Показалось это ему или оно на самом деле покачнулось сперва влево, а потом вправо?

Какое странное ощущение!

Он откупорил вторую бутылку.

Потом встал и обнаружил, что не может сделать ни шагу.

Чтобы не упасть, он вцепился в край стола. Ну, вот и все. Он этого ждал. Земное тяготение его победило.

Ноги у него подгибались; именно этого он и опасался, именно это и должно было случиться в конце концов, когда нагрузка для его скелета станет непосильной. Ноги разъезжаются, лодыжки как ватные. Он натолкнулся на плитку, отлетел как мяч, вылетел в проем двери.

Едва держась на ногах, он перебрался в гостиную и включил телевизор.

— ...протяни руку-у,— пел телевизор,— протяни руку-у и коснись...

Он смотрел отупело на экран, веки его смыкались. Зазвонил телефон. Инопланетянин протянул свою похожую на каракатицу руку, взял (он видел, как это делает Эллиот) трубку. Из трубки послышался женский голос, похожий на голос Мэри, но старше, ворчливый и, пожалуй, немного безумный:

— Алло, зоты, Мэри? У меня только минута, но я хотела дать тебе рецепт, ты от него будешь просто в восторге, в нем есть все, что тебе нужно, учитывая твоё несбалансированное питание...

— ...протяни руку-у,— пел телевизор,— протяни руку-у и скажи: «Привет»...

— Скажи: «Привет», — сказал пьяный старый домовый.

— Эллиот? Это ты, мой ангелочек? Почему не в школе? Не заболел? Это твоя бабушка, милый.

— Скажи по буквам «механический».

— Тебе нужно лежать, Эллиот. Возвращайся в постель сию же минуту. Передай маме, чтобы она мне позвонила.

— Мне позвонила.

— Выздоровливай, мой дорогой. Укрывайся теплым одеялом.

Болтливая старая дура чмокнула в трубку. Наклокавшийся старый ботаник ответил тем же.

Он открыл новую бутылку пива и, задрвав ноги вверх, стал смотреть телевизор.

Но он не подумал о том, что его мозг, опьянев, не перестал излучать мощную волну, и волна эта теперь, как и он, не совсем трезвая.

И эта волна, обжевав комнату, ударила в стену, прошла сквозь нее и полпыла по улицам, раскачиваясь и петляя, и наконец, достигнув стен школы и замерев на мгновение, ринулась в атаку.

Когда назююкавшаяся волна ударила в Эллиота, тот сидел, склонившись над столом, в кабинете биологии.

Учитель говорил:

— Перед каждым из вас стоит стеклянный сосуд. Я буду подходить и класть туда клочок ваты, пропитанной эфиром, а потом каждый из вас опустит в банку свою лягушку и станет ждать, когда жизнь ее оборвется.

Эллиота качнуло вперед, и он приложил к банке губы. И начал издавать космические звуки, невнятные, но явно отмеченные печатью опьянения, похожие на те, которые сам Ип издавал в эту минуту:

— Буль-буль, ба-ба-ба-ба, бэ-э, бэ-э...

— Что касается нашего комика, то мы его очень просим замолчать.

Эллиот и попытался это сделать, но казалось, что комната потеряла правильную форму, распалась, и то же самое происходит с ним. Пытаясь вернуть себя в нормальное состояние, он посмотрел на девочку, сидящую рядом, некую Пегги Джин: ей, похоже, звуки, которые он только что издавал, доставили удовольствие. Она незаметно улыбнулась ему, он улыбнулся ей в ответ, но ощущение у него было такое, будто его губы сделаны из пластилина.

— Ну, а теперь... — И учитель смочил ватку эфиром.

Эллиот посмотрел на лягушку в сосуде. Лягушка глядела на него во все глаза, и до Эллиота впервые дошло, что Ип на нее похож: будто смотрел на него сейчас беспомощно из сосуда сам космический путешественник.

— Нет, вы вправду хотите убить это бедное беззащитное существо? — спросил Эллиот.

— Да, хочу, — ответил ему учитель.

Эллиот вскочил и стал бегать от стола к столу, освобождая одного за другим пучеглазых пленников, и те, прыгая по полу к двери, стали покидать помещение.

Вытянув под столом длинные ноги, Тайлер грустно покачал головой. Впервые за время, что он знал Эллиота, Тайлеру его стало жаль: что теперь с ним будет? Эллиот изменился, он уже совсем не та скаредная крыса, какой был раньше. Если говорить честно, Эллиот теперь почти хороший. И вот он на глазах у всего класса сошел с ума!

— Сэр, — сказал Тайлер, пытаясь отвлечь внимание учителя от Эллиота, — в ваш пакет с завтраком прыгнула лягушка!

Учитель схватил пакет и вытряхнул из него содержимое; ветчина и сыр из сэндвича упали в раствор формальдегида и, мгновенно замариновавшись, опустились на дно. Никакой лягушки в пакете не оказалось. Последнюю из них в эту минуту стлкнували с подоконника за окно, и делал это Грег, на губах которого от возбуждения пузырилась слюна.

Разъяренный учитель вытащил Эллиота из класса. Стив достал свою крылатую бейсбольную шапку, надел ее и подвигал крылышками.

— Исключат, уж это как пить дать, — сказал он.

И задумался над тем, что может случиться с человеком, когда им начинают управлять сестренка.

А тот, кто на самом деле управлял сейчас Эллиотом, тот, кому Эллиот был обязан временной потерей разума, бесполово переключал телевизор с одной программы на другую. Потом Ип, уже совсем опьяневший, уселся поудобнее в кресло, и теперь оттуда торчали не уместившиеся на мягком сиденье две большие ступни. Передавали последние известия, и этот великоленый для Ипа день омрачило сообщение об аварии в шахте:

— ...южная штольня обвалилась, — говорил в микрофон обсыпанный пылью спасатель. — Думаю, что мы подняли наверх всех, но состояние этих людей критическое.

Послепруденному миру крупным планом показали пострадавших шахтеров. Не вылезая из кресла,

маленький домовый поднял палец. Кончик пальца засветился розовым светом.

Пострадавшие поспрыгивали с носилок. С криками изумления они задвигали руками и ногами, а потом бросились обнимать друг друга.

Ип раскупорил новую бутылку пива.

Разъяренный учитель тащил Эллиота по коридору. Жизненный путь учителя биологии вообще не усыпан розами, а орды подростков, с которыми учителю приходилось каждый день иметь дело, уже расшатывали его нервы; иногда ему приходила мысль, что в эфир, возможно, ему стоило бы погрузить собственную свою голову. А уж о голове Эллиота и говорить нечего, ее бы он погрузил в эфир, не раздумывая. С трудом подавляя в себе это желание, он решил передать Эллиота в руки директора школы в надежде на то, что директор высечет Эллиота сам или прикажет это сделать другим. Но, разумеется, современная система образования таких мер воздействия не допускает, и, когда дрожащий и надломленный учитель вышел, пошатываясь, из кабинета директора, у него было чувство, что с детьми ему не справиться.

А в кабинете директора сейчас претворялись в жизнь мягкость и либеральный подход. Директор, педагог с передовыми взглядами, достал свою сделанную из корня эрики трубку, закурил и стал создавать атмосферу взаимного доверия.

— Скажи, сынок, что с тобой было? — Он погасил спичку и не спеша затянулся. — Такие, как ты, мой мальчик, сами создают для себя преисподнюю. Ты отвечаешь за свою жизнь...

Директора понесло; для него не было собеседника более приятного, чем он сам, и оттого, что аудитория в лице Эллиота слушала как зачарованная и не шевелилась, уверенность его в себе только росла. Он сек мальчика штампами, цепочками штампов, позавидованных у телевидения, из газет, из скучных специальных журналов, и сек также перлами, рожденными его собственным неглубоким умом.

— ...Пойми, что в нашу эпоху человек должен поднимать себя за шнурки собственных ботинок...

Его трубка посылая вверх маленькие самодовольные облачка дыма. Мир стоит прочно. Бунтующая молодежь скоро поймет: оттого, что она раскачивает лодку, ничего хорошего не получится. Вынимая изо рта трубку, он размахивал ею в воздухе. Должность директора в надежных руках. Педагогика неколебима.

Но только Эллиота вдруг стало вытаскивать из кресла вверх.

Винюват был, конечно, Ип. Его изрядно хлебнувшая волна, резвясь, носилась по кабинету директора и, наконец, как вода выталкивает вверх пробку, начала толкать вверх бедного Эллиота.

Изо всех сил вцепившись в подлокотники, он пока удерживал себя в кресле; директор не понял, что происходит, ему казалось, что Эллиот просто ерзает.

— ...из-за несерьезного отношения к жизни ты и твои друзья теряете драгоценное время. Понятно тебе, о чем я говорю? — Совсем позабыв об Эллиоте, завороченный монотонностью собственной речи, он раскрывал и закрывал рот. — ... мир, сынок, величина известная. Оторвись от несуществующего. Именно в этом, мне кажется, корень всех твоих трудностей.

Но настоящий корень трудностей Эллиота был сейчас в том, что его с корнем вырывало из поля зменого притяжения. Налакавшаяся волна подбрасывала его, игриво толкала вверх с силой, справиться с которой руки его теперь не могли. И Эллиот всплыл под потолок кабинета.

Директор, повернувшись в другую сторону, в это время протирал очки и бубнил:

— ...предсказуемое поведение, мой мальчик. Знаешь ли ты, чего смогло добиться человечество, когда обнаружило, что поведение вещества предсказуемо?

И он посмотрел туда, где должен был сидеть Эллиот.

Эллиота он там не увидел. Эллиот плавал в воздухе под потолком, что и обнаружил тут же директор, чьи выпученные глаза в результате этого открытия выпучились еще больше. Он вжался в свое вращающееся кресло, а его пальцы, впившиеся в очки, выдавили линзу. Его нос распух; ему казалось, что из носа вот-вот хлынет кровь, и еще казалось, что его голову, будто носок, вывернули наизнанку.

Директор поднял руку, призывая к молчанию, хотя молчание и так царило в комнате. Потом еще глубже вжался в кресло и чуть слышно завыл голосом, похожим на голос Харви.

Эллиот плавно опустился в кресло.

— Можно мне идти, сэр?

— Да-да, и-ди...

Мощнее всего пьяная волна была у своего источника, там, где, размахивая руками, слонялся по дому Ип. Он выпил полдюжины бутылок пива. Для жителя Земли соответствующее количество алкоголя, циркулирующего в организме, не очень велико, но на

маленькое, тонко настроенное, прожившее бесчисленное множество веков невинное создание с неба это небольшое количество легло тонной кирпичей.

Стукаясь об одни вещи, валя другие, спотыкаясь, он бродил по комнатам. Харви преданно следовал за ним. Благодаря тому, что сейчас поступало телепатически в мозг Харви, пес тоже был в плохой форме; бедное животное не приплясывало, как обычно, а пошатывалось.

— Что с тобой? — спросило его страшилище. — Разве ты не можешь ходить прямо? Ходи, как я. — И Ип перекатился через подушку.

Ип покатался по подушке, потом встал и, пытаясь изобразить танцевальные движения в стиле «диско», которым учила его Герти, зашел:

— Пе-реломы буд-дутт...

Пел он правильно, но казалось, что воздух от его пения светится. Харви слушал, и ему мерещились огромные вырубленные в камне пещеры далеких миров, в них появлялись и исчезали маленькие страшилища, и в конце концов Харви жалобно завыл:

— ...но это толллько роккк-н-роллл...

Страшилище раскачивалось, тряся круглым, как мяч, животом. Эта необычная демонстрация достижений в хореографии продолжалась бы, возможно, и дольше, не вернись домой Мэри. Она вошла в дом через переднюю дверь, полистала журнал, который увидела на столике для корреспонденции, и прошла в кухню.

Гость из космоса решил, что настало время оповестить ее о своем существовании. Он принимал все волны, излучаемые ее мозгом; да, теперь он показать ей может. И он заковылял по коридору.

Харви, хотя странные видения осаждали сейчас его самого, знал: это безрассудно.

Мэри вот-вот должна была уже появиться из-за угла коридора, когда Харви, прыгнув, очутился впереди Ипа. Пес, встав на задние лапы перед Мэри, загородил собой страшилище, высунул язык и так и остался стоять в этой просящей позе.

— Я и не знала, Харви, — сказала Мэри, — что ты так хорошо умеешь служить. Это Эллиот тебя научил?

Пес кивнул.

— Но кормить тебя еще рано, Харви, ты это знаешь. И, повернувшись, Мэри пошла в сад.

Изнемогая от боли, Харви буквально рухнул на передние лапы; не склонный вообще переутомлять ни разум, ни тело, он никакого удовольствия от своего подвига не получил. Он посмотрел на древнее космическое страшилище. Древнее страшилище посмотрело на него, а потом за него, в направлении двери, ведущей в сад. Нужно, чтобы Мэри узнала, как он мудр.

Он оттолкнул Харви.

Пес антигравитировался, а потом снова опустился на пол, на два шага правее, и в это мгновение в дом с охапкой цветов в руках вернулась Мэри.

В один прыжок Харви опять очутился перед Ипом и лихорадочно забил хвостом. Ип уже оторвал ногу от пола, чтобы шагнуть к Мэри; поскольку сохранить равновесие в таком положении трудно, удар хвоста Харви, швырнув Ипа вдоль коридора, забросил того в открытую дверь.

Харви снова стоял на задних лапах, было ужасно больно, но он терпел; Мэри остановилась перед ним, из-за цветов почти ничего не видя.

— Что-то ты очень возбужденный сегодня, Харви, — сказала она.

Пес кивнул снова.

Мэри прошла в кухню и поставила цветы в воду, потом подхватила со стола узел одежды, которую привезла из химчистки, взвалила на плечо и направилась к лестнице. Интересно, Харви на самом деле кивал или ей это только показалось?

с силами, помогая продержаться в этом жестоком мире хотя бы еще один день.

Ип медленно поднимался по лестнице, налевая:

— ...эт-то толллько роккк-н-роллл...

Но Мэри уже повернула краны, и шум льющейся воды лишил ее возможности насладиться его пением.

Ип заглянул в ее спальню, и поникшие растения, которые, возможно, тоже были навеселе и, уж во всяком случае, пребывали в растерянности, попадали с подоконника на пол.

Престарелый путешественник повернулся, ушел, шаркая и переваливаясь с боку на бок, к себе в чулан, упал на подушки, и сознание его покинуло.

Ключник не знал, что уже душит добычу, овладеть которой так стремился, не знал, что телепатический шуп Ипа уже обнаружил батарею изумительной медицинской техники в его «складе», и вернувшийся сигнал свинцовой тяжестью лег на маленькое существо. Ип был не в состоянии сказать точно, что значит этот сигнал, этот асимметричный световой узор, эта сеть из щупов и зондов, появляющаяся снова и снова на периферии его сознания. Но сигнал этот поверг его в тоску, наполнил тысячу смутных опасений. Раскинувшись, не в силах поднять голову, он лежал на спине в чулане и чувствовал, как механические руки тянутся к нему, хватают его. Он спал беспокойно, и его мучили страшные видения.

А в источнике этих видений, некоем «складе» неподалеку, кипела работа. У Ключника в ожидании близкого триумфа словно выросли крылья. Настроение у его подчиненных было приподнятое: исторический для планеты Земля миг приближался. Кто-кто, а уж Ключник знал, насколько этот миг знаменателен, ибо сам он каким-то образом соприкоснулся телепатически с цивилизацией, создавшей корабль и им управляющей. Сказочные грезы посещали теперь его, они намного превосходили все, о чем он мечтал в детстве, и странная любовь возросла в нем, любовь к этому прекрасному, заинтересовавшемуся Землей разуму.

Группа уже была приведена в состояние готовности, начался отсчет времени. Но все происходящее Ключник воспринимал сквозь призму чувства, не покидавшего его теперь ни на миг, — чувства, что он, корабль и экипаж корабля неразрывно связаны. Над ним все время стояла, наблюдала за всеми его действиями их психическая волна. Ну, что ж, пусть убедятся, что и сочувствия, и готовности помочь у него в избытке. Он делает все, что в его силах, чтобы спасти их оставшегося на Земле товарища.

Его автопарк сверкал, а когда дверцы машин открывались, становилось видно и сверканье внутри: вспыхивают цифры, пляшут стрелки, светится сложная электронная аппаратура.

И все это ради одинокого инопланетного существа.

В сопровождении всезнайки Лэнса, который не отставал от него ни на шаг, Эллиот вошел к себе в дом.

— Эллиот, что с тобой случилось на уроке биологии? Ты ведь был не в своем уме, ты это знаешь?

— Знаю.
— Странное поведение, Эллиот. Не кажется ли тебе, что не очень-то умно привлекать к себе внимание, да еще в такое время?

И всезнайка поглядел на Эллиота многозначительно, как мыш, которая проела насквозь головку сыра и смотрит по сторонам.

Эллиот опять подавил в себе желание пнуть Лэнса, вздохнул и пошел к лестнице, Лэнс за ним — как жвачка, прилипшая к подошве ботинка.

— Но нашему биокретину, Эллиот, ты задал жару, уж это точно. Ребята из класса, который занимался там после нас, говорят: они вошли и видят — он совсем чумной.

К двери чулана в комнате Эллиота им пришлось перебраться через рассыпанный по полу хлам; Ип был в чулане, он лежал на подушках, и длинные пальцы ног его торчали вверх.

Лэнс изменился в лице.
— И ты спокойно оставляешь его одного? Ты что, спятил? Ведь он самое ценное, что есть в мире, а сюда кто угодно влезет и его похитит!

Эллиот взял старого путешественника на руки.

— Он наклюкался.
Ип открыл глаза:
— Скажи по буквам: «шесть бутылок».

— Больше чем достаточно, Ип.

Лэнс, все еще негодуя, заговорил снова:
— И зачем вообще нужно его прятать? Ведь на него народу захочет посмотреть больше, чем даже на «Нью-Йоркских янки»! Это же настоящая золотая жила, Эллиот! Он, ты и я. Все оформим юридически.

Эллиот, поставив Ипа на пол, его поддерживал, но все равно вечный странник стоял на ногах нетвердо.

— Тебе нужен администратор, Эллиот, — просто-напросто Лэнс, — нужен обязательно; ты никакого представления не имеешь о том, как надо обращаться с инопланетянами.

Эллиот, поддерживая Ипа под руку, ощущал тяжесть в теле древнего существа, тяжесть странную, глубокую; ничего похожего его руки не чувствовали никогда.

— Ип!
Он тряхнул инопланетянина, и тот на него посмотрел, но космические видения, которые сейчас открылись Эллиоту в его глазах, отличались от всего, что Эллиот за все эти недели там наблюдал. Это были самые чудные знаки, какие только можно себе представить. Они обрушились на Эллиота со всех сторон, и тяжесть Ипа стала его собственной тяжестью.

— Ип, что... происходит?
— Существо, прожившее бесчисленные века, повисло на руке Эллиота. Плотность его тела менялась. Раздаваемый земным тяготением, он был теперь как центр коллапсирующей звезды, превращался в черную дыру в пространстве.

То, что обрушилось на Эллиота, обрушилось и на Лэнса, который взял Ипа под другую руку; вес Ипа тянул его вниз, и Лэнс, и так небольшой, стал еще меньше.

— Слушай, он со всеми общается через тебя. Он твой. Но нужно оформить все юридически. Мой папан юрист. Он что-нибудь придумает. Мы станем миллионерами, поедим куда только захотим. Все будут стараться с нами познакомиться, ведь мы будем самые знаменитые мальчишки в мире. Все захотят увидеть Ипа, а принадлежать он будет нам!

Но принадлежал Ип только гравитации. Голова у него была уже совсем чистая: он нейтрализовал, сфокусировал на миг свои скрытые силы, весь алкоголь, который был у него в организме. Но вот другому процессу, глубокой имплозии своего тела, он обратного хода дать не мог.

Да, кончается его жизнь среди звезд. Внутри у него все съеживается до размеров булавочной головки. Его время истекает.

Но нельзя, если ему суждено уйти, допустить, чтобы вместе с ним ушел и мальчик. Однако именно это сейчас и происходило: черная дыра разверзлась, и избежать ее было невозможно. Тот, кто подлетит слишком близко, бывает проглочен — таков закон космоса.

— Скажи... по буквам... «уходите»...
Он хотел, чтобы они оставили его, ушли. Но они к нему льнули, и он чувствовал, как в него втекает их любовь. Глупые дети не понимают, что дорогами, которыми пойдет он, им не пройти. Он древний путешественник по путям бездны, а они всего-навсего несмышленишки...

В чулан прошмыгнул Харви, вид у него был озабоченный, голова опущена вниз: Мэри вернулась, она близко.

Харви посмотрел на существо из космоса, и в его собачьем воображении появилась темная яма; сотканная из света сахарные кости падали в эту яму

одна за другой. Что-то прикоснулось к собственным его костям, и он отпрыгнул назад.

— Оставьте меня... — сказал Ип.

Нужно, чтобы он умер один. Но и тогда темная сила окажется, возможно, такой могучей, что начнет всасывать другие оказавшиеся рядом силы. Не вызовет ли он, одинокий пришелец, имплозию всей Земли? Не вывернет ли Землю его смерть наизнанку?

— Скажи по буквам... «опасность»...
Он сфокусировал сознание по очереди на всех космических уровнях, но так и не смог найти формулу, которая позволила бы нейтрализовать темную могучую силу. Он завяз, ему не вырваться, а до корабля много световых лет пути.

Спотыкаясь, мальчишки поволокли Ипа через комнату.

— Какой он... тяжелый! — проговорил, тяжело дыша, Лэнс.

Собрав все свои силы, они подняли Ипа и опустили на кровать Эллиота, и тут послышались шаги Мэри на лестнице. Через несколько секунд Мэри открыла дверь в комнату.

— Привет, мальчишки!..
Перед ней встал, служа, на задние лапы Харви. Наэлектризованная до невероятности шерсть на нем поднялась, и Мэри, глядя на него, не увидела, как Эллиот набросил одеяло на Ипа.

— Что вы делаете с Харви? — спросила Мэри; пес стоял перед ней, тяжело дыша, на задних лапах.

— Харви, — сказал Эллиот псу, — спокойнее.

А Ип падал глубже и глубже. Он ощущал присутствие тонкого и гибкого существа, хозяйки дома, и знал, что действующая в нем сила затянется и ее, и к общению с ней больше не стремился, ибо пути у них разные. Ей никогда не понять, где она оказалась, если она упадет в открывшуюся в нем бездну. Ее сознание, как и сознание детей, распадется... если он не встанет... встанет... скажи по буквам «встанет»...

Но он не мог пошевелиться; он мог только слушать, что говорят на своем языке земляне.

— Как дела в школе?
— Хорошо.
— Есть хотите?
— Мы через минуту придем, — сказал Эллиот.

— Есть у вас... сыр? — спросил Лэнс.

Ему срочно нужно было подкрепиться. В голове у него творилось что-то очень странное. Ему казалось, будто он падает, падает в бездну, какой он до этого и представить себе не мог. Как той ночью на велике, но только наоборот: тогда у него было чувство, что еще немного, и он взлетит, а сейчас что-то темное, вязкое тянуло его вниз, и помочь ему мог только швейцарский сыр — так ему, во всяком случае, казалось.

— Кто-то уже съел весь сыр, — сказала, подозрительно глядя на маленького всезнайку, Мэри.

Она чувствовала: что-то происходит с ее мальчишками, материнская интуиция подсказывала ей это, но время для того, чтобы доискиваться истины, было сейчас неподходящее. И... у нее вдруг страшно заболела голова.

Она вышла из комнаты. Эллиот сразу повернулся к Ипу. Гримаса ужаса исказила лицо Эллиота, когда он увидел, какого цвета теперь Ип: почти серый.

Схватив его старческую руку, Эллиот опустился на пол около кровати.

— Вылечи себя, Ип!..
Стемнело. За это время Эллиот перетащил к себе в комнату все лекарства, какие были в их домашней аптечке, но они казались ненастоящими, игрушечными — бессильными против болезни космического существа.

А Ипа втягивал водоворот гравитации. Его мечте о том, чтобы пожить жизнью землянина, и мечте о звездном свете пришел конец. Черное солнце теперь светило ему.

И все из-за того, что он не удержался и стал заглядывать в окна...

Он должен, обязательно должен найти способ сделать так, чтобы его несчастье не стало также несчастьем землян или самой Земли; ведь, возможно — для этой планеты уравнение сформулировано не было, — если не станет его, не станет и ее вместе с ним, ибо тело его скрывает в себе некую великую атомную тайну. Все растения в доме были мертвы. Казалось, что стены комнаты надвигаются на него все ближе и ближе с каждым его вдохом.

— Вылечи себя, — снова попросил Эллиот, ибо у него было чувство, что этот престарелый гений может все. Но и старым богам не все под силу.

Ип медленно покачал головой.

— Тогда пусть эта болезнь перейдет ко мне, — сказал Эллиот.

Он и не подозревал, что она у него уже есть, притом в избытке, и что он располагает теперь силой, нужной, чтобы исчезнуть в совсем чужом для него мире. Но сила эта так стара и непреоборима, что установить над ней контроль Эллиоту не удалось бы никогда, и стремительный переход в другое измерение, как ножницами, разрезал бы его сознание пополам.

— Унеси меня... далеко... — прошептал Ип, — и оставь...

— Я никогда тебя не оставлю, Ип, — сказал Эллиот.

Обязательно нужно уговорить, упросить его; и брошенный на Земле путешественник страшным усилием воли заставил себя подняться из бездны.

— Я... большая опасность для тебя... — он поднял свой длинный палец, — ...и для твоей планеты...
Блестя в лунном свете глазами-звездами, он приподнял голову.

— Но наш передатчик, — сказал Эллиот, — ведь он работает.
— Хлам, — сказал Ип.

Глаза его в темноте сверкали. Их взгляд проникал в глубину стремительно рушащейся внутрь самой себя силы, и Эллиот увидел в этих глазах невероятное сложное движение снующих световых нитей. Потолок над головой у него стонал, в углу скулил Харви, а инопланетные глаза все так же созерцали потоки тех тайн вещества, которые простому ботанику со звезд, увы, неподвластны.

— Ты даже не пытаешься, — напуганный этими глазами и притягиваемый ими, сказал Эллиот. — Ну, пожалуйста, Ип!

Ночь продолжалась. Тело Ипа твердело и становилось теперь уже совсем серым. Его губы шевелились, но слов не было слышно, только из глубины тела доносился похожий на рокот водопада звук предельного сжатия звездного вещества. Тело Ипа стало невероятно плотным. И ядро тела всасывало сейчас в себя всю сосредоточенную в этом теле огромную энергию. Звездную сердцевину Ипа сжимало все сильнее и сильнее.

У Эллиота было чувство, будто собственное его тело состоит из цепей и эти чугунные цепи тянут его своим весом вниз. Казалось, что этот вес увеличивается; голова раскалывалась от боли, тяжесть в сто тысяч тонн навалилась беспросветная тоска. Когда проглянул наконец серый свет утра, Эллиот невероятно усилием заставил себя подняться и посмотреть на Ипа. В страшилище будто не осталось никаких живых соков, и оно уже было не серое, а белое — белый карлик. Эллиот выбрался кое-как в коридор и спустился, пошатываясь, к Мэри. Когда он толкнул ее дверь, давящая чугунной плитой тоска и чувство космического одиночества были уже в нем неразделимо смешаны. Он чувствовал себя инопланетянином, кем-то чужим самому себе, и от этого ему было страшно.

Мэри открыла глаза, посмотрела на него.

— Что случилось?
— Все... ничего не стоит, — проговорил он с трудом, проваливаясь внутрь себя, падая в какую-то бездну, уносясь в бесконечность.

— Ой, сынуля, такого чувства быть не должно, — сказала Мэри, хотя именно такое чувство было сейчас у нее; всю ночь ей снилось, будто она под водой и никак не выплывает на поверхность.

— У меня есть нечто замечательное, — прошептал Эллиот, — и по моей вине оно тоскует.

— У всех временами бывает такое чувство, — сказала Мэри.

Вроде бы подходящая к случаю банальность, но ей самой такое не помогает, так почему оно должно помочь Эллиоту? Она похлопала по постели, показывая на место рядом с собой. Тепло лучше, чем слова, в этот серый рассвет ей было холодно, холод пронизывал ее до костей, но ей стало еще холоднее, когда рядом лег Эллиот.

Что происходит в доме? Что-то таится в нем, безымянное, ужасное, и притягивает к себе все остальное.

— Можешь ты... рассказать мне? — спросила она.
— Потом.

Свернувшись, Эллиот прижался к матери, но у него по-прежнему было чувство, что они падают все ниже, глубже в водоворот, где не протянется к ним ничья рука, потому что там никого нет.

— Потом, — сказала Мэри, глядя его лоб. — Поспи...
Эллиот уснул, и ему приснился железный шар, который сначала увеличивался, а потом стал уменьшаться, уменьшаться; а потом Эллиот понесся на нем через пустоту.

Когда в семь тридцать зазвонил будильник, Мэри тихонько поднялась, не будя Эллиота, спавшего крепким сном. Она знала, Эллиот умеет притворяться, что у него температура, однако сейчас, похоже, никакого притворства не было. Надевая халат, она почувствовала, что веки ее смыкаются снова. С трудом, но она разомкнула их, стряхнула с себя сон и остановила взгляд на Эллиоте. Да, что-то с ним сегодня не то. Не похмеле ли это? Неужели ее малыш пошел по стопам непутевого отца? Она нашла несколько пустых бутылок из-под пива...

Перевел с английского
Ростислав РЫБКИН.

Окончание следует.

НАША ПЕСНЯ

Где-то снегопад, где-то радуга,
Где-то синий дождик прошел.
Если все возьмемся мы за руки,
Значит, будет все хорошо.

ПРИПЕВ:

Нужно много нам в жизни успеть,
Нужно песню сложить про запас.
Одному ее петь — все равно, что не петь.
Ну, а всем ее петь — в самый раз!

Нам всегда в хорошее верится,
По душе нам солнечный свет.
Тучи над землею развеются,
Если мы войне скажем «нет!».

ПРИПЕВ.

Защитим от смерти безжалостной
Нашу землю — общий наш дом.
Будет жизнь счастливой и радостной,
Молодость порукою в том.

ПРИПЕВ.

Стихи
Игоря ШАФЕРАНА

Музыка
Олега ДЫМОВА

Рисунок Юрия АФОНИНА,
Москва

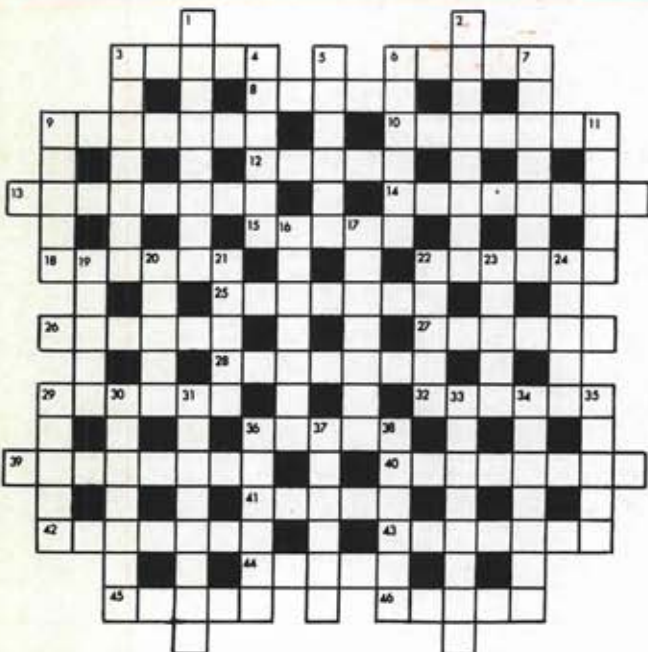

Рисунки
Алексея
МЕРИНОВА,
Москва

К Р О С С В О Р Д

Составил Н.СМЫК,
пос. Козелец
Черниговской области

По горизонтали:

3. Американский поэт-лирик.
6. Сельскохозяйственное орудие.
8. Самый высокий горный массив в Греции.
9. Мужской голос.
10. Период в геологической истории Земли.
12. Опера А.Г.Рубинштейна.
13. Раздел стиховедения.
14. Проверка.
15. Черный дятел.
18. Постельная принадлежность.
22. Старинная рукопись.
25. Составление страниц газеты, книги.
26. Столица Македонии.
27. Учебное занятие в вузе.
28. Советский авиаконструктор.
29. Народ, живущий на Филиппинах.
32. Река в Хакасии.
36. Административно-территориальная единица Монголии.
39. Страна, ввозящая товары из другой страны.
40. Стая журавлей.
41. Главный кровеносный сосуд.
42. Упражнения, позволяющие спортсмену сохранять форму.
43. Пограничное подразделение.
44. Колебательное движение.
45. Союз крестьян в 20-х годах в Средней Азии.
46. Водяное растение.

По вертикали:

1. Учение, философская теория.
2. Охотничье ружье.
3. Передовая позиция.
4. Водоизмещение судна.
5. Техническое масло.
6. Крепежная деталь.
7. Лошадь, которой пророчат первенство на скачках.
9. Материал для строительства дорог.
11. Железнодорожный путь.
16. Химический элемент, компонент люминофоров в цветных телевизорах.
17. Героиня оперы Н.В.Лысенко.
19. Столица Ганы.
20. Русская народная сказка.
21. Симфоническая поэма М.Равеля.
22. Восточная сладость.
23. Наземная лесная птица.
24. Название буквы в старой русской азбуке.
29. Овощ.
30. Прием преувеличения в литературе, искусстве.
31. Самоназвание одного из прибалтийских народов.
33. Древнегреческое название Днепра.
34. Место соединения электропроводов.
35. Курорт на юге Франции.
36. Приток Куры.
37. Начальная или заключительная часть басни.
38. Космический объект с мощным излучением энергии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 13

По горизонтали:

11. Боровицкий.
12. Остеология.
13. Светочувствительность.
14. Ежевика.
15. Капор.
18. Забрало.
19. Бухарец.
20. Линде.
23. Шмыга.
24. Пульчинелла.
27. Фагот.
28. Мерин.
29. Заряд.
30. Голик.
31. Ветка.
32. Оковы.
35. Набор.
37. Тонга.
40. Механизатор.
41. Битва.
42. Цитра.
44. Винаров.
48. Стасова.
49. Ягуар.
50. Гранада.
53. Электрорентгенография.
54. Самомассаж.
55. Ацидофиллин.

По вертикали:

1. Подвижница.
2. Монтевидео.
3. Кипчаки.
4. Юкава.
5. Ойстрах.
6. Монитор.
7. Утсек.
8. Хольман.
9. Монограмма.
- 10: Диетология.
15. Кульминация.
16. Памир.
17. Регенератор.
21. Шумомер.
22. Жлуктов.
25. Чекан.
26. Нивоз.
33. Квинтильман.
34. Вивисектор.
36. Билуа.
38. Ориентация.
39. Городничий.
43. Дворжак.
45. Нгунджу.
46. Райграс.
47. Прогноз.
51. Брасс.
52. Инжир.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд,
14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи,
фото и рисунки не возвращаются. Рукописи
объемом более одного авторского листа (24 машинописных страницы) редакцией не рассматриваются.

Сдано в набор 19.06.85. Подписано к печати 02.07.85. А 04460. Формат 70x108¹/₈. Глубокая печать.
Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 1889. Заказ № 1059.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Дорогие друзья!

Приглашаем вас подписаться на журнал «Смена». Воспитание советской молодежи в духе самых высоких понятий, выработанных в нашем народе, всегда было важнейшим делом Ленинского комсомола. Эту же задачу, как самую главную, ставил и ставит перед собой комсомольский журнал «Смена».

В год XXVII съезда партии диалог с читателем будет вестись с особой искренностью и честностью, доверительностью и взаимной требовательностью. Журнал будет вникать в самые насущные, животрепещущие проблемы. Здесь интересы читателей и журнала полностью совпадают.

И сегодня, когда еще есть время уточнить планы, внести в них акции и рубрики, особо интересные читателям, созвучные требованию дня, мы обращаемся к друзьям «Смены», ее подписчикам, настоящим и будущим: пишите нам о своих пожеланиях и предложениях. Совет читателя во многом определяет творческий поиск журнала. В письмах читателей — адреса, по которым едут наши корреспонденты. Голос читателя постоянно звучит на страницах «Смены».

В 1986 году журнал намерен пристальное внимание уделить вопросам партийного руководства комсомолом, рассказать о том, как коммунисты-ленинцы передают молодым свой богатейший жизненный опыт борьбы и труда, тот опыт, то знание жизни, которые помогают выйти на верную дорогу, стать активным участником жизни страны, верно разобраться, в чем состоит долг и право человека и гражданина нашей страны. Рубрики «Письма из райкома», «Беседа с партийным руководителем», «Автобиографии», «Жизнь замечательных людей» интересны тем живым, положительным примером, о котором должен знать каждый человек, а молодой — в особенности.

На страницах журнала люди военные расскажут о подвигах солдат Великой Отечественной, на живых примерах раскроют суть таких святых для каждого советского человека понятий, как «долг», «товарищество», «честь». Очерки и репортажи постоянной рубрики «Служу Советскому Союзу!» ближе познакомят вас с напряженными буднями армейских комсомольцев, защитников Родины.

Ценность человеческой жизни определяется прежде всего тем, что ты сделал для людей. Труд — мерило, по которому в нашей стране судят о человеке. Вот почему «Смена» всегда особо внимательно относи-

Фото Владимира Чейшвили

«СМЕНА» -86

лась к трудовой деятельности советской молодежи. Производственная жизнь непростая. Она полна конфликтов, борьбы и противоречий. Тем важнее здесь верные и надежные ориентиры. Вопросы дисциплины и организованности, ответственности и пассивной исполнимости, трудовых и нетрудовых доходов волнуют сегодня многих. И вы сможете участвовать в разговоре о них на страницах журнала.

«Смена» расскажет о роли научно-технического прогресса в наши дни, а ее рубрика «Компьютерный всеобуч» поможет уверенно чувствовать себя наедине с самой современной техникой.

Школьник и учащийся ПТУ, преподаватель и мастер производственного обучения всегда найдут на страницах журнала материалы о том, как претворяется в жизнь реформа школы, чем сильны наши лучшие педагоги, в чем их «секреты», о которых они расскажут со всей откровенностью. Да, собственно, могут ли кого оставить равнодушными рубрики «Школьные перемены» и «Творческая педагогика»!

Л. Жуховицкий, О. Чайковская, Д. Валеев, И. Кон, И. Зюзюкин, В. Переверденцев, К. Скопина, Ю. Феофанов, Е. Добровольский и другие известные публицисты поведут на страницах журнала разговор о житейских драмах и нравственных испытаниях, выпадающих на долю человека, о тех явлениях, борьба с которыми должна стать делом каждого из нас. Пьянству и хулиганству, стяжательству и желанию преуспеть за чужой счет, рвачеству и бюрократизму можно и нужно противостоять. Как? Читайте материалы под рубриками «Нравственная норма», «Жизнь семьи», «Закон и ты», «Надо обсудить», «Этика поведения». В них молодой человек найдет тонкий и глубокий анализ сложных человеческих чувств и взаимоотношений, нравственные опоры жизни, уроки активного противодействия беспамятности и бездумию, неискреннему высокому слову и жестокому, низкому поступку, умению беззащитно бросаться общими фразами.

Есть дело, в котором должны объединиться все люди доброй воли нашей Земли, — дело борьбы за мир. Прочный мир может быть достигнут только в

борьбе, нашими совместными усилиями. О том, как борется молодежь Земли за будущее без войн и угнетения, вы узнаете из материалов наших корреспондентов и авторов.

В серии «Литературный глобус «Смены» читателя ждут встречи с произведениями мастеров гуманистического направления прозы и поэзии зарубежных стран. По традиции журнал будет отдавать предпочтение произведениям с напряженным действием, острыми моральными коллизиями.

Всегда вызвали особый интерес читателей литературные полосы «Смены». Ведь имена Виктора Астафьева и Андрея Вознесенского, Юрия Нагибина и Евгения Евтушенко, Саввы Дангулова и Евгения Винокурова, Виктора Потанина и Андрея Деметьева, Виктора Лихоносова и Беллы Ахмадулиной, а также многих других постоянных авторов «Смены» любят читатели всех поколений.

Прочные читательское признание завоевали такие рубрики журнала, как «Силуэты», «Литературные уроки», «Хрестоматия «Смены».

На «Конкурс одного стихотворения», который будет проводиться на страницах журнала седьмой год подряд, присылают свои стихи рабочие и студенты, школьники и военнослужащие. Тысячи подборок стихов рассматриваются редакцией ежегодно!

Со страниц «Смены» к читателям пришли герои известных ныне произведений Ю. Семенова, братьев Вайнеров, С. Высоцкого, братьев Стругацких и многих других признанных мастеров приключенческого жанра, особо любимого молодым читателем. Знакомство с новыми героями произведений этого жанра будет продолжаться и впредь из номера в номер.

Откройте номер «Смены» — и вы сможете побывать в самых красивых уголках нашей многонациональной страны. Цветные полосы рубрик «Отечество» и «Красота родной земли» дадут вам полное представление о пушкинских местах и байкальском острове Ольхон, родине выдающегося художника И. И. Шишкина, и Командорских островах.

Со страниц журнала к вам обратятся чемпионы СССР, мира и Олимпийских игр. Причем собеседника

вы можете выбрать сами, написав письмо в адрес рубрик «Твой собеседник — чемпион» и «Спортивный автограф». А в футбольном клубе «Надежда» ваших вопросов и предложений ждут как футболисты, так и болельщики, известные спортивные журналисты и тренеры. В первых номерах «Смены» 1986 года мы начнем публиковать записки капитана сборной СССР Рината Дасаева.

Техника — повальное увлечение молодежи. Рубрика «Скорость» рассказывает о новинках мототехники, о клубах и объединениях, в которых ребята учатся не только владеть техникой, но и уметь владеть собой, чувству товарищества, коллективизма.

Музыка сегодня — безбрежный океан мелодий и ритмов, в котором не так легко ориентироваться. Случается, что из всего этого богатства молодые люди по незнанию выбирают только единственный ручеек. «Смена» знакомит своих читателей со всем многообразием музыкальной жизни, уделяя, естественно, внимание особо популярным у молодежи жанрам.

Новинка 1985 года — рубрика «Береги здоровье смолоду» вызвала и интерес, и одобрение. Рубрика будет продолжена материалами о биоритмах, о совершенствовании не только тела, но и воли, характера.

Быть красивым, модным, но не вульгарным, умеющим одеться разнообразно, но не крикливо научит вас рубрика «Молодежная мода», ведут которую как наши, так и зарубежные модельеры и специалисты. Десятки тысяч читателей из года в год принимают участие в многочисленных конкурсах «Смены». А участники шахматных и шашечных олимпиад завоевывают спортивные разряды, высылая решения по почте. Опытные юристы не оставляют без ответа ни один вопрос наших читателей.

Приглашаем вас, дорогие друзья, подписаться на «Смену». Журнал рассчитан на самый широкий круг читателей, выходит два раза в месяц. Двадцать четыре журнальные книжки, годовой комплект, стоят 8 руб. 40 коп. Подписка на полгода — 4 руб. 20 коп., на три месяца — 2 руб. 10 коп.

Подписка принимается без ограничений.